

Тайный дневник фамильяра

Татьяна Рябинина

Неудачные дни бывают разные. Мой начался с того, что любимый мужчина, он же начальник, при всех пригласил меня на свадьбу с другой. А закончился тем, что я оказалась в другом мире, где служу теперь фамильяром у ведьмы Элии. Хуже всего то, что мы с ней влюблены в одного и того же мужчину — принца Арниса. Наши с соперницей силы неравны: на ее стороне черная магия, а я всего лишь жаба. Однако никогда не знаешь, как могут измениться обстоятельства...

Последнее, что я запомнила, — это верещание той лахудры, которая собиралась то ли выдрать мне волосы, то ли выцарапать глаза. Потом треск подломившегося каблука — как будто кому-то свернули шею. Кажется, потеряв равновесие, я ухватилась за скатерть и сдернула ее со стола. А вот что случилось после этого? Полный провал.

Как бы там ни было, я очнулась и с ужасом поняла, что не чувствую своего тела. Вокруг крошечная темнота, без малейшего проблеска. И тишина — такая, что я должна была слышать свое дыхание, но... не слышала. Совсем ничего не слышала. Черт, может, я в гробу и меня похоронили заживо?

Я попробовала пошевелиться. Ничего не вышло. Как будто вообще не было тела, которое могло шевелиться. А что тогда было? Хороший вопрос. Подобралась паника, и оказалось, что орать и рыдать я тоже не могу, поэтому истерика осталась мысленной.

Где я?! Что со мной?!

Время шло, ничего не происходило. Показалось, что прошло уже несколько дней, а может, и месяцев, когда наконец что-то изменилось. Я почувствовала чье-то присутствие. Хотя нет, вру, ничего я не почувствовала. Просто откуда-то знала, что в темноте кто-то есть.

— Ты ничего не хочешь мне сказать, старая сволочь? — ехидно поинтересовался женский голос.

О, какой это был голос! Я бы что угодно отдала за такое роскошное контральто — глубокое, бархатное. Мужчины наверняка умирали от любви, едва услышав его, даже если их при этом крыли матом или обвиняли во всех смертных грехах.

С запозданием я сообразила, что женщина говорит не по-русски. Английский я знала неплохо, французский самую капельку, но это точно были не они. И вообще не напоминало ни один из европейских языков. И, тем не менее, я прекрасно понимала каждое слово.

— Госпожа Элия, я не знаю, что бы вы хотели услышать, — с хныкающей интонацией ответил скрипучий старческий голос.

— Все ты знаешь, хватит юлить! Кто обещал мне душу для фамильяра? Первую же, которая окажется в твоей помойке?

— Но вы же знаете, для фамильяра годятся только проклятые души. А люди перестали верить в силу проклятья. Да и тех, кто умеет его снимать, развелось как клопов. Нет у меня подходящих проклятых душ.

— Не ври! — возмутилась Элия. — Ты за кого меня принимаешь, червяк? Или забыл, чей голос был решающим, когда тебя назначали Хранителем неприкаянных душ? Я прекрасно знаю, что мне подойдет любая из твоих подопечных. Неужели со всех миров не найдется ни одной подходящей?

Хранитель неприкаянных душ? Я что, умерла? Мамочки... Так вот почему я не чувствую тела! Его просто нет. Да ну, бред какой-то. Мне все это снится. Это кошмар. Надо только проснуться...

— Госпожа Элия, при всем уважении осмелюсь напомнить, что все же не любая неприкаянная душа подходит для фамильяра. Она должна быть свежеумершей и молодой. Иначе проблем не оберешься.

— Тогда скажи, каким образом вчера у Рианны появилась сова? Если ты обещал мне душу еще неделю назад? Ты знаешь, что я могу с тобой сделать за обман?

— Госпожа Элия, простите великодушно, — в ужасе заблеял старик. — Вы же знаете госпожу Рианну. И что было бы, если б я ей отказал.

— Знаю, — ядовито рассмеялась Элия. — Она превратила бы тебя в ветер из задницы дракона. Только почему ты думаешь, что я не могу сделать нечто подобное?

— Потому что вы милостивая и добрая, госпожа, — мне представилось, что Хранитель прижался пузом к земле и завилял хвостом, как испуганная шавка. — Простите, умоляю, простите. Клянусь вам шерстью волкодлаков, первая же подходящая душа будет вашей. Хотя... — он перешел на вкрадчивый шепот, — я не знаю, зачем вам еще один фамилляр.

— Издеваешься? — голос Элии стал похож уже не на бархат, а на черную молнию. — Тебе лучше, чем кому бы то ни было, известно, чья душа в Арте. И почему мне нужен другой. И я не собираюсь ждать. Немедленно. Сейчас же. Вчера я нашла подходящее тело. И взяла его с собой. Поэтому сейчас же поднимай свой ленивый зад и иди ищи. Я жду.

— Но как же, как же? — завохтал Хранитель. — Где же я возьму, если нет ни одной? Не свою же выну. Разве что...

— Что? — насторожилась Элия.

— Есть одна молодая женщина, только сегодня поступила, но я не могу... Вы же понимаете, это запрещено. Категорически запрещено. Вы знаете, чем мне это может грозить, если узнают.

— Между небом и землей? — Элия озадаченно хмыкнула. — Насколько между? Куда ближе?

— Ровно посередине. Точка равновесия.

— Ну... возможно, никто и не узнает. От меня точно. А тебе не впервой подделывать отчеты. Не смотри на меня так, я все знаю. Короче, выбирай. Или ты отдаешь ее мне, или будешь квакать сам. На твою должность найти кого-то не проблема. Например, Мариус вполне подойдет. Он давно ждет, когда ты уйдешь на покой.

— Мариус?! — возмущенно ахнул Хранитель. — Бог с вами, госпожа!

— Бог? Со мной? — расхохоталась Элия. — Да ты совсем ополоумел? Ну так что, хочешь быть моим фамилляром?

— Никогда не подумал бы, что вы способны на такое. Госпожа Рианна, госпожа Лэрга — те да, могут. Но вы?!

— Ты еще здесь?

— Иду, иду, — проворчал Хранитель. — Готовьте тело. Жаба! Ну надо ж было такое придумать. Сова, кошка, собака — это я понимаю. Лиса, волк — тоже неплохо. Но жаба?! Фу! Гадость!

— Не твое дело, — довольно усмехнулась Элия.

Шаркающие шаги приближались.

Нет-нет-нет, только не сюда. Я не хочу!!! Фамильяром у ведьмы?! Да еще жабой?!
Мама...

Размытый силуэт приближался — откуда-то издалека, как будто с другого края вселенной. Я поняла, что не вижу, а каким-то образом знаю, что Хранитель идет ко мне. И знаю, какой он: маленький, сгорбленный, с длинной седой бородой. На нем был шелково шуршащий черный балахон с капюшоном, развевающийся, как плавники ската-манты.

Ну ясное дело, если я душа, то глаз у меня нет, видеть нечем. И слышать тоже. Какое-то прямое знание обо всем. Только размышлять на эту тему сейчас хотелось меньше всего.

Неприкаянные души — те, которые не попали ни в рай, ни в ад? Чистилище? Или вообще что-то совсем другое, о чем мы и понятия не имеем? Наверно, так и есть, потому что было еще что-то про «между небом и землей». Это обо мне? Может, я в коме? Когда та зараза меня толкнула, я пыталась удержаться, но сломался каблук. Я могла упасть, удариться головой...

Хранитель подошел совсем близко, и я почувствовала — нет, опять узнала, — что он взял меня в руки и понес.

Может, я смогу вырваться и удрать? Ну хоть как-нибудь?

Ни хрена.

Если б я знала, что все так выйдет, вообще бы из дома не выходила. Всю оставшуюся жизнь. Работала бы за компом и заказывала еду с доставкой.

Он нес меня долго, пока впереди не показался свет. Несколько факелов, закрепленных на закопченных стенах, уходящих вверх, в темноту. Грубо сколоченный стол, на котором в окружении горящих свечей сидела...

Нет!!!

— А тебя никто и не спрашивает.

Она выступила из темноты на свет, и у меня внутри все оборвалось. То есть оборвалось бы, будь чему обрываться. Но ощущение было именно такое.

Элия оказалась невероятно красивой, но красота эта была... недобрая, даже страшноватая. Ведьминская красота. Распущенные по плечам белокурые волосы, карие глаза, правильные, но жесткие черты лица — как из-под резца скульптора. Винно-красное платье с золотой отделкой подчеркивало идеальную фигуру.

— Послушай, девочка, — она взяла меня из рук Хранителя, и я почувствовала — узнала! — пьянящий запах белых цветов. — Твое тело лежит где-то, как мертвая колода. Не знаю, что с тобой случилось, мне это не интересно. Но в любой момент ты можешь либо очнуться, либо умереть. В моей власти сделать так, чтобы там ты умерла. Или чтобы очнулась. Сейчас ты в точке равновесия, но я забираю ее себе.

Рука Элии прошла сквозь меня, и между ее пальцами я увидела красный мерцающий стусток света.

— Видишь? Твоя дальнейшая судьба теперь зависит только от меня. Такие жабы живут лет десять. Эта, считай, еще ребенок. Будешь вести себя хорошо и служить мне без нареканий, отпущу, когда придет ее срок. Вернешься обратно. Нет — ну извини, я предупредила.

— Десять лет?! — это были всего лишь мои мысли, но Элия их прекрасно понимала. — Да за десять лет я там точно умру.

— Ты не услышала? Умрешь только тогда, когда я этого захочу. Если захочу. Твое тело

будет вполне живым, но без души. Может, в лечебнице, может, где-то на свалке, откуда мне знать. Но не думаю, что тебя похоронят заживо. Впрочем, даже если и так, оно все равно не умрет. Будет лежать под землей. Живое.

— Господи...

— Так, а вот этого чтоб я больше не слышала, поняла? Не поминай всуе.

— Послушай... Я кое-что знаю о фамильярах, так немного. Если ты меня загонишь в жабу, это ведь не будет истинный фамильяр. Истинные...

— Ой, давай ты не будешь мне рассказывать, о чем читала в каких-то глупых книгах, ладно? — Элия поморщилась. — Если б я могла заполучить истинного фамильяра, не возилась бы со всякой падалью. Истинные — добровольный дар высших духов, но наш мир они игнорируют. Ладно, приступим.

— Ну почему жаба-то? — простонала я. — Хоть бы ворону взяла, что ли.

— Нравятся мне жабы, — отрезала Элия и снова отдала меня Хранителю, который топтался рядом. — Не обсуждается.

Жаба посмотрела в мою сторону большими печальными глазами, и я почувствовала к ней странную симпатию. Хотя всегда испытывала брезгливость ко всем скользким, холодным тварям.

Что делать, подруга. Мы обе попали не в то время не в то место. Придется как-то приравниваться друг к другу.

Элия повязала на лапу жабе красную нить, приложила к ее голове густо-лиловый кристалл и запела так тихо, что я не могла разобрать слов. Хранитель поднес меня прямо к жабе, ее глаза оказались совсем рядом. Свечи ярко вспыхнули и погасли. Я почувствовала, как меня затягивает в нее. Секунда — и вот я уже сидела на столе, пытаюсь сфокусировать взгляд.

Господи, я жаба!!!

— Я все слышу! — Элия взяла жабу, то есть меня, в руки. — Предупреждаю в последний раз, — она легонько щелкнула пальцем по моей голове и повернулась к Хранителю: — Счастливо оставаться. Не бойся, старый пень, никто ничего не узнает. Если сам не проболтаешься.

Она завернула меня в шелковый платок и куда-то понесла. Было душно и неудобно, но что я могла поделать? Шли мы долго, пока не повеяло свежим воздухом. И лошадиным потом. Развернув платок, Элия посадила меня на шею черного коня, привязанного к дереву. Ловко вскочив в дамское седло, она тронула поводья, второй рукой придерживая меня. Был самый глухой ночной час, на небе ни луны, ни звезд, но конь шел по дороге уверенно.

— Как тебя звали? — спросила Элия. — Там, у вас.

— Мария. Или Маша.

Я поняла, что в жабьей ипостаси могу думать двумя разными способами. Просто думать и направленно — словно говорю. Именно в этом случае Элия меня слышала.

— Маша, — фыркнула она. — У нас маша — это ядовитый гриб. Мария — нормально. Так и буду тебя звать. Послушай, Мария, я предлагаю дружить. Это нам обоим будет выгодно. Особенно если мне придется войти в твое тело. Или смотреть твоими глазами. Ну, сама понимаешь. Мой другой фамильяр, кот Арт... Он хороший парень, но с ним все сложно. Думаю, у вас проблем не будет.

— А я точно девочка? — с подозрением поинтересовалась я. — Не жаб?

— Ну ты даешь, — расхохоталась Элия. — Буду я там еще разглядывать у жабы, мальчик или девочка. Сама разберешься.

Я хотела ответить что-то ядовитое, но тут издалека донесся стук копыт, и вороной нервно заржал. Другой конь отозвался. Мелькнул, приближаясь, огонь факела.

— Госпожа Элия, — у мужчины, лица которого я не видела, оказался красивый мягкий баритон.

— Принц Арнис, приветствую вас.

Чувственность и открытый призыв в голосе Элии зашкаливали. Я подумала, что принц или эмоциональное бревно, или безнадежный импотент, если услышав это, не стащил ее с лошади и не трахнул прямо здесь. Вряд ли бы она возражала.

— Почему вы одна так поздно?

— Так получилось, принц.

— Я провожу вас до города. Что это у вас? Жаба? Бог мой, какая уродина. Зачем она вам?

Сам ты урод, козел!

Я подумала это в его сторону, но он, похоже, не услышал. Ну да, точно, мои мысли могла понимать только Элия, ведь у нас с ней магическая связь.

— Сделаю приворотное зелье из икры. Для вас, принц.

— Шутите?

— Конечно, — рассмеялась Элия. — Будет у меня дома мух ловить.

Принц переложил факел в другую руку, и свет упал на его лицо.

Оказывается, у жаб тоже бывает тахикардия...

Я еще цеплялась за призрачную надежду, что таким привлекательным его делает мерцание факела. Что при дневном свете все иначе и ничего эдакого. Ну принц — ну и что? Не видали мы принцев... на фотках в интернете. Да и вообще все это особенности жабьего зрения, которое отличается от человеческого. Теперь я хорошо видела в темноте и даже различала цвета, да и охват был намного больше, но все равно... не то.

Самый обыкновенный мужчина, каких десятков на пучок. Примерно мой ровесник, лет двадцать семь — двадцать восемь. Темные волосы, серые глаза, густые брови. Ну да, черты такие... мужественные. Скулы, нос, подбородок. Ну и что? Борода вот еще. То ли борода, то ли отросшая щетина. Колется, наверно.

Ладно, Маша. Хватит притворяться. Это как раз тот самый тип, от которого у тебя мгновенная слабость в коленях и пожар в животе. При том что еще ни одного такого экземпляра в личном пользовании не было, к большой досаде. И, видимо, никогда не будет. Потому что теперь ты, на минуточку, жаба, и этим все сказано. И как бы даже не на минуточку, а на десяток лет. Если эта зараза отпустит тебя обратно, все равно уже стукнет тридцать семь. И во что ты превратишься после такого срока в состоянии живого трупа... ой, нет, об этом лучше не думать.

Так что, дорогая, смирись с тем, что о личной жизни стоит забыть. Хотя... Возможно, весной Элия любезно отнесет тебя к ближайшему пруду отложить икру. Там со страстным кваком подползут десяток кавалеров, и у вас приключится группенсекс. Были ведь у тебя эротические фантазии о групповичке? Ну вот и пожалуйста. Классика. Будьте осторожны в своих желаниях, они могут исполниться.

Или, может, я все-таки жаба?

Я попыталась прислушаться к себе, но к определенному выводу не пришла. Видимо, это станет ясно только в период размножения. В сторону какого пола будут направлены жабы эротические желания.

А вот человеческие желания срочно прикрути, Мария Владимировна. Прекрати пыриться на... как там его? Принца Арниса. Имя-то какое дурацкое!

Неправда. Красивое имя...

— Что-то, госпожа Элия, ваша жаба смотрит на меня, как на муху. Прямо страшно.

— Ну вы же обозвали ее уродиной, принц, — она рассмеялась так эротично, что даже у меня мурашки по спине побежали, но он был как камень. — Возможно, она обиделась.

Да, парень, с тобой явно что-то не то. Впрочем, не могу сказать, будто меня это сильно огорчает. Если уж не мне, так не доставайся никому. Или, по крайней мере, не в моем присутствии.

— Думаете, она поняла?

— Не представляю, — Элия пожала плечами. — Может, животные действительно понимают наши слова. А уж что они о нас думают... не хотела б я знать. Осмелюсь спросить, принц, а откуда вы возвращаетесь так поздно, да еще без свиты? Навещали тайно какую-нибудь прелестницу?

— Можно и так сказать, — принц усмехнулся. — Свою кормилицу. Она живет за лесом.

— Госпожу Лэргу?

— Вы ее знаете?

— Более-менее, — Элия рассеянно погладила меня пальцем по спине. — Как она поживает? Не хворает?

— Нет, в полном порядке.

Постойте, постойте, Лэрга? Это случайно не та, которую упоминал Хранитель

неприкаянных душ? Тоже ведьма? В интересный мирок меня занесло. Ведьмы, фамильяры, драконы, волкодлаки. Принцы на конях, одежды средневековые. Одним словом, фэнтези. Будь я человеком, наверно, огорчило бы отсутствие душа, прокладок и интернета. А так... переживу. Хотя без интернета, наверно, все-таки будет скучновато.

Путь до города занял, по моим прикидкам, с полчаса. За это время я сделала определенные выводы. Элия влюблена в принца по уши. Ну, или хочет его так, что едва из платья не выпрыгивает. А вот у него к ней всего лишь вежливый интерес, не более. Стеснительного мальчика-одуванчика, скрывающего свои чувства, Арнис никак не напоминал. Вполне такая романтическая ночь, рядом никого, но даже ни намека на нечто большее, чем светская беседа. Что делать, ведьмы тоже плачут. Неужели магия не работает?

В предместье голубки распрощались. Принц отправился к центру города, а мы с Элией — по улице, бегущей вдоль крепостной стены.

— Ну и как он тебе? — поинтересовалась она.

— Арнис? Принц как принц. Ничего особенного.

— И много ты видела принцев? — Элия скептически хмыкнула.

— Лично не видела. Только на портретах. Но в одного была немного влюблена, — поделилась я сокровенным. — Заочно, конечно. Он из другой страны. Женился потом на... — тут я запнулась, поскольку в языке этого мира понятия «актриса» и «разведенная женщина» отсутствовали. — Женщине из простолюдинов. У которой уже был один муж.

— На вдове?

— Нет. Просто перестал быть мужем.

— Как интересно, — удивилась Элия. — У нас такого нет. Если уж муж, так на всю жизнь. Или пока не умрет.

Попетляв по узким, вполне средневековым улочкам, мы оказались у большого и богатого на вид дома.

Интересно, подумала я, каков социальный статус Элии, если она так хорошо знакома с принцем? Наверняка женщина из высшего общества, возможно, на придворной должности. Ну и ведьма по совместительству, одно другому не мешает. А семейный? Рассчитывает ли заполучить Арниса в мужья или в любовники?

Элия спешила, бросила поводья слуге и, держа меня в руках, вошла в дом.

— Ну вот, Мария, здесь я и живу. Куда бы тебя пристроить? Думаю, вдвоем с Артом вам будет веселее. До утра потерпишь, а там я распоряжусь, чтобы тебе поставили стеклянный ящик с водой.

— Холодно тут что-то, — поежилась я.

— Там камин топится, есть где погреться. Арт тоже тепло любит.

Она принесла меня в просторную комнату с высоким потолком, обитую по стенам бледно-зеленым шелком. На диванчике у камина дремал огромный черный кот — вполне так Бегемот. Услышав шаги, он приоткрыл один желтый глаз и тут же закрыл снова.

— Ну, располагайся, — Элия опустила меня на пол. — Спокойной ночи!

Дверь за ней закрылась, и я потихоньку поползла к камину. Опытным путем нашла у решетки пятно с оптимальной температурой и устроилась там, закрыв глаза.

Вот это попала так попала. Во всех смыслах. Десять лет каторги в жабьем обличье! И, спрашивается, за что? За то, что швырнула Бельскому в рожу его дерьмовое приглашение на свадьбу и сказала все, что о нем думаю? Или за то, что не поехала домой лить слезы в одиночестве, а решила завить горе веревочкой?

Бабушка-психолог учила в любых, даже самых поганных, ситуациях искать положительные стороны. К сожалению, все эти формулировки обычно начинались с «хорошо, что не...» Хорошо, что не умерла, например. Хотя тут тоже вопрос спорный — что хуже: умереть или жить жабой. Да еще работая на ведьму, в чьих руках находится твоя жизнь.

— Приветствую! — раздалось в голове.

Это был не голос, а мысль. Только не моя. Уж не знаю, как, но я четко отличила ее от своих. Как будто она была другого цвета. Или другой температуры. Да, точно! Она реально была теплой, отражая отношение говорившего. Тьфу, думавшего.

Я открыла правый глаз и повернула его в сторону дивана. Красота, не надо самой поворачиваться, почти круговой захват. Кот лежал, положив голову на вытянутые передние лапы, и внимательно меня разглядывал.

— Здравствуй...те, — отозвалась я, чувствуя себя крайне глупо, поскольку не представляла, как общаться с котом-фамильяром.

— Давай без церемоний, — он зевнул, показав острые клыки. — Тебя как зовут? Звали, когда был человеком? Или была?

— Была. Мария. А теперь вот даже не знаю, жаба я или... жабец.

— Ничего, инстинкты подскажут. Мне еще повезло, с Элли стало бы и в кошку запахнуть. Или вообще в кота без шаров. А так хоть гульнуть можно иногда. Но, скажу тебе, поначалу было мерзко. Вот представь, твоему телу хочется любви с другой жабой, а разум готов с этого блевать.

— О боже...

— Милочка, в этом доме о боге лучше не упоминать. Даже в качестве фигуры речи. Хорошо еще, что Элли слышит наши мысли только тогда, когда мы к ней обращаемся. Ничего, не переживай, ко всему привыкаешь. Ты удивишься, насколько легко разум приспосабливается к потребностям тела. Я научился как-то их разделять. Например, когда кот любит кошку. Думаю о чем-то своем. Хотя определенная доля удовольствия перепадает от него и мне.

— А разве животные испытывают удовольствие от... секса? — я запнулась, подбирая нужное слово.

— От чего, прости? — не понял кот.

— Так в нашем мире называют процесс физической любви. Я что-то не обнаружила в вашем языке аналога. Все или длинное, или неприличное.

— А, так ты нездешняя! Мне нравится это слово, возьму на вооружение. Его можно употреблять в разговоре с дамой?

— Вполне, — я хотела рассмеяться, но вышел только хриплый квак.

— Так вот, определенное удовольствие животные получают. Но оно совсем не такое, как у людей, конечно. Скорее, как удовлетворение от качественно выполненной работы. Эх, Мария, признаюсь, я страшно скучаю по человеческому... сексу. Я его очень любил. За что и поплатился. Ой, прости, я так увлекся этой волнующей темой, что забыл представиться. Я Арт. Точнее, Артариус, но для фамильяра это слишком богатое имя.

— Очень приятно, Арт. Расскажи, что с тобой случилось. Раз уж у нас такой... волнующий разговор. Я слышала, Хранитель неприкаянных душ спрашивал Элию, зачем ей еще один фамильяр. А она ответила: ты же знаешь, чья душа в Арте и почему мне нужен другой.

— Вот дрянь! — Арт сердито мявкнул. — Все просто, дорогая. Мы с Элли были любовниками. Против нее трудно устоять, особенно если в ход идет черная магия. Конечно, она прекрасна, и в постели ей нет равных. Но... как бы тебе объяснить? Родись она мужчиной, и подчинила бы себе весь мир. По первости у нас все было хорошо, но потом я начал уставать. Захотелось чего-то мягкого, теплого... по-настоящему женского. И я влюбился в одну придворную даму королевы. Элли узнала...

— Прости, перебью, — я устала косить в его сторону одним глазом и развернулась к дивану. — А кто она вообще такая — Элия? Ну, кроме того, что ведьма?

— Дочь Гунвина Беригара, тайного советника короля. Он третье лицо в государстве, после самого короля и принца-наследника. Элли — одна из трех ближайших дам королевы.

— Ничего себе! А кем был ты?

— Секретарем принца, — Арт потянулся всем телом. — И близким другом. Ну так вот, слушай дальше. Когда Элли узнала, она как-то устроила, чтобы Ярику, мою даму, выдали замуж за командующего армией Мевиса Мартенса. Он втрое старше, пьяница и насильник. Ей очень плохо, а я ничем не могу помочь. Только иногда навещаю ее. Она не знает, кто я. Кормит, гладит.

— Как грустно, — вздохнула я. — А как ты стал фамильяром?

— Элли подлила мне в вино зелье, которое не убивает, но разлучает душу с телом. Кайвин, Хранитель неприкаянных, отдал меня ей, хотя не смел этого делать. Души тех, кто между небом и землей, неприкосновенны. Но он был благодарен за назначение на должность. За Темной завесой Элли в числе Верховных. И теперь я в ее полной власти. Иногда забегаю в дом родителей — взглянуть на свое тело. О нем хорошо заботятся, но вряд ли я когда-нибудь в него вернусь.

Арт сел, почесал задней лапой за ухом и спрыгнул с дивана.

— Прости, Мария. С тобой приятно разговаривать, и я очень хочу услышать твою историю. Но природа требует своего. Мы договорились с Элли, что нужду я буду справлять только на улице. Она не выносит кошачьего запаха. Да и лапы надо размять. У нас впереди много времени, чтобы поболтать. Спокойной ночи!

Он мягко вскочил на подоконник, поддел лапой створку окна и просочился в узкую щель. В надежде уснуть я передвинулась так, чтобы не тянуло холодом, но сон не шел.

Мало того, что сон не шел. Наоборот, все сильнее хотелось проснуться. Да, это было очень увлекательно: ведьмы, принцы, коты-фамильяры, — но скорей бы уже будильник и на работу.

На работу? Какую работу, меня же уволили. И пропуск отобрали. И внесли в черный список для охраны, чтобы ни при каких условиях не впускать.

Так... Значит, все это не сон. Я в другом мире — и я жаба.

Ладно, предположим, когда-нибудь Элия меня все-таки отпустит домой. Хотя после того, что я услышала от Арта, надежда стала совсем уж призрачной. Во что за это время превратится мое тело... так, не надо об этом. Но если я стану постоянно думать на языке того мира, куда меня занесло, не забуду ли в конце концов русский?

Пожалуй, будет нелишним, если я возьму за правило каждый день в нем практиковаться. Хотя бы только мысленно. Буду рассказывать сама себе на ночь о том, что случилось за день. Такой вот тайный дневник фамильяра. И начну с того, что произошло сегодня.

День не задался с самого утра. Я проспала. Будильник прозвенел, я позволила себе «еще минуточку» — и... Бегом, как настеганная. Криво нарисовала правый глаз, стерла, начала снова. Обожгла ухо щипцами для завивки. Потеряла единственный лифчик, подходящий под блузку, которую не надо гладить. В результате на завтрак времени уже не осталось. Уже на бегу схватила круассан, рассчитывая сжевать в машине.

Но машина не завелась: похоже, сел аккумулятор. Совсем красота! Метро или такси? Обычно я выезжала минут на сорок раньше и успевала до самых плотных пробок. Но сейчас на такси рисковала застрять намертво. Значит, метро. Вот только оделась, точно не рассчитывая на час пик в давке: высокие каблук и узкая юбка.

В офис я влетела за пять минут до планерки и сообразила, что круассан так и остался в машине. Да что там, даже на кофе времени уже не было. Едва успев причесаться, я схватила папку с документами и побежала в кабинет Вадима.

После окончания Политеха я работала в крупной торговой компании и уже в двадцать шесть лет стала начальником рекламного отдела. Разумеется, злые языки утверждали: это удалось мне только потому, что я спала с генеральным. Хотя на самом деле последовательность была как раз обратной. Роман наш начался уже после того, как я получила в качестве подчиненных два десятка менеджеров и креативщиков, а вместе с ними кучу проблем на свою задницу.

Вадиму Бельскому исполнилось тридцать пять, и это был типичный босс из дамских романов. Эдакий властный самоуверенный красавчик с кубиками на животе и приятным счетом в банке. И с дьявольским обаянием, которому трудно было противиться. В багаже у Вадима значился один неудачный брак, и желанием повторить этот опыт он не горел. Однако я всерьез рассчитывала, что мне удастся сподвигнуть его на второй дубль. И все основания надеяться у меня были. До недавнего времени, пока между нами вдруг что-то не сломалось.

Мы стали реже видеться за пределами офиса, мелкие ссоры вспыхивали все чаще, а в последний отпуск Вадим поехал без меня, мотивировав тем, что хочет побыть в одиночестве. Вот тут-то мне бы и задуматься!

Планерка прошла в штатном режиме, которому не очень соответствовала улыбка Вадима — как у кота, нажравшегося сметаны.

— Ну и напоследок приятное, — сказал он, когда все текущие вопросы уже обсудили.

Обойдя стол, он положил перед каждым аляпистое приглашение на свадьбу с вписанным от руки именем. Приглашали Вадим и Елена — очень интересно...

Повисла напряженная тишина, все смотрели на меня.

Поводов к такому свинству я ему точно не давала. Вот так публично отправить в

отставку, да еще пригласить на свадьбу?! Ну и почему, собственно, должна была стесняться я?

Нет, я не пыталась выцарапать ему глаза или что-нибудь в таком духе. Просто порвала приглашение в клочья и швырнула в рожу. И сказала все, что об этом думаю. В достаточно энергичных выражениях. Не прошло и минуты, как я превратилась в безработную. Волшебство, не иначе. Впрочем, может, именно этого Вадим и добивался.

Процедура увольнения много времени не заняла. К обеду я уже оказалась свободна, как ветер. Забирать мне особо из своего кабинета было нечего, несколько мелочей поместились в сумку. Часа полтора я бесцельно глушила ноги по центру, пока они не взмолились о пощаде. Да и урчащий желудок напомнил, что с утра в нем так ничего и не оказалось. На глаза попался грузинский ресторан.

Говорят, любой плохой день можно исправить жратвой и сексом. Если не помогло — бухайте. Так вот жратва мне точно не помогла. Вкусно поесть я любила, но ради фигуры всячески себя ограничивала, разрешая гастрономические безумства только по особым случаям. Сейчас был именно такой. Жор во утешение. Хачапури, лобио и хинкали с сулгуни. Я объелась до икоты, но легче не стало.

Не то чтобы мне хотелось проверить, насколько верен этот совет. Просто отошел первый шок, который действовал, как заморозка. Было безумно больно и обидно. А главное — непонятно, почему он со мной так обошелся. Ну сказал бы тет-а-тет: прости, Маша, я встретил другую женщину и собираюсь на ней жениться. Тоже было бы больно, но уж точно не до такой степени. Меня просто в клочья разрывало. Хотелось сделать что-то назло — то ли ему, то ли себе. Правда, непонятно, зачем.

Я полистала в телефоне контакты и позвонила Мишке, своему давнишнему поклоннику, еще с университета.

Познакомились мы с ним лет десять назад. Для меня это был такой друг-подруг: потрындеть, поплакаться в жилетку, сходить куда-нибудь. Но не больше. Френдзона. Ну вот не искрило взаимно, что поделаешь. Впрочем, он по мне тоже не особо страдал, но я не сомневалась, что переспал бы со мной с большим удовольствием.

— Здоров, — отозвался Мишка. — Как оно хорошо?

— Хорошо оно хреново. Что делаешь?

Работал он бухгалтером-фрилансером, поэтому вероятность застать его дома была довольно высокой.

— Баланс свожу. А что?

— А если подъеду?

— Ну... — удивился он такому повороту. — Подъезжай. Только извини, угощать нечем.

— Ничего, обойдусь. Кофе сварить — уже спасибо

Пока ехала в метро, думала, на фига ж мне это надо? Не кофе, разумеется. Вот кому я лучше сделаю? Только хуже. Да еще и отношения испорчу.

Ну а вдруг, возражала какая-то недалекая часть меня. Может, на самом деле он мужчина всей моей жизни, а я до сих пор не догадывалась.

То ли Мишкино жилище привести за полчаса в божий вид не представлялось возможным, то ли он вообще не стал этим морочиться — учитывая стаж и характер нашего знакомства. Поэтому я сделала вид, что не замечаю грязные носки под стулом и паутину в углу.

— И что стряслось? — он пошел на кухню, собираясь приготовить кофе. Растворимый, разумеется. Купленный по акции в «Пятерочке».

Вместо ответа я подошла поближе, подтянула его к себе за футболку и поцеловала.

— Неожиданно, — хмыкнул Мишка, сгреб меня борцовским захватом и понес на диван.

— И это все? — скептически поинтересовалась я минут через пять. — А секса не будет?

— Ну извини, — философски отозвался он. — Когда чего-то слишком долго ждешь, получается такая вот фигня. Трудно себя контролировать. Подожди немного, попробуем повторить.

— Да нет, спасибо, — я натянула трусы и встала. — Поеду, пожалуй.

В лифте меня разобрал дикий ржач, который сменился слезами. Так, с сексом тоже получился облом. Я постояла в парадном, пока глаза не просохли, проверила макияж — на месте. Вышла на улицу и задумалась: что делать дальше.

Остатки здравого смысла намекали: раз уж все сегодня идет через задницу, лучше не провоцировать мироздание на дальнейшее развитие процесса в этом забавном стиле. Забиться в нору, прижать уши лапами и заняться полировкой дзена. Все суета. Все пройдет. Но когда ж я слушала здравый смысл? Провести вечер в одиночестве, смакуя подробности тотального факаса, показалось просто невыносимым.

В результате я очутилась в «Синем Пушкине». В том самом баре, куда мы с Бельским ходили примерно раз в месяц. Нахуа? Хороший вопрос. Но, к сожалению, риторический. Стало мне там веселее? Ага, аж три раза. Но, похоже, я делала все, чтобы довести ситуацию до крайности. Вроде как опустимся на дно и оттолкнемся от него, пробуя всплыть.

Я давно заметила за собой такую особенность. Если пить в хорошем настроении — становится еще веселее. Если в плохом — еще ужаснее. Чем хуже исходник, тем

кошмарнее результат. А если учесть, в каком настроении я пришла в бар...

— Вы сегодня одна, — обратил внимание бармен Стас, когда я уселась за стойку.

Вот спасибо, добрый человек. А то я без тебя не заметила. Что сегодня одна. И в ближайшей перспективе тоже.

Где-то ближе к полуночи, когда вселенная уже утратила границы и очертания, ко мне подвалила компания. В лице чувака, зеркальные очки которого в синем полумраке смотрелись малость нелепо. Был он сильно навеселе, поэтому большая часть из того, что вешал мне на уши, осталась где-то за гранью разума. Тем более, сама я была немногим лучше. Однако в целом смысл читался прозрачно: он недвусмысленно меня клеил. Это был уже перебор на сегодня, и все же я позволила уломать себя перебраться за столик их компании.

Компания из шести человек встретила меня неоднозначно. Мужская часть с одобрением, женская — не очень. Особенно недовольна была одна девица, тощая высокая блондинка, прической напоминающая шнуrowого пуделя. Я так и не поняла, то ли парень в очках был ее, то ли она просто имела на него виды и заподозрила во мне соперницу.

Слово за слово, и у нас с ней затеялась нешуточная перепалка. Язык у меня всегда был длинный и ядовитый, а уж в таком паскудном настроении...

— Девочки, не ссорьтесь, — откровенно забавлялся мой новый знакомый, имя которого я забыла уже через пару секунд.

Кончилось все тем, что пуделиха вскочила, намереваясь перейти к активным действиям. Я подорвалась тоже: не хватало еще, чтобы какая-то кретинка лапала меня руками. Вот тут-то и раздался треск каблука. Потеряв равновесие, я уцепилась за пластиковую то ли скатерть, то ли салфетку, но та соскользнула со стола, и...

И я очутилась в хранилище неприкаянных душ.

Кстати, надо будет спросить у Арта, почему души там неприкаянные. Ну ладно, те, которые между небом и землей, то есть в коме, — это я поняла. Проклятые — тоже. А еще какие? Со всех миров — а всего их сколько, миров?

Вопросы, вопросы... В общем, было о чем поговорить с котом. Симпатия к нему у меня возникла буквально с первых мысленных фраз. И сочувствие, разумеется. Неизвестно, кому из нас не повезло больше. А вот Элия... да, та еще стерва. Но странным было другое. Если она такая уж неотразимая завоевательница, к тому же искусная в магическом ремесле, почему принц до сих пор не стал ее добычей?

И вот на этой мысли меня все-таки сморила дремота.

Оказывается, жабы тоже видят сны. Хотя, пожалуй, это все-таки был сон не жабы Марии, а сознания Маши Соколовой. В нем Элия оказалось той самой Еленой, на которой собирался жениться Вадим, а я, в жабьем обличье, выходила замуж за принца Арниса. Судя по всему, брачевались мы в каком-то задрипанном районном загсе, но при этом принц был одет вполне средневеково-парадно, да и я тоже ничего так невеста — завернутая в белый шелковый платочек.

Расписаться в книге я, конечно, не могла, и за меня это сделал свидетель — Арт. Он-то как раз лихо орудовал ручкой, держа ее в лапе. Потом тетенька-регистратор предложила жениху поцеловать невесту, и тот чмокнул меня куда-то в район спины. В Машу я при этом не превратилась, а Арнис сплюнул и вытер губы, сказав: «Фу, гадость!»

Вот на этой обидной ноте я и проснулась. За окном было уже светло. Арт, свернувшись клубком, сладко спал на диване. Открылась дверь, и вошли двое слуг в длинных кафтанах мышинного цвета и таких же штанах. Один нес что-то вроде большого квадратного подноса или поддона с мелкими камешками, второй — стеклянную посудину с водой. Все это установили так, что у меня получился собственный пляж. Вот только ни забраться туда, ни спуститься на пол без посторонней помощи я вряд ли смогла бы.

Один из слуг с брезгливым видом подхватил меня с пола и посадил на гравий. Я тут же залезла в воду. Не для того, чтобы поплавать, а совсем по другой жабьей необходимости. В этот момент появилась Элия с двумя мисками в руках. На ней был длинный голубой пеньюар, волосы заплетены в косу. Самая обыкновенная девушка, и не подумать, что Верховная ведьма, если я, конечно, правильно поняла Арта.

— Ну, как поживают мои хорошие? — весело поинтересовалась она.

— Да чтоб ты сдохла, зараза! — мрачно пожелал Арт, приоткрыв один глаз.

Судя по отсутствию реакции Элии, эти его мысли предназначались для личного пользования, но, тем не менее, были доступны мне. А еще я подумала, что он наверняка ночью навещал свою Ярику и поэтому не в духе.

Элия поставила в угол миску с нарезанным мясом, и Арт, соскочив с дивана, направился туда.

— Хоть бы поздоровался, — хмыкнула она.

— Привет, — буркнул кот, уплетая мясо.

— А ты, Мария, как? Хорошо спала?

Похоже, она действительно пришла над нами поиздеваться.

— Можно тебя попросить? — поинтересовалась я, поглядывая на вторую миску. — Распорядись, пожалуйста, воду в этой банке менять хотя бы два раза в день. Инстинкты подсказывают использовать ее для естественной надобности. И пусть еще одну миску с водой принесут, не хочу оттуда пить.

— Хорошо, — кивнула она. — Распоряжусь. А пока вот твой завтрак. Повар специально выбирал из крупы самых жирных.

Я взглянула в миску, где возились отборные мучные черви. Жаба возликовала. Маша испытала ментальную тошноту.

— Мне правда надо это жрать? — осторожно поинтересовалась я.

— Послушай, Мария, — Элия погладила меня по спине. — Я, конечно, могу дать тебе пирожное, но, боюсь, что жаба после этого заболеет и сдохнет. И это не значит, что ты отправишься обратно в свой мир и в свое тело. Я просто подыщу тебе другое местелище. Твоя точка равновесия у меня, поэтому я распоряжаюсь твоей душой. Иными словами, твоей жизнью и твоей смертью. Так что будь умничкой, закрой глазки и

кушай вкусных червячков. Арт тоже сначала воротил морду от сырого мяса, а теперь смотрит как наворачивает.

В этот момент мой длиннющий язык словно выстрелил из пасти и вернулся обратно с добычей — шевелящимся червяком. Не успела я мысленно взвыть от отвращения, он уже очутился у меня в желудке.

— Вот молодец, — похвалила Элия. — Привыкнешь. Не скучай, днем мы с тобой прогуляемся в одно место.

— Сочувствую, — Арт, покончив с завтраком, сидел у камина, нализывал лапу и мыл ею морду. — Если она просто оставит тебя шпионить за кем-то, еще полбеды. А вот когда влезает в твою шкуру, это уже неприятно.

— Подожди, как влезает? — не поняла я.

— Сама будто спит где-нибудь в тенечке, а душа ее в это время в фамильяре. Тогда она управляет телом вместо тебя. А ты все чувствуешь, но ничего не можешь поделать.

— Послушай, Арт... Вот проклятье, я хочу к камину, а слезть отсюда не могу.

Ни слова не говоря, он подошел к подставке, на которой стоял поддон. Я перебралась на его спину и подъехала к камину почти как Элия, на вороном коне.

— Скажи мне такую вещь, — начала я, устроившись в тепле. — Зачем ей понадобилась жаба? Ну ладно там кот, сова, еще какая-нибудь птица. Но жаба? Какой с нее толк? Где она шпионить может? На болоте?

— Не скажи, — прищурился Арт. — К примеру, принц очень любит прогулки вдоль реки. Или к озеру. И потом, жаба — это особый фамильяр. Считается, что она помощница именно в любовных делах.

— Вот оно что! — протянула я. — Тогда объясни, если она такая могущественная ведьма, почему до сих пор не принцесса? В смысле, не жена Арниса? Я вчера видела, как она с ним разговаривает и как на него смотрит. Да любой на его месте задрал бы ей подол прямо на дороге. А он словно и не замечал ничего. Или это какая-то игра?

— Нет, Мария, не игра. Элия ему не нравится, уж я-то знаю. Магия? Дело в том, что его кормилицей была Лэрга. Она, Рианна и Элия — Верховная триада ведьм. И Арнис, судя по всему, с ее молоком получил недоступность для чар. Но только для обычных чар. Теперь понимаешь, зачем ей понадобилась жаба?

— Знаешь, Арт, я перебираю весь запас ваших непристойностей, но не могу подобрать достаточно энергичную. В нашем языке ругательства гораздо весомее. Значит, она не шутила?

— Насчет чего? — уточнил он, растопырив пальцы задней лапы и вылизывая между ними.

— Элия сказала Арнису, что сделает приворотное зелье из жабьей икры. Для него. Типа шутка. Интересно, икру будет вытаскивать методом потрошения или подождет, пока я ее отложу?

— Успокойся, Мария. Никто не станет тебя потрошить. Но, как у нас говорят, в каждой шутке есть доля правды.

— У нас тоже так говорят, — меня прямо распирало от злости. Чем ты, жаба, недовольна? Проглотила мяч футбольный? — А еще по-другому. В каждой шутке есть доля шутки. В смысле, шутки чуть-чуть, а остальное — правда.

— А я говорю, успокойся. Тут что-то другое. Никакая магия, которая исходит непосредственно от Элии, на принца не подействует. Если даже она тебя зажарит и накормит Арниса, это не поможет. У ведьмы с фамильяром особая магическая связь. Значит, он должен оказаться связанным с тобой, а через тебя будет связан и с ней. И тогда она сможет взять его голыми руками.

— Прости, Арт, я, наверно, очень испорченная, но «взять его голыми руками» вызывает у меня какие-то грубо эротические ассоциации.

— Мырррхх! — кот издал какой-то inferнальный звук, видимо, обозначающий смех. — Да, и так, думаю, тоже сможет. Вот если бы узнать, как именно она собирается тебя использовать для этого. Я уже два года точу зуб на ее колдовские книги, но ни разу так и не смог попасть в черную комнату, где она держит все свои ведьминские штучки. Окна там закрыты наглухо, дверь заперта, а ключ у нее всегда с собой. Но, может, Элия раскроет тебе свои планы уже сегодня, во время вашей прогулки?

— Горю нетерпением, — буркнула я. — Начнем с того, что я вообще не хочу ей в этом помогать. Арнис мне показался каким-то придурком, но все равно...

— Ой, Мари... Сдается мне, ты лукавишь. Сколько ты там его видела? Чем это он тебе не глянулся? Я, конечно, ему друг, может, не слишком объективен, но придурком его назвать трудно. Очень даже неглупый молодой человек. Будущий король, опять же.

— Он обозвал меня уродиной, — пожаловалась я.

— А, вот в чем дело, — фыркнул Арт. — Девочки всегда остаются девочками, даже если они жабы. Прости великодушно, но мне трудно его в этом винить. Нет, ты и так вполне милашка, но в общем и целом... А кстати, расскажи, какая ты на самом деле. Была, человеком.

— Ну, даже не знаю, — я задумалась. — Трудно себя описывать. Мне двадцать семь лет. Высокая, с хорошей фигурой.

— С хорошей — это как?

— Мне сложно сравнивать с вашими эталонами, я их не знаю. У Элии, надо думать, хорошая? Раз против нее даже без магии никто устоять не может?

— Да ты не жаба, ты змея, — заметил слегка уязвленный моим намеком Арт. — Да, у Элии идеальная.

— Так вот у меня не хуже. Ну, насколько я могу судить, конечно, без одежды я ее не видела. Только грудь побольше. Волосы каштановые, немного ниже плеч, прямые. Глаза зеленые. Родинка над верхней губой. Что еще? Нос обычный, рот обычный. Лицо как лицо. Хотя говорят, что я красивая. И мужчинам нравлюсь.

— Мда, тем обиднее превратиться в жабу, — вернул подкол Арт. — Не замужем?

Спасибо, дорогой, напомнил!

— Нет. Думала, что выйду, но... не сложилось.

— Печально. Хотя, может, и к лучшему. Вот представь, был бы у тебя муж, дети. Каково бы им сейчас было? А родители? Живы?

— Мама умерла при родах, — вообще я не любила говорить на эту тему, поэтому в подробности вдаваться не стала. — Отец меня один вырастил. Пять лет назад снова женился и уехал в другую страну. Далеко. Звал с собой, но я не захотела. И как-то мы в последнее время мало общались. Так что особо переживать некому.

— Уже проще. А у меня и Ярика, и родители. Два года лежу у них дома — и не живой, и не мертвый. А мы с тобой, между прочим, ровесники.

— А Арнису сколько лет? — словно мимоходом поинтересовалась я.

— Двадцать восемь. А Элии двадцать пять.

— И она до сих пор не замужем? — удивилась я.

— До сих пор? Но это нормально. У нас не приняты ранние браки. Обычно женятся и выходят замуж между двадцатью пятью и тридцатью. Это время называется «золотая пятёрка». Раньше — только если надо узаконить случайных отпрысков. Но это как-то стыдно и вызывает массу насмешек.

— То есть отношения без брака возможны?

— Вполне, — Арт закончил вылизываться и растянулся рядом со мной в теплом пятне у камина. — Говорят, раньше муж мог через суд признать брак недействительным, если жена в первую брачную ночь оказывалась не девственницей. А сейчас это никого не волнует. Девственница в брачную ночь — редкость почище белого единорога. Есть, конечно, чудачки, которые утверждают, что главное — сродство душ, а секс... нет, Мари, это правда классное слово! А секс — дело десятое. А потом получают на всю оставшуюся жизнь в постель бревно. Или мужчину с какой-то фигуркой, которой он не умеет пользоваться.

— У нас то же самое. Только в любой момент можно развестись. Расторгнуть брак. Даже причины не нужно.

— С одной стороны, это хорошо, — Арт задумался. — А с другой... Все-таки брак — дело серьезное. А если заранее думать «не понравится — можно расторгнуть», вряд ли получится что-то дельное.

Вот уж что мне меньше всего хотелось обсуждать, так это проблемы семьи и брака. И поэтому я задала вопрос, занимавший меня намного больше:

— Скажи, Арт, а что ты знаешь о точке равновесия? Которую у нас забрала Элия?

— Маррри! — это прозвучало как сердитое мурчание. — Я знаю, о чем ты думаешь. Нельзя ли эти штучки как-нибудь выкрасть и использовать в своих целях. Прости за грубость, но не шлепай губой. Ничего не выйдет. Как только ты стала фамильяром Элли, точка равновесия оказалась у нее внутри. Вот здесь, — он показал лапой куда-то в район груди, — у каждого человека есть центр силы. И наши точки у нее там. Даже если ее убить, вытащить их не получится.

— Печально, — у меня вырвался короткий квак, похожий на вздох. — Слушай, а если она сама умрет? Ну, мало ли? Все люди смертны, даже ведьмы. Что тогда?

— Тогда мы останемся в своих телах. Ты жабой, я котом. Пока не умрут они.

— И что тогда? — не отставала я.

— Ну что тогда? — Арт рассерженно дернул хвостом. — Вернемся в хранилище неприкаянных душ. Только уже не между небом и землей, а по-настоящему неприкаянными. Понимаешь, что это?

— Нет.

— Это те, для которых закрыты и небо, и преисподняя. До скончания веков. Пока все миры не подойдут к своему логическому концу. Веселенькая перспектива. Нас даже другие ведьмы в фамильяры не возьмут, потому что уже будем несвежие. Так и будем торчать в темноте в компании Кайвина или другого Хранителя и развлекаться воспоминаниями о своей короткой жизни. Так что, знаешь ли, в наших интересах, чтобы эта стерва жила вечно.

Какое-то время мы молчали, потом я решила перевести разговор на менее грустную тему — такую справочно-информационную. И выяснила кое-что о том месте, куда меня занесло.

Мир этот, насквозь пропитанный магией, назывался Ардена. Как именно он соотносился с нашим и прочими, Арт не знал. Возможно, они существовали в разных измерениях или в разное время, но где-то рядом. В отличие от Земли, большая часть Ардены для жизни не годилась. Люди населяли только центральные и западные части одного огромного континента. Все остальное пространство представляло собой либо океан, либо непроходимые горы, либо пустыни.

Когда-то обитаемые земли вполне феодально были разделены на множество карликовых государств, однако три столетия назад король Энигерны, одного из них, постепенно захватил все остальные. В настоящий момент Энигерна была эдаким монархическим или тотальной империей, однако ее провинции — бывшие государства — то бунтовали, то ссорились с соседями, поэтому для армии под управлением мужа Ярики всегда находилась работа.

Сейчас мы находились в Осбранте — столице, расположенной на берегу реки Тагвен. Это был самый большой город, остальные ему и в подметки не годились. Большинство населения жило в деревнях, занимаясь сельским хозяйством и охотой, а города, всего по одному на провинцию, были центрами ремесел и торговли.

— Что ты имел в виду, говоря «мир пропитан магией»? — уточнила я. — Тут живут всякие магические твари? Или ведьмы захватили все в свои руки?

— А чем тебе фамильяры не магические твари? — удивился Арт. — У каждой ведьмы по одному-два. А ведьм тут — как клопов на постоялом дворе. Что касается прочих, только драконы есть кое-где. Раньше единороги были, но всех истребили. Считалось, что порошок из их рогов действует как любовный возбуждатель. В горах водятся ядовитые нетопыри, но уж не знаю, насколько они магические. Скорее, просто мерзкие.

— А оборотни?

— Так это люди, которые могут превращаться в волков и лис. Не по своей воле. Это у них как болезнь. Бедняги, вот кому не позавидуешь.

— Не знаю, — не согласилась я. — По-моему, нам еще хуже.

— Нас я в расчет не беру. Мы просто короли неудачников, Мари. Кстати, ты мне так и не рассказала, как тебя угораздило попасть в хранилище.

Я кратенько изложила все события вчерашнего дня, чрезвычайно насыщенного. Арт закрыл морду лапами и застонал.

— Даааа, — он обмахнул глаза кончиком хвоста. — Выходит, мы оба пострадали из-за любви. Похоже, у нас с тобой великолепная команда.

— А что толку? Вот если бы мы вместе смогли что-то придумать, чтобы освободиться от Элии и вернуться в свои тела...

— Не грусти. Может, как раз вдвоем мы что-нибудь и придумаем.

Впрочем, я была рада хотя бы уже тому, что у меня есть такой приятный собеседник. А вот намерения нашей хозяйки по отношению к Арнису меня всерьез беспокоили. Интересно, а раньше она им не интересовалась?

Только я хотела спросить об этом Арта, но тут открылась дверь и появилась Элия — легка на помине.

— Ну что, Мария, — она подошла и взяла меня на руки, — готова поработать?

— А что, у меня есть выбор?

— А если полюбезнее? — она довольно ощутимо стукнула меня пальцем по спине.

Черт, та моя мысль вовсе не предназначалась для нее. Я просто еще не научилась как следует контролировать потоки для нее и для личного пользования.

— Не скучай, Арт, — Элия погладила его по голове, на что он ответил местной нецензурщиной: что-то вроде «шлюха», но поглубже. Разумеется, так, чтобы она не услышала.

Мне пришло в голову, что, возможно, наши обычные кошки и собаки тоже думают о своих хозяевах всякое. Только мы об этом — к счастью! — не подозреваем.

Пройдя по длинному коридору, Элия не спустилась по лестнице на первый этаж, а наоборот поднялась еще выше, в башенку. Видимо, это и была та самая черная-черная комната, о которой говорил Арт.

Вытащив из декольте ключ, — тоже мне тайник! — она открыла дверь, и мы оказались в небольшом квадратном помещении. Его стены действительно были обиты черным бархатом, а окна прятались за такими же шторами. Опустив меня на стол, Элия начала зажигать свечи, но я и без них уже увидела то, что так интересовало Арта.

На двух пюпитрах наклонно лежали две огромные книги. Одна в черной кожаной обложке, другая в красной.

Не успела я бурно обрадоваться, как тут же сообразила, что сам по себе факт обнаружения книг ничего нам не дает. Арт и так знал, что они в черной комнате. И даже то, что я выяснила, где именно Элия хранит ключ, мало чем могло помочь.

А она тем временем явно собиралась проводить со мной какие-то магические действия. Как и в хранилище потерянных душ, я сидела на столе в центре пентаграммы, обозначенной по вершинам горящими свечами, а Элия что-то напевала себе под нос, проводя ладонями над моей спиной. Но если ночью мою душу втягивало в тело жабы, то теперь точно так же вытягивало из него. Я повисла над столом, глядя сверху на Марию, которая, казалось, уснула.

Элия подошла к стене и отдернула драпировку, скрывавшую тускло мерцающее зеркало. Оно светилось словно само собой, а не отраженным светом.

— Иди сюда! — приказала Элия, и я послушно подплыла к ней.

Нет, меня как будто подтащило неведомой силой. Она стояла перед зеркалом, и ее отражение в таинственной глубине казалось еще более прекрасным, чем оригинал.

— Смотри в зеркало, Мария!

Я и так смотрела — на нее, сквозь прозрачную себя. Но вдруг увидела, как отражение начало туманиться, словно его затягивало пленой. Или в воздухе появилось что-то заслонившее его, с каждой секундой теряющее прозрачность, становясь более четким, определенным.

Это была обнаженная женская фигура, сквозь которую, наверно, получилось бы читать газету или смотреть телевизор. И не просто какая-то там фигура, а голая и прозрачная... нет, уже полупрозрачная Маша Соколова.

Элия положила руки мне на плечи, встретившись взглядом с моим отражением, и я почувствовала ее прикосновение. Именно так — кожей! Теперь я не только видела себя, но и чувствовала свое тело. Хотя... нет, это было совсем другое ощущение, не такое, как обычно. Да, я видела, слышала и все прочее, что положено порядочному телу, но как-то иначе, и вряд ли смогла бы объяснить разницу.

Еще несколько минут, и сцена в зеркале стала напоминать кадр из эротического фильма: одна красивая девушка очень чувственно обнимала другую, обнаженную.

Черт, Элия, с тобой вообще все в порядке? Или ты меня сюда притащила, чтобы заняться сексом — с призраком?! Так я тебе должна служить?

— Размечталась! — расхохоталась она, и я поняла, что снова направила мысли не туда. — Не знаю, что такое секс, но сообразила по смыслу. Успокойся, женщины в этом плане меня не интересуют. Тем более, эфирные тела.

— Эфирные тела? — сказав это, я поняла, что действительно сказала, а не подумала.

— Это то, что называется морок. Тонкая сущность, на время получившая телесность. На ощупь вполне как человек, живая и теплая, мало кто почувствует разницу. Но непрочная и недолговечная. Так что не будем терять время. Через три часа это тело растает в воздухе, а твоя душа вернется в жабу Марию. Одевайся!

Элия подошла к креслу, на котором лежала какая-то одежда, и протянула мне нечто странное, напоминающее жесткое белое боди без рукавов, с низким вырезом, но без застежек.

— И как это надевать? — я растерянно крутила загадочный предмет туалета, не зная, что с ним делать.

— Очень просто, — она потянула какой-то шнурок, и боди разошлось по боку. — Это называется эзо, подтягивает все лишнее. Хотя тебе и нечего подтягивать.

Я надела его, потом натянула мягкие шелковистые чулки, пристегнув их к нижним

краям эзо.

— А если надо в туалет?

— Тебе не надо, — усмехнулась Элия. — А вообще крючки есть, чтобы снизу расстегнуть. Так, теперь платье.

Она помогла мне надеть через голову бархатное платье такого же фасона, как у нее, только зеленое с серебром. Ну да, вполне подходящее для жабы. Разумеется, у него тоже было множество шнурков и крючков в самых неожиданных местах.

— Беднота одевается сама, — Элия ловко застегивала крючки на спине, один за другим. — А знатной даме не положено. Поэтому все так утомительно и долго. Ты верхом-то умеешь ездить?

— Когда-то занималась немного. Лет десять назад. Забыла, конечно, все, но, думаю, не свалюсь.

— Уже хорошо, мы не будем устраивать скачки и прыгать через изгороди.

Она расчесала мне волосы щеткой из конской щетины, обрызгала духами с тонким пьянящим запахом.

— Так, теперь флер.

Элия взмахнула руками, и словно белое покрывало опустилось на меня из воздуха, рассыпавшись разноцветными искрами, едва коснулось моей головы. И в это мгновение что-то изменилось в моем лице. Нет, не черты. Это напоминало... очень хороший фотошоп, сделавший меня такой красивой, какой я никогда еще не была.

Хотелось сказать, что от такой красоты у меня захватило дух, но... Нет, я вполне исправно дышала. Хотя могла и не дышать. Как будто мое тело лишь притворялось живым, чтобы никто не догадался.

Хм, а кто должен догадаться? То есть не догадаться? Зачем вообще эти ухищрения — всего на три часа? Нет, уже даже меньше. Что я должна буду делать?

— Да, — с легкой ноткой зависти протянула Элия. — Кто бы мог подумать! Ты гораздо красивее меня, Мария. Впрочем, это очень даже хорошо. Значит, все получится.

— Элия, что должно получиться? — я начала нервничать. — Ты можешь сказать, для чего все это?

— Разумеется, — рассмеялась она, и что-то опасно блеснуло в ее глазах. — Ты должна будешь соблазнить принца Арниса.

— Что? — тупо переспросила я, хотя прекрасно слышала каждое слово.

— Мария, давай не будем терять время, — поморщилась Элия и взяла со стола одну свечу. — Расскажу по дороге. Пошли.

Она нажала на резную панель, и часть стены отъехала в сторону, открыв проход к винтовой лестнице, ведущей вниз. Оттуда пахло плесенью и мышами.

— Подол придерживай! — буркнула Элия, когда я чуть не загремела по ступенькам вниз. — С тобой-то ничего не случится, а вот платье придворный портной шил. Адовых денег стоит.

— А разве вы, ведьмы, с адом не на ты? — невинным тоном поинтересовалась я.

Элия фыркнула, но не ответила.

Лестница сделала столько оборотов, что мы, вроде бы, должны были уже очутиться в означенной преисподней, но на самом деле оказались всего-навсего в конюшне.

Высокий сутулый слуга в темно-зеленой одежде с низким поклоном подвел к нам двух оседланных лошадей: уже знакомого мне вороного и рыжую кобылу, цвет которой замечательно гармонировал с моим платьем. Впрочем, с цветом глаз и волос тоже.

— Твою лошадь зовут Дэта, — Элия хлопнула по холке ее, а потом и вороного, чтобы не ревновал. — Она довольно смирная, так что, думаю, проблем не будет.

— А слугу? — я тоже погладила Дэту, и та приветливо мотнула головой.

— Иттон.

— Благодарю, Иттон, — сказала я, но ответа не получила.

— Не старайся, — Элия повела вороного к выходу. — Он глухонемой. Чтобы понял, надо повернуться к нему лицом, когда говоришь, тогда по губам прочитает. К тому же оборотень. Волкодлак. Замечательный слуга. Все видит, все знает — и молчит.

Замечательный слуга, помогая мне забраться в дамское седло, недвусмысленно провел рукой по ноге, от лодыжки вверх. Как будто случайно.

Знал бы ты, парень, кто я на самом деле!

«Догадываюсь», — прилетел ответ прямо в мозг.

Ох, ни фиги ж себе! Есть контакт! Значит, Арт был неправ, оборотни все-таки магические твари, и у нас, похоже, свой профсоюз. Как знать, может, и Иттон мне для чего-нибудь пригодится.

С трудом сдержав улыбку, я потихоньку подмигнула ему — чтобы не видела Элия.

— Может, все-таки уже расскажешь? — попросила я, когда мы ехали по улице. — С какого перепугу я должна соблазнять мужика, которого хочешь ты?

— Это тебе Арт сказал? — ошетибилась Элия. — Что я его хочу?

— Нет, сама вчера догадалась. Знаешь, трудно было не понять. Скорее, трудно догадаться, почему он этого не понимает. Или... ты ему не нравишься? — я постаралась, чтобы в голосе не прозвучало подъ... в общем, ничего такого опасного не прозвучало.

— Я ему не нравлюсь, — мрачно подтвердила она. — Так бывает. Всем нравлюсь, а ему нет.

— А как же магия? — я уже знала ответ от Арта, но хотелось услышать ее версию.

— На него не действует магия. Если ты помнишь, вчера он навещал свою кормилицу.

Лэрга — одна из трех Верховных ведьм. Он всосал защиту от обычной магии с ее молоком.

— Ага, вот мы плавно и вернулись к тому, с чего начали. Значит, если я соблазню его, это пробьет защиту?

— Нет. Это магия совсем иного порядка. Между мной и тобой особая связь. И все чувства, которые он будет испытывать к тебе, точно так же будет испытывать и ко мне.

— Замечательно! — я осадила Дэту, которой вдруг вздумалось пококотничать с вороным. — У него раздвоения личности не будет? И потом, давай уточним. Речь идет конкретно о чувствах или просто о желании переспать?

— И о том, и о другом.

— Вообще как ты себе это представляешь? — то, что я слышала, никак не желало укладываться в голове и напоминало дурацкую шутку. — Ты хочешь, чтобы я за пару часов соблазнила мужчину, которого увижу второй раз в жизни и который мне совсем не нравится. Ладно, не буду лукавить, этот тип мужчин я считаю довольно привлекательным, но сам принц у меня никаких симпатий не вызвал. И потом, даже если я очень сильно постараюсь, с какой стати он вдруг должен так сразу на меня наброситься? Он что, маньяк? Или у него пять лет женщины не было?

— Мария, ты трещишь, как сорока, — с досадой скривилась Элия. — Замолчи и послушай. Тебя никто не просит с ним спать.

— Видимо, я неправильно понимаю слово «соблазнить»?

— Я сказала, замолчи! — она повысила голос. — Дай мне объяснить. А то мы уже из города выехали, а ты мне слова не даешь сказать. Не слишком ли ты наглая для фамильяра?

Действительно, за этим увлекательным разговором мы незаметно очутились за крепостными стенами и ехали вдоль обмелевшей реки, сонно текущей в пологих травяных берегах.

— В это время, если нет каких-то важных дел, принц обычно выезжает на прогулку к озеру. Один или со слугой, неважно. Я спрячусь в лесу, а ты подъедешь к нему поближе и аккуратно упадешь с лошади. Постарайся не порвать платье. Он, разумеется, бросится на помощь. Поболтай с ним немного и уезжай. Ни в коем случае не говори, кто ты.

— А что я могу сказать? — хмыкнула я. — Что я жаба Мария, фамильяр ведьмы Элии?

— Имя можешь сказать. Больше ничего. Загадочно молчи. Твоя задача на сегодня — заинтересовать его. Неужели не знаешь, как привлечь мужчину?

— Да как-то не приходилось. До сих пор сами... привлекались.

Элия посмотрела на меня с раздражением.

— В общем, неважно. Если он приманку проглотит, я вечером во дворце это почувствую. Ну а там потихоньку, раз за разом. Пока он в тебя не влюбится. Или пока не захочет до одури, тоже неплохо. И тогда ты просто исчезнешь. Не пугайся, для него исчезнешь. А я — останусь.

— Ладно, допустим, — усмехнулась я. — Но ты не ответила, почему он должен вдруг так сразу мною заинтересоваться. У него нет никакой женщины? Вроде, не стеснительный юноша, вполне взрослый мужчина. Достаточно привлекательный, принц к тому же.

— Отец подыскал ему невесту в соседней провинции, но с ней случилась какая-то неприятность. Пропала, — глаза Элии блеснули, и я задала себе вопрос: а не причастна ли она к исчезновению. — Говорят, ее украл дракон. Или, может, сбежала с конюхом. Никто не знает. Новую пока не подобрали. А что касается женщины... У Арниса была связь с одной придворной дамой. Но родители выдали ее замуж, и она уже ждет младенца. Бедняга, так мучается от тошноты...

Выдали замуж? Так же, как Ярику? Я бы не удивилась.

— Так что... — Элия нервным жестом поправила волосы, — надо поторопиться, пока его не прибрала к рукам еще какая-нибудь красотка.

Вскоре дорога нырнула в лес, а мы с Элией свернули на тропу, которая вела к озеру.

— Так, подождем здесь, — сказала она, когда за деревьями мелькнула темно-синяя гладь воды. — Что-то он запаздывает.

— Может, решил сегодня обойтись без прогулки? — малодушно понадеялась я.

— Он не любит изменять своим привычкам, — возразила Элия. — Если только нездоров. Или какие-то неотложные дела. Но, как чирикнула мне одна птичка из дворца, ничего такого. И Арнис здоров, и дел никаких у него не запланировано.

Я даже не могла сказать, что напрягало меня больше: необходимость завлекать принца или притворное падение с лошади. В седле, пока Дэта шла спокойным шагом, я вполне держалась, даже в непривычном дамском. Но падать? Не стало бы оно непритворным. Не хватало только свалиться под копыта. Или платье порвать. Кстати, а что, интересно, Элия так упирает на то, чтобы я была с ним поосторожнее? Дело только в том, что оно безумно дорогое? Или еще есть какие-то причины?

— Да, очень дорогое, — мой вопрос ее не слишком удивил. — На эти деньги можно купить трех породистых лошадей. И еще останется. Но дело не только в этом. Не знаю, как у вас, а у нас не принято часто менять наряды в будние дни. У простых женщин обычно всего два будничных платья. Чтобы можно было одно постирать. У знатных — три-четыре, но очень дорогих.

— Но ведь это же так скучно, даже если четыре, — скривилась я. И добавила злорадно: — У меня был целый шкаф платьев. Разных. И на будни, и на праздники. Стоишь и думаешь, что бы надеть.

— Праздничных у меня целых... десять, — надменно вздернула подбородок Элия. И пошла с козырей: — И каждое стоит, как небольшой дом.

Мда, уела, зараза. Мое самое дорогое платье, подаренное на последний день рождения Вадимом, стоило около тысячи евро. На эти деньги разве что крылечко от дома купишь.

— Тише! — Элия прислушалась к донесшемуся издали стуку копыт. — Надеюсь, это он. И один. Прекрасно! Готова?

— Подожди! — зашипела я. — Есть что-то такое, что я должна знать? Чтобы не сказать или не сделать какую-нибудь глупость? Может, он что-то особо не любит?

— Ну... — она поджала губы. — Я точно знаю, что он не любит все скользкое и холодное. Жаб, например.

— Скажите пожалуйста, какие мы нежные, — пробормотала я, глядя ей вслед.

Круп вороного, масляно блеснув, исчез за кустами. Конский топ приближался. Я направила Дэту навстречу, самым медленным шагом.

Главное — не влюбиться в этого чертова принца самой. Слышишь, Маша?

Не, анриал. Во-первых, я жаба. Во-вторых, еще люблю Вадима. Чувства вот просто так в один момент не выключишь, как лампочку, даже если он тотальная сволочь и обошелся со мной самым гадским образом. В-третьих, Арнис этот самый мне действительно не понравился, несмотря на то, что он самого моего рокового типа и сердчишко заполошно забилося. И не только потому, что обозвал уродиной. Не понравился — и все тут. Не заискрило. А если сразу не пробило, то дохлый номер. Так что можно не беспокоиться. Трудно, конечно, соблазнять мужика, к которому ничего не испытываешь, но что делать, придется. В школе я ходила в театральный кружок, попробую вспомнить драматические навыки.

Жаб он не любит, видали? А я не люблю истеричных принцев.

Там, где тропа у берега делала крутой поворот, за кустами мелькнуло серое пятно — конь Арниса. Или нет, его серая одежда. И глаза у него тоже, насколько я заметила, серые. Ну прямо круглая серота.

Я придержала поводья, чтобы Дэта шла самым медленным шагом, и прикинула, как все-таки лучше с нее свалиться. Чтобы получилось красиво и без членовредительства.

Как гласит один из законов Мерфи, если неприятность может произойти, это непременно случится. Когда принц был уже в двух шагах от меня, я изящно соскользнула с седла, и...

У дамского седла только одно стремя, причем короткое. Я зацепилась за него носком короткого сапога и повисла. Вниз головой. Юбка медленно уползла под действием силы тяжести, выставив мою задницу на всеобщее обозрение. Как ни пыталась я вывернуться, ничего не получалось.

Факап, твою мать...

Сильные руки подхватили меня, освободив ногу из стремени. Подол сам собой вернулся на место, и я обнаружила серые глаза Арниса прямо перед своими. Он опустил меня на землю, продолжая сжимать талию.

— С вами все в порядке, госпожа?

— Да, принц, — пробормотала я, и в глазах потемнело...

Обморока не случилось. Наверно, эфирные тела на подобное не заточены, могут имитировать только те процессы, которые нужны для маскировки, вроде дыхания. Так что «потемнело в глазах» — это, скорее, в переносном смысле. То, что я испытала бы в своем настоящем теле.

Нет-нет-нет, мне ничего этого не надо. Пусть Элия забирает его себе и делает с ним все, что захочет. Становится принцессой, королевой, а я дождусь, когда жаба Мария мирно скончается от старости, и — надеюсь! — вернусь в свое несчастное тело. Пожилое. В пролежнях. И вообще пришедшее за десять лет комы в полную негодность.

Тогда почему ты смотришь на него, как загипнотизированная?

Все, больше не смотрю.

Я отвела взгляд.

— Вам нехорошо? — Арнис наконец отпустил меня. — Присядьте, я дам вам воды.

Кто его знает, может ли вообще эфирное тело пить. Лучше не рисковать, а то вдруг вода польется наружу. Прямо через якобы кожу.

Плюхнувшись мешком на траву, я покачала головой:

— Благодарю вас, принц, не беспокойтесь.

— Могу я узнать ваше имя?

Если бы у меня было настоящее сердце, оно бы, наверно, уже выскочило через уши. Но у меня и ненастоящего не было. И вообще ничего человеческого. Так, сгусток эктоплазмы, на время обретший видимость и осязаемость.

— Мария.

— Просто Мария? — брови принца удивленно взлетели.

Вспомнилось, как соседка, у которой когда-то давным-давно оставлял меня папа, смотрела такой мексиканский сериал по телевизору, страшно нудный.

Я промолчала, изображая загадочность.

— Где вы живете? — не сдавался принц. — В Осбранте?

— Нет, — пробормотала я, неопределенно взмахнув рукой. — Там. За озером.

Дура ты, Элия! Понимаю, репликой о том, что принц не любит жаб, ты мне отомстила за шкаф платьев, но лучше бы подумала, как мне с ним разговаривать. Что вообще ему говорить. Кто я, откуда. Тебе ведь это нужно, а не мне.

— А здесь как оказались?

Арнис не сводил с меня глаз, и его настойчивость означала только одно: расчет Элии был верен. Он действительно клюнул. Помог красивой девушке, заинтересовался ею. Но меня это ни капли не радовало. Напоминало анекдот: проси что хочешь, но сосед получит вдвое больше. Даже если Арнис влюбится по уши, достанется он все равно Элии. А меня в честь их свадьбы, возможно, накормят самыми отборными червяками и мухами.

— Решила прокатиться верхом по берегу. Здесь очень красиво.

— Это правда. Я тоже тут бываю, почти каждый день. Странно, что мы не встретились раньше. И все-таки... кто вы, госпожа Мария? Судя по платью и лошади, вы знатная дама, но я никогда не видел вас во дворце.

— Я не бываю при дворе, принц.

Помимо всего прочего, я не имела ни малейшего понятия о местном этикете. Приходилось лихорадочно вспоминать, как ночью разговаривала с ним Элия. Хотя это могло быть ошибкой. Она придворная дама королевы, а я, при всей своей мнимой знатности, возможно, не имею права на такие вольности. Может, я даже сидеть не могу в его присутствии. Хотя нет, он сам предложил мне присесть.

— Почему же?

И правда, почему? Наверно, потому, что никто меня туда не звал. И никогда не позовет.

Неожиданно мне на помощь пришел серый конь Арниса, который начал проявлять недвусмысленный интерес к Дэте, делая круги и подбираясь сзади.

— Ваш конюший заслуживает порицания, госпожа Мария, — заметил Арнис, поймав его за повод. — Неосторожно выезжать из дома на охочей кобыле. Видимо, поэтому она вас и сбросила.

У меня всегда была такая особенность: заниматься чем-то я могла либо с фанатизмом, либо никак. Золотая медаль, красный диплом и бодрая карьера это подтверждали. Другое дело, что зачастую мой фанатичный интерес к чему-то быстро перегорал. Так было и с верховой ездой. Увлелась я ею на первом курсе, проводила на конюшне все свободное время, читала о лошадях все, до чего могла дотянуться. А через год все пошло на спад. Ездить научилась средненько, а вот теоретические знания осели.

— Она меня не сбросила, я сама упала. И потом, разве вы не видите, принц, что она еще в предохоте? Уши не прижимает, подпускает близко, нюхает, но задние ноги напряжены, держит наготове, чтобы ударить. До охоты ей еще пара дней.

Дальше разговор пошел как по маслу. Пока я не сообразила, что очень интересная тема сексуального поведения лошадей вряд ли годится для первого... ладно, назовем это первым свиданием. И тут же пробежало досадное: а о чем, интересно, он будет говорить вечером во дворце с Элией?

Это ревность, Маша?

Да ладно, откуда?

— Прошу прощения, принц, но мне пора, — вздохнула я с сожалением.

— Да, мне тоже. Жаль... Но, возможно, мы еще встретимся здесь?

— Возможно, — я вспомнила, что должна всячески завлекать его, и улыбнулась то ли загадочно, то ли обещающе.

— Позвольте помочь вам.

Когда я забралась с его помощью в седло, Арнис взял мою руку и коснулся губами запястья с тыльной стороны.

— До встречи, госпожа Мария, — глядя мне в глаза, сказал он, легко вскочил на своего серого и тронул поводья.

Дэта пританцовывала на месте, а я смотрела ему вслед. К счастью, тропа здесь хорошо просматривалась, и не было сомнений, что Арнис действительно отправился к городу, а не спрятался где-то за кустами, чтобы проследить за мной. Так уверен, что мы увидимся снова?

Я посмотрела на запястье. Станный поцелуй. Но, видимо, здесь целуют руку именно так. Хотя вряд ли это знак вежливости. Вчера, когда он прощался с Элией, ничего подобного не было, я бы заметила.

Ну и кто тут, интересно, кого соблазняет?

— Как мило, — ядовито заметила Элия, выйдя из-за кустов. Вороного она вела на поводу. — Знал бы Арнис, что целует руку жабе.

— Ну так расскажи ему об этом вечером, — не менее ехидно посоветовала я. — Кто такая Мария на рыжей лошади. Можешь даже сказать по секрету, что это твой фамилльяр, которого ты отправила соблазнять его.

Элия стиснула зубы, сдвинула брови, и лицо ее стало похоже на небо перед грозой. И все же ей удалось с собой справиться.

— Ладно, не будем ссориться. Ты права, Мария. Мы с тобой зависим друг от друга. Так что глупо ревновать к тебе. Чем больше он увлечется тобой, тем больше внимания будет уделять мне.

Вот тут можно было поспорить, конечно. Глупо или нет. Потому что мной Арнис заинтересовался без какой-то там мутной магии. Конечно, эфирное тело выглядело красивее настоящей Маши Соколовой, но это уже было не принципиально. Может, ему понравилась моя задница. Или разговор о лошадях. Или приятно было почувствовать себя героем, спасшим девушку в пикантной и даже опасной ситуации. А вот Элия могла заполучить Арниса только с помощью колдовства.

Но об этом стоило помалкивать. Себе дороже. Если уж так щипало язык, лучше было потом посплетничать с Артом.

— Нам, наверно, надо поторопиться? — спросила я. — Пока я еще в теле. Чтобы не растаять посреди улицы на глазах у прохожих.

— Время есть, но мы останемся здесь, — возразила Элия. — Так что слезай, пусть Дэта попасется. Если ты исчезнешь у всех на виду — это, конечно, плохо. Но гораздо хуже будет, если нас с тобой увидят вместе.

— А что, когда мы ехали сюда, нас никто не видел?

— Это была необходимость. Первый раз я могла создать твоё эфирное тело только с помощью особого ритуала. Свечи, знаки и всякое такое. Зато теперь это уже ни к чему, достаточно нескольких заклинаний. Но не чаще одного раза в сутки. По городу мы проехали самыми глухими улицами, на дороге тоже почти никого не встретили. Вряд ли кто-то обратил на тебя внимание. Две какие-то знатные дамы. Не принято особо разглядывать. Но вот если Арнис начнет описывать тебя и расспрашивать всех подряд, не знает ли кто-нибудь такую... На этот случай нам лучше вместе не показываться.

— Я сказала, что живу за озером. Послушай, Элия, неужели ты думаешь, он не отправит пару-тройку отрядов прочесать окрестности, чтобы выяснить, кто я такая? Я боялась, что он уже сегодня захочет за мной проследить.

— Ну и отправит, — она беззаботно махнула рукой. — Но ведь не найдут же. А следить самому? Не думаю. Это не в его характере.

— Ты настолько хорошо его знаешь? — хмыкнула я.

— Если Арт тебе еще не сказал, мой отец — тайный советник короля. Я росла при дворе и принца знаю с детства.

— Хорошо. Но раз уж нам все равно надо ждать... а кстати, ты говорила, что когда пройдут три часа, я вернусь в жабу. Жаба нужна рядом?

— Нет, может быть где угодно. Ты просто перенесешься в нее. Так что ты хотела спросить?

— Вообще-то много чего. Скажи, а почему ты только сейчас вдруг решила завести жабу и взять Арниса штурмом? Или раньше он тебе не нравился?

— Нравился, — угрюмо буркнула Элия. — Давно нравился. Но особая магия доступна лишь Верховным ведьмам, а я стала ею совсем недавно. Вместо одной старой. Хорошо,

что успела, пока он не женился.

— А что, принц может жениться на женщине некоролевской крови? — уточнила я.

— Принцессы, конечно, предпочтительнее, но их не так уж и много. Да и принцессы-то они только по названию. Когда-то у нас были разные королевства, а сейчас одно, которое делится на провинции. И хотя правителей провинций давно не называют королями, их дети все равно принцы и принцессы. Но если подходящей принцессы нет, принц и король могут жениться на любой знатной женщине. Рианна же вышла замуж за короля Гиндара, а ее отец всего лишь хранитель дворцовой сокровищницы.

— Рианна? — у меня аж челюсть отвисла. — Та самая, Верховная ведьма? Которая увела у тебя из-под носа душу для фамильяра? Она мать Арниса?

— Мачеха. Хотя она старше его всего на два года. Мать умерла не так давно. Мы с Рианной были подругами, а теперь я ее придворная дама. Хотя... король уже немолод, кто знает, вдруг все опять переменится.

— Ну... даже если тебе удастся выйти замуж за Арниса и он станет королем, Рианна все равно не будет твоей придворной дамой, — поддела я.

— Да, но и королевой тоже.

Настроению у Элии испортилось окончательно. Она улыбалась, но я не сомневалась, внутри у нее все кипит. Поэтому решила, что разумнее будет помолчать. Набрала белых цветов, похожих на звездочки, и принялась плести из них венок. Он был уже почти готов, когда я почувствовала, что тело стало странно легким, невесомым. Я посмотрела на свою руку и увидела, как она тает, становится прозрачной.

— Не скучай там, я скоро, — голос Элии донесся как будто издалека.

На мгновение все исчезло, а потом я обнаружила себя сидящей на столе в центре пентаграммы, в одном углу которой не хватало свечи. Мимо пролетела жирная муха, и я машинально поймала ее, выстрелив языком.

Магические книги находились от меня на расстоянии вытянутой руки. Но даже если я вдруг и умела читать на языке Энигерны, все равно не могла добраться до них. Сползти со стола, залезть на подставку, открыть — нет, это точно задача не для жабы. Классическое «видит око, да зуб неймет». Будь иначе, Элия не оставила бы спящую Марию в черной комнате.

— Ну и как прогулялись? — насмешливо поинтересовался Арт, когда дверь за Элией закрылась.

— Отвезешь к камину, расскажу. Чего ж холодно так? Лето на улице, а здесь как в склепе.

— Какова хозяйка, такой и дом, — заметил он глубокомысленно, подставив мне спину. — Ну что, она шпионила за Арнисом твоими глазами или сама залезла в твою шкуру?

— Ни то, ни другое. Я соблазняла его в эфирном теле.

— Что?! — фыркнул Арт и едва не смахнул меня с хребта хвостом. — Ну конечно, как я мог забыть! Она ведь теперь Верховная, а против такой магии устоять может только другой маг высшего уровня. Подожди, но зачем ей это?

Я рассказала во всех подробностях. И как Элия создала для моей души временное эфирное вместилище, и как я встретила с Арнисом на берегу озера. Ну и, конечно, для чего это понадобилось.

— Не знаю, что и сказать, — растянувшись на полу у камина рядом со мной, Арт прикрыл морду лапами. — Вот это ситуация. Отказаться ты не можешь, поскольку полностью от нее зависишь. Изображать для Элии, что стараешься, и ничего не делать? Не получится. Насколько я знаю Арниса, его это только раззадорит. Если уж он чем-то... или кем-то заинтересовался, вцепится так, что не отдерешь.

— Он что, такой бабник? — мрачно спросила я. — В смысле, так сильно женщин любит?

— Арнис-то? — Арт задумался. — Да как тебе сказать? Конечно, на красивых женщин внимание обращает. Но, насколько мне известно, у него никогда не было больше одной сразу. И всегда это какие-то чувства, а не просто так переспать.

— Элия сказала, что у него были отношения с какой-то придворной дамой, но ее выдали замуж. Мне это что-то напомнило...

— Да уж, наверняка без кой-кого не обошлось, — он выпустил когти и тут же втянул обратно. — И, думаю, Арнис об этом догадывается. Но ведь она, зараза, так тонко все обдeldывает, что не прикопаешься. Но тут точно я ничего сказать не могу, поскольку котом стал намного раньше, чем все произошло.

— А Арнис что, не мог сам на ней жениться? — не отставала я. — Насколько я поняла, невеста должна быть достаточно знатной, только и всего. Не обязательно принцессой. Тем более, как выяснилось, принцессы у вас тут и не принцессы вовсе.

— Все сложно, Мари, — вздохнул Арт. — В теории, конечно, мог. Но он был помолвлен с принцессой Иланой, которая...

— Пропала. Об этом Элия тоже сказала. Очень так ехидно. Мол, то ли ее дракон украл, то ли с конюхом сбежала. Я еще подумала, не приложила ли она и к этому руку. Ну а что, убрала всех своих соперниц. Только мне все равно непонятно. Ну, помолвили его с какой-то там принцессой, которая ему... — я запнулась, потому что очень многие наши выражения ну никак не переводились на местный язык, — сто лет не нужна. И он не мог отказаться? Воля отца закон?

— Слушай, Мари, а чего ты злая такая? Нет, я понимаю, ситуация глупая, но тебе-то что? Ты так за Арниса переживаешь, что его Элия заграбастает? Или настолько противно с ним общаться? Или... может, наоборот? — он подозрительно прищурился.

Я закрыла глаза и изобразила зимний жабий анабиоз.

— Ладно, ладно, извини, — он примирительно тронул меня мягкой лапой. — Я вот как раз за него переживаю. Мне не все равно, что с ним будет. Попробую объяснить. Помолвили их еще в детстве, это обычная практика. Виделись они с Иланой раза два или три, никаких чувств, никакого интереса. Вообще такие браки заключают с тех времен,

когда у нас было много государств. По политическим соображениям.

— Но сейчас-то государство одно, какая тут политика?

— Слушай, ну что ты прицепилась? — снова начал злиться Арт. — Как будто я это придумал. Может, ты мне дашь уже договорить? Свадьба должна была состояться в прошлом году, когда Илане исполнилось бы двадцать пять. Но за несколько месяцев до этого она исчезла. Подозреваю, что Арнис вовсе не огорчился, потому что уже был влюблен в Ниору. Скорее, обрадовался. Еще раз повторяю, я в это время уже стал фамильяром Элии, так что могу только предполагать.

— Хорошо, тогда предположи, почему он не женился на этой своей Ниоре. И почему родители предпочли выдать ее замуж не за принца, а за кого-то другого? Я просто пытаюсь понять логику.

— Видимо, не настолько сильно был влюблен, чтобы захотеть на ней жениться. Только и всего.

Я квакнула от неожиданности. Такая простая причина мне в голову не приходила.

— Ладно, — пробормотала я растерянно. — Допустим. Тогда вот что скажи. Сейчас у нас тоже многие женятся и выходят замуж около тридцати, а то и позже. Но когда наш мир был на уровне вашего, наоборот старались жениться пораньше. Ну, или хотя бы жену взять помоложе, чтобы побольше наследников настрогать. А то рожали десять детей, и хорошо, если пара-тройка доживала до совершеннолетия. У вас такая низкая смертность? Высокий уровень медицины?

— У нас высокий уровень магии, Мари, — дернул хвостом Арт. — Этим все сказано. Много наследников — свары при дележе наследства. Или трона.

— А если наследник один и все-таки умрет? Принц, например?

— Скорее, он умрет, если будет второй претендент. Так уже не раз бывало. Если Рианна родит сына, все очень сильно осложнится. Для Арниса. Учитывая, кто она и какой силой обладает.

Какая-то мысль промелькнула у меня, когда Элия говорила о Верховных ведьмах, но что-то отвлекло. А ведь это было что-то очень важное. Вспомнить бы...

— Кстати, я видела книги. Черную и красную. И знаю, где Элия держит ключ от черной комнаты.

— Подумаешь, — фыркнул Арт. — Я и так знаю, что они там. И где Элли прячет ключ, тоже. Еще тогда знал, когда запросто мог запустить туда руку, извини за вульгарность. Раньше он висел у нее на шее на цепочке, но неудобно было снимать всякий раз, когда приходилось открывать дверь. Даже если бы нам каким-то чудом удалось его стащить, как ты себе это представляешь? Я не смогу открыть дверь ключом. И ты тоже. Единственная наша надежда, что Элли как-нибудь забудет закрыть окно на задвижку.

— Ага, жди. Сколько там коты живут? Лет двадцать? Вот если бы мне удалось попасть туда в эфирном теле... — я вздохнула. — Или нам кто-нибудь помог бы. Стой! Иттон!

— Кто? Немой конюх? Волкодлак? С чего вдруг?

Я рассказала о том, что произошло в конюшне. Как Иттон погладил меня по ноге и отозвался на мою мысль.

— Выходит, я ошибался, — вынужден был признать Арт. — Оборотни действительно магические существа. Но тут как бы не промахнуться. То, что он тебя за ногу облапал, еще ничего не значит.

— А попробуй с ним подружиться. Ты же выходишь на улицу. А он наверняка не каждую ночь волкодлачит.

— Да, Мари, так и сделаю. Прямо сегодня. Даже если окажется, что доверять ему нельзя, все равно может нам как-нибудь пригодиться.

Поздно вечером, или, как я обычно говорила, ночью, к нам в комнату влетела Элия. С румянцем на щеках и опасно блестящими глазами. В платье из розовато-сиреневой льдисто блестящей ткани, похожей на шелк. Она погладила по спине Арта, потом меня.

— Мария, я принесла тебе подарок.

Она разжала ладонь, и я увидела бабочку с голубоватыми крылышками. Но даже рассмотреть толком не успела: жабий язык мгновенно втянул ее в пасть.

— Приятного аппетита, — засмеялась Элия и подхватила меня под брюхо. — Пойдем пошепчемся.

— Судя по всему, все получилось, — заметила я сварливо, когда мы оказались в коридоре. — От тебя прямо искры летят. Надеюсь, вы с ним не о случке лошадей говорили?

Ее улыбка слегка привяла.

— Конечно, нет, — с раздражением ответила она. — По вечерам король обычно ужинает с придворными. Потом бывают танцы и всякие развлечения. Арнис пригласил меня танцевать.

— Так о чем говорили-то?

— О погоде, — созналась Элия. — Какая разница?

— И правда...

— Могла бы порадоваться за меня.

— С чего вдруг? — искренне удивилась я. — Разве это твое достижение? Его интерес ко мне плюс магия. Только и всего.

— А ты, оказывается, стерва.

— Слушай, а если б я оказалась старой и страшная, что бы ты делала? — я проигнорировала ее выпад.

— Флер помог бы. Он даже старуху превращает в юную прекрасную девушку. Жаль, что

ненадолго.

Вот теперь пришла моя очередь приунуть. Нет, я, конечно, знала, что магия сделала меня более привлекательной, чем я была на самом деле, но не до такой же степени. Выходит, обычные любовные чары Арниса не брали, но на приукрашенную с помощью колдовских штучек мордашку он вполне мог клонуть? Или Элия сказала это специально — чтобы задеть меня? Обмен тактическими ракетами с ядерными боеголовками?

— Ну что, завтра продолжим? — я позорно отползла в окопы.

— Пожалуй, нет, — задумчиво протянула она. — Погода должна быть хорошая, во дворце никаких официальных дел. Значит, Арнис поедет на прогулку. В надежде снова тебя увидеть. А ты не придешь. Пусть попереживает.

Она отнесла меня обратно в комнату и посадила на стол.

— К камину! — потребовала я. — И скажи, чтобы сделали спуск какой-нибудь. Хоть доску. Не могу же я без конца любезностью Арта пользоваться.

Элия кивнула, пожелала нам спокойной ночи и ушла.

— Ты думаешь, зачем она нас гладила, когда пришла? — с сарказмом поинтересовался Арт, когда я рассказала ему о нашем разговоре. — Приласкать хотела? Как бы не так! Ведьме необходимо постоянно поддерживать телесный контакт с фамильяром. Гладить, брать на руки, обнимать. Чтобы связь была крепче. Ладно, я пошел. Прогуляюсь, на конюшню загляну. Не скучай.

Когда он выскользнул в окно, я устроилась у камина поудобнее и для начала занесла в свой мысленный дневник события дня. Без каких-либо эмоций, чисто факты. А потом принялась вспоминать отдельные моменты уже более детально.

Например, свое позорище на лошади. И как Арнис снял меня и держал, глядя в глаза. У него красивые глаза... Да и сам он...

Будь я в человеческом обличье, встряхнула бы сейчас головой, чтобы отогнать эти мысли. Жабе сложнее.

И все-таки — о чем же я забыла? Я плела венок, а о чем мы с Элией разговаривали перед этим? О Рианне. И о том, что они с ней были подругами. А теперь уже не особо, потому что Рианна королева, а Элия даже принца заполучить не может. Ну, то есть не могла без меня. И душу для фамильяра Рианна у нее из-под носа увела. Так что отношения между ними явно не самые добрые.

Ничего удивительного, так часто бывает, если одна подруга внезапно становится выше другой по статусу. Когда меня сделали начальницей отдела, Люба тоже сначала поздравляла, а потом... Нет, врагами мы не стали, но и подругами больше не были. Плюс то, что сказал Арт. Если вдруг у Рианны родится сын, все сразу станет сложно. А у Элии далеко идущие планы.

Интересно, что представляет собой триада Верховных ведьм? Чисто административное понятие или нечто большее, требующее объединения общих сил? Например, для какого-то совместного колдовства?

Я подумала, что надо будет обязательно выяснить это у Арта, когда вернется, и погрузилась в сладкие жабы сны.

На следующий день я в полной мере прочувствовала жизнь домашних животных. Поесть, поспать, сходить в туалет — и так весь день по кругу. Побродить по комнате для моциона, погреться у камина. Что еще? С мячиком поиграть, с хозяином пообщаться? Мячика у меня не было, а общаться с Элией вот уж точно не хотелось. Одна радость — Арт. Не будь его, я бы, наверно, уже через пару дней подохла от тоски. Но вряд ли бы это помогло, Элия переселила бы меня в другую жабу, и все дела.

Когда я проснулась, Арт спал на диване, свернувшись клубком так, что было непонятно, где голова, а где задница. Только хвост свисал. Я подползла поближе, с трудом дотянулась и ухватила кончик пастью. Кстати, выяснилось, что у жаб нет зубов. У лягушек маленькие есть, это я точно знала, а вот жабы — как старухи или младенцы. А еще оказалось, что кожа у жаб не скользкая и гладкая, как у лягушек, а сухая и бугристая. Вот и не знаешь, что хуже, а что лучше.

Арт аж подпрыгнул, когда я дернула его за хвост.

— Мари, что за глупые шутки?! — рыкнул он, почти как тигр.

— Мне скучно, — капризно пожаловалась я. — Рассказывай!

— Ну поспишь ты у меня! Да нечего особо рассказывать. Когда я пришел в конюшню, Иттон как раз собрался удрать в лес. Новолуние и полнолуние — самое время для оборотней. Так что мы только парой слов перебросились. То есть мыслей, конечно. Но контакт установлен, уже хорошо. Он видел меня раньше и знает, что я фамилльяр Элли. Но я пока не стал говорить, чья душа в коте. Посмотрим, как будет дальше. А ты вспомнила, о чем забыла?

— Да. О том, что у Элии и Рианны теперь явно не самые лучшие отношения. После того как Рианна стала королевой.

— Это да, — Арт сел и почесал лапой за ухом. — Но не думаю, что в данном случае враг нашего врага будет нам другом. Потому что Арнис ей тоже враг, а нам он друг, значит...

— Друзья ее врага — ее враги, — подтвердила я. — Как все сложно. А Лэрга? Она ведь кормилица Арниса.

— Это вот уже теплее, — зрачки Арта превратились в черные черточки. — Молодец, Мари. Но есть две проблемы. Как добраться до нее и как с ней объясниться.

— Но она же ведьма.

— Она не наша ведьма. С фамилльяром мысленно могут разговаривать только хозяйки.

— Значит, надо как-то приручить оборотня. Если мы перетащим его на свою сторону, он сможет быть посредником между нами и Лэргой. Вроде как переводчиком, — тут я вспомнила, о чем хотела спросить его, когда уже засыпала. — Послушай, Арт, а как Элия стала Верховной ведьмой? Она сказала, что недавно, вместо какой-то старой.

— Да. Ее выбрали вместо Фиалы, сестры короля.

— Фиала умерла?

— Нет, но ей исполнилось пятьдесят пять, а это предел для Верховной. Насчет старой — тут Элли, конечно, преувеличила. Понимаешь, триада — это особые ведьмы. И сила у них особенная. Ты спрашивала про смертность. Когда случается какое-то бедствие: эпидемия, война, засуха, пожар или еще что-нибудь, Верховные объединяют свою мощь против этого. Впрочем, точно так же они могут объединиться и для темных дел. Думаешь, король Ларс смог бы завоевать все государства, если бы не триада? Их выбирают из ведьм, которым только исполнилось двадцать пять. Они должны быть знатного происхождения и иметь в роду хотя бы одну Верховную.

— А сколько лет Лэрге? — я забеспокоилась, ведь кормилица Арниса никак не могла быть молоденькой.

— Если не ошибаюсь, пятьдесят пять ей должно исполниться еще в этом году. Так что если мы хотим попросить ее о помощи, стоит поторопиться. Она, конечно, не перестанет быть ведьмой, когда покинет триаду, но сила ее уменьшится.

День тянулся, как резиновый. Арт большую часть времени дрых, как сурок, а я изнывала от скуки. Чтобы хоть как-то развлечься, переловила всех мух в комнате, коварно притворяясь мертвой и приманивая их на падаль, но веселее не стало. И невольно в голову лезли мысли, что Арнис в это время, наверно, ждет меня у озера, на том же месте.

По словам Арта, если уж принц кем-то заинтересовался, просто так это не оставит. А в том, что я произвела на него впечатление, сомневаться не приходилось. Иначе он не пригласил бы Элию танцевать. И вот это бесило меня сильнее всего.

Как ни пыталась я себя обманывать, что мне нет до Арниса никакого дела, получалось все хуже и хуже. И соперничество только подстегивало интерес. Соперничество заведомо провальное. Это было похоже на игру, в которой я могла вести в счете на протяжении всей партии — и все же проиграть в итоге слабому игроку. Потому что так было предусмотрено правилами.

Я еще сопротивлялась, призывая в союзники здравый смысл, но он, кажется, выкинул белый флаг. Стоило на секунду расслабиться, и я тут же видела, как наяву, его лицо. Глаза, похожие на осенний питерский день, когда небо и Нева становятся одного цвета. Улыбку, на которую невозможно было не ответить. Слышала его голос, низкий, мягкий, как бархат. Чувствовала, как его губы легко касаются запястья.

«До встречи, госпожа Мария»...

Ночером Элия пришла к нам еще более оживленная, чем накануне. «Пошептаться» в коридор меня не потащила, погладила нас с Артом, пожелала спокойной ночи и убежала. Но мне и так все было ясно.

Арнис ждал меня, думал обо мне, а вечером все это перенес на Элию. Может, он и сам не мог понять, как так получается, но мне от этого было не легче. Я никогда не страдала ревностью, но сейчас мне хотелось загрызть ее насмерть.

Как жаль все-таки, что у жаб нет зубов.

На следующее утро Арт меня огорчил. Впрочем, он и сам был расстроен. Встретиться ночью с Иттоном ему не удалось.

— Пришел — его нет. Прождал до утра, так и спал там на сене. Но он не вернулся. А что, если Элли о чем-то догадалась и убрала его?

— Печаль, — разочарованно квакнула я. — Ладно, подождем до ночи. Хотя сам понимаешь, время поджигает. Погода хорошая, наверняка, Элия снова потащит меня на свидание. Если она действительно от него избавилась, где мы будем искать другого оборотня? Ты знаешь какого-нибудь?

— Откуда? На них же не написано. Я и про Иттона-то случайно узнал, Элли сказала. Не бегать же по всему городу, обращаясь мысленно к каждому встречному в надежде, что откликнется. А даже если? С какой стати незнакомому оборотню вдруг нам помогать?

— А драконы? С драконами мы можем разговаривать?

— Понятия не имею, — раздраженно фыркнул Арт, наливая лапу. — В жизни ни одного не видел. В Энигерне... ну, в смысле, в королевской провинции, они не водятся. Когда-то у знатных мужчин считалось самым шиком преподнести невесте к свадьбе драконьи причиндалы. И съесть за свадебным пиром вдвоем жаркое из них. Верили, что это способствует любовной мощи и плодовитости. Так всех и истребили. Как и единорогов.

Настроение у меня было отвратительное. Мы знали, где находятся магические книги и где Элия хранит ключ от колдовской комнаты, но не могли туда попасть. Познакомились с оборотнем, который — в теории, конечно, — мог бы помочь нам связаться с кормилицей Арниса, и тот вдруг исчез.

Ну чего ж не прет-то так? Похоже, мы с Артом чемпионы всех известных миров по лузерскому многоборью.

Элия пришла в то же время, что и позавчера, с уже знакомым шелковым платком.

— Пойдем, Мария, — улыбка у нее была нервная, как и румянец на щеках — пятнами.

Завернув меня в платок, она отправилась в конюшню, но не через потайной ход из черной комнаты, а по длинному коридору и по лестнице. Мне удалось выставить из платка один глаз, но как ни ворочала я им, Иттона так и не обнаружила.

У выхода на улицу стоял привязанный вороной, уже оседланный. Элия опустила меня в седельную сумку и ловко вскочила в седло. Мало того, что я там чуть не задохнулась, так еще и укачало, да и видно ничего не было. А ехали мы, как мне показалось, немного дольше, чем в прошлый раз.

Наконец это мучение закончилось. Конь остановился, сумка качнулась: Элия спрыгнула, задев ее. По глазам ударил солнечный свет.

Мы были в лесу у какой-то деревянной хижины. Дверь открылась, и на крыльцо вышел... Иттон!

Так вот куда он делся. Надо думать, Элия заранее послала его в лесную сторожку с Дэтой, чтобы я могла отсюда в эфирном облике отправляться верхом на свидание. Так меня никто больше не увидит, а немой конюх все равно никому ничего не расскажет. Главное — чтобы Арнис все-таки за мной не проследил.

— Привет, Иттон, — обратилась я к нему мысленно. — Арт приходил к тебе сегодня ночью, но не нашел.

— Привет, — отозвался он. — Да, я со вчерашнего вечера здесь. А девой ты была красивее, чем жабой.

Тут Элия, бросив ему поводья, понесла меня внутрь. Несколько плавных движений руками надо мной, несколько певучих заклинаний, и вот уже Мария снова уснула на

столе, а мой эфирный призрак наливался поддельной плотью.

— Кто бы мне сказал, что я буду служанкой у жабы, — усмехнулась ядовито Элия, застегивая крючки платья у меня на спине.

— Если бы мне сказали, что я буду служанкой у ведьмы, я бы тоже посмеялась.

Она дернула уголок рта, но не ответила. Оглядела внимательно, поправила мне волосы, расправила верхние широкие рукава над узкими нижними.

Иттон у крыльца ждал, держа под уздцы оседланного гнедого жеребца.

— Дэта в охоте, — сказала Элия. — Поедешь на Ветре. Держись крепче, он норовистый. Второй раз падать перед Арнисом не стоит.

Подсаживая меня в седло, Иттон снова коснулся моей лодыжки и слегка сжал пальцы.

— Если нужна помощь, вы знаете, где меня искать, — услышала я и ответила:

— Спасибо!

— Я останусь здесь, — Элия хмурилась и покусывала изнутри щеку, от чего ее лицо сердито кривилось. — Надеюсь, не заблудишься. Держись прямо по солнцу и выедешь к озеру. Ну и обратно так, чтобы солнце светило в спину.

Я со злорадством представила, как она будет сходить с ума, не имея возможности ни видеть, чем мы с Арнисом занимаемся, ни даже слышать, о чем говорим. И все же это было лучше, чем случайно попасться ему на глаза. Кто знает, может, он уже ждал на берегу.

Но вот ведь парадокс. Чем больше у Элии будет поводов для ревности, тем лучше в итоге для нее. И тем хуже для меня.

Гнедой Ветер, сердито потряхивая головой, двинулся к озеру. «Ты кто такая? — было написано на его морде. — Я тебя не знаю!».

В голове у меня был полный раздрай, а тело напоминало кусок камня. Ни бьющегося отчаянно сердца, ни взмокших подмышек, ни пересохшего от волнения горла. Сознание помнило, как все это бывает, но тело не реагировало. Оно могло лишь чувствовать прикосновения. Как легкое давление, не более того.

Серый конь Арниса щипал траву на прибрежной полянке, а сам он бродил взад-вперед по тропе, поглядывая туда, откуда я приехала в прошлый раз. Заслышав конские шаги совсем с другой стороны, обернулся и замер, словно не веря своим глазам.

— Мария!..

Принц подбежал к Ветру, протянул руки и подхватил меня, снимая с седла. Прижал на секунду к себе, опустил на землю, продолжая держать ладони на талии. Мы стояли и смотрели друг на друга. Как будто время остановилось.

Черт с ним, с бесчувственным телом! Это не оно, а я сейчас дрожала от радости и волнения, купаясь в счастливом взгляде Арниса.

— Я ждал вас вчера, Мария, — тихо сказал он. — Долго ждал.

— Простите, принц. Я не смо...

— Осторожно! Наверно, приняла вас за цветок, — Арнис за кончики крыльев снял с моего плеча такую же голубую бабочку, какую Элия принесла мне в качестве десерта.

Она сидела у него на ладони, складывая и расправляя крылья, словно не знала, взлететь или нет. И я вдруг поймала себя на том, что хочу дотянуться до нее языком и сожрать.

Это что?! Жабьи инстинкты влияют на мое сознание?!

— Я смотрю, вы на другом коне?

Прозвучало как будто «вы на другой машине». Мы опять будем разговаривать о лошадях?!

Кивнув неопределенно, я села на поваленное дерево. Арнис устроился рядом и взял меня за руку, осторожно поглаживая пальцы.

— Мария, вы так ничего мне и не рассказали о себе. Кто вы, откуда? Вчера, не дождавшись, я хотел уже отправиться на поиски. На другой берег.

Вот этого-то я и боялась! Ну да, найти меня он, конечно, не нашел бы, хоть все окрестности прочеши. И как бы я потом это объясняла?

— Простите, принц...

— Арнис. Прошу вас, Мария, зовите меня по имени.

— Арнис... Если вы хотите встретиться со мной снова, пожалуйста, не ищите. И не спрашивайте, кто я, пока сама не смогу рассказать. Я понимаю, у вас есть возможность обыскать всю Энигерну, но... если сделаете это, больше никогда меня не увидите.

Вот так, главное — напустить туману погуще. Почти как в сказках.

— Хорошо, — со вздохом согласился он. — Подожду, когда сможете. Но вы приедете завтра?

— Если получится выбраться из дома. И если не будет дождя.

И если Элия не решит, что лучше тебя еще немного подинамить. Чтобы покрепче ухватил приманку.

Мы разговаривали обо всем, что приходило в голову. Смеялись, поддразнивали друг друга. Принц? Если закрыть глаза и не видеть его странного наряда, а еще забыть о том, что говорим на языке другого мира, могло показаться, будто рядом самый обыкновенный парень, с которым познакомились... ну не знаю, на вечеринке или в спортзале.

Мне было так хорошо с ним, и я старательно гнала мысли о том, что моим он все равно никогда не станет. И чем сильнее мною заинтересуется, тем ближе к своей цели окажется Элия. Если б я могла прекратить все это сейчас, пока не стало слишком серьезно для нас обоих... Но она держала в руках мою жизнь. Это был выбор даже не между любовью и жизнью. Совсем иначе: жизнь и заведомо несчастная любовь — либо смерть. И ладно еще, если б я просто умерла. Где гарантия, что не окажусь навечно в темном хранилище неприкаянных душ? Почти как в бюро потерянных вещей.

Время бежало так быстро. Я понятия не имела, сколько его уже прошло. Не хватало только растаять в воздухе.

— Мне пора, Арнис, — я встала.

— Мария, побудь со мной еще немного, пожалуйста, — да, мы как-то незаметно перешли на ты, хотя я немного и посопротивлялась для вида: как же, на ты с принцем!

Он сжал мою руку. Я представила, как от его пальцев могла бы разбежаться по всему телу, отзываясь в каждом уголке, теплая волна. Такое мне было хорошо знакомо. И как же не хватало этого сейчас!

Чертова кукла, красивая и абсолютно бесчувственная! Как будто вылепленная из глины. Всегда было наоборот. Если желание в голове — отзывалось и тело. А сейчас в ответ на самые нескромные мысли оно оставалось глухо. Как в танке.

Проклятье!

— Прости...

Он поднялся, и мы замерли, глядя друг другу в глаза. Тянуло, как магнитом, и все же я успела уклониться — его губы лишь слегка коснулись щеки. Будь я настоящая, стала бы изображать пугливую девственницу? Вряд ли. Но сейчас я знала: чем быстрее все будет развиваться, тем быстрее и закончится. И дело было вовсе не в том, что я хотела растянуть эту пытку и провести с Арнисом больше времени. Да, мне бы он не достался ни при каком раскладе. Но что, если нам с помощью Иттона удастся добраться до Лэрги? Вдруг она может сделать так, что Арнис не достанется и Элии? Возможно, с особой магией Верховной ведьмы справится другая, более опытная?

— До завтра, Мария!

Арнис помог мне сесть в седло и, как в прошлый раз, направился по тропе в сторону города. Я смотрела ему вслед, и мне безумно хотелось плакать. Но эта надувная баба даже на такое была не способна. От отчаяния я со всей дури треснула себя по ноге. Ничего — разве что ощущение прикосновения. Ни слез, ни боли. Оставалось только ругаться, что я и сделала.

Развернув Ветра в лес, я едва успела подумать, что солнце за два часа сместилось, значит, надо взять правее. Или левее? Впрочем, сообразить все равно не успела, потому что начала стремительно таять.

Как же плохо без часов! Так и вляпаться мож...

Затемнение — словно перебивка кадра, и я опять оказалась в жабьем теле. Жабьем — но живом! Которое все чувствует!

— Ты с ума сошла, Мария? — мрачно поинтересовалась Элия.

Шелковому платку, в который она меня заворачивала, изрядно досталось: края были оборваны и растрепаны. Беспокоилась, что я исчезну у Арниса из-под носа? Или представляла себе всякие веселые картинки 18+ и от злости грызла платок?

— Я не могу точно определять время без часов, — огрызнулась я.

— Но хотя бы приблизительно можно было догадаться, что не полчаса прошло!

Что я могла сказать? Можно было, да. Но ведь так не хотелось уходить. Интересно, неужели у наследника трона нет никаких важных дел, если он может каждый день тратить столько времени на прогулки? Причем один, без охраны и даже слуги. Неужели никому не интересно, где он болтается?

— Насчет дел не знаю, а что до безопасности... Он ведь под защитой магии, — ответила Элия на мой вопрос. — Это тоже дело Верховных: охранять короля, королеву и наследника. Хотя Рианна в этом и не нуждается. Она станет самой сильной из триады, как только Лэрга уйдет на покой.

Ага, так я и думала. Чем старше Верховная ведьма, тем она сильнее. И если кормилице Арниса осталось пребывать в своей должности всего несколько месяцев, выходит, сейчас ее сила на максимуме. А это значит...

Тут Элия взяла меня со стола и вынесла на крыльцо, не дав додумать мысль.

— Послушай, а как же конь? И платье? — спохватилась я.

— Если б ты поторопилась, этих вопросов не возникло бы. Я отправлю Иттона забрать.

В этот момент он как раз подвел к крыльцу вороного.

— Ты можешь ночью приехать в город? — спросила я его. — Нам действительно нужна твоя помощь.

— Домой нет, — покосившись на Элию, мысленно ответил Иттон. — Кто-нибудь увидит и обязательно доложит. Скажи Арту, буду ждать в полночь за башней слева от Западных ворот. Снаружи.

— А откуда нам знать, что тебе можно доверять? — спохватилась я.

— Ниоткуда. Или доверяете, или нет. Но ты можешь спросить у Арта о Зилге. Он знает.

Тут Элия снова завернула меня в платок и положила в сумку, и обратный путь показался мне еще более тягостным.

— Ну, чем вы занимались? — Элия ткнула меня через сумку в бок, едва мы отъехали.

— Ничем, — от неожиданности я даже квакнула. — Разговаривали.

— И все? — я не могла видеть ее лица, но хорошо представляла выражение по интонации.

Удержаться от выстрела не удалось, как ни пыталась:

— И все. Но он держал меня за руку, — я добавила контрольный в голову, помня, как Арнис обращался к ней «госпожа Элия»: — И попросил называть его на ты.

Чтобы справиться с собой, ей понадобилось не меньше минуты.

— Ну что ж, это хорошо, — сказала она голосом из армированной стали. — Очень хорошо.

К моему великому сожалению, плакать не умели не только эфирные создания, но и вполне телесные жабы.

— Ну что, Мари, как прошло свидание? — насмешливо поинтересовался Арт, когда Элия принесла меня в нашу комнату.

— Нормально, — буркнула я, подползая к камину.

— Как продвигается совращение Арниса? Наверно?.. — он вдруг запнулся. — Мари... Да ты никак влюбилась?

— С чего ты взял? — я устроилась поудобнее и закрыла глаза. — На мне написано?

— У тебя мысли стали... Не знаю, как будто другого цвета. Я серьезно.

Как хорошо, что жабы не могут краснеть. Хотя... краснеть перед Артом?

— Ничего смешного, — вздохнула я.

— А я и не смеюсь. Когда ты сказала, что он тебе не понравился, я еще удивился: как ты сможешь соблазнить его для Элии. А теперь я тебе очень сочувствую, Мари. Ты даже не представляешь, как. Отдать мужчину, который нравится, сопернице, да еще и помогать

ей. Такого врагу не пожелаешь.

— А уж мне-то насколько погано, Арт! Не передать. Как хорошо было там, у озера, и как ужасно сейчас... Ладно, не будем об этом. У меня новости.

Я рассказала ему об Иттоне и о том, что тот назначил встречу в полночь за воротами.

— Я спросила, почему мы должны ему верить. Ну, что он на нашей стороне. И он сказал, что ты можешь мне рассказать о Зилге. Кто это?

— Зилга? — Арт задумался на несколько секунд. — Ну конечно! Я просто забыл имя. Так звали служанку с кухни. Иттон собирался на ней жениться. Но она вдруг внезапно влюбилась в повара и вышла замуж за него. Там явно не обошлось без колдовства.

— Ты хочешь сказать, что Элия наколдунила, чтобы эта самая Зилга влюбилась в повара, а тот в нее? — не поверила я. — Но зачем? Ладно убрать твою Ярику или как там ее звали, даму Арниса. Но конюх? Или у нее и с ним что-то было? У Элии?

— Знаешь, я бы сильно не удивился. Но, скорее, дело в другом. После свадьбы Иттон хотел уехать с Зилгой в свою родную деревню. А глухонемой, да еще и неграмотный слуга — это слишком ценно. Никому никакие тайны не выдаст. Не расскажет и не напишет. Но, кажется, тут Элия дала промашку. Он хоть и немой, но не тупой. К тому же оборотень, а эти ребята обид не прощают.

— Да, это было очень глупо с ее стороны. Знаешь, Арт, мне показалось, что она вообще умом не блещет. Как-то это идет вразрез с моими представлениями о ведьмах.

— Не знаю, какие ведьмы у вас, — он зевнул, продемонстрировав острые клыки, — а у нас всякие встречаются. И Верховными тоже, знаешь, становятся не всегда благодаря уму. Но это, как видишь, оказалось очень даже кстати. Должно же нам хоть в чем-то повезти.

До вечера мы с Артом занимались тем, что перемывали кости Элии. Икалось ей наверняка основательно. Конечно, кот мог быть не совсем объективен, учитывая их прежние и нынешние отношения, но даже с поправкой на это картинка складывалась та еще. То есть Элия рисовалась на ней той еще стервой.

— Послушай, — мне в голову пришла не самая приятная мысль, — а если Лэрга поможет, но Элия догадается, что мы к этому лапы приложили? Что с нами тогда будет? Но даже если не догадается. Ты-то ладно, ты у нее по другой причине в рабстве. А меня она завела исключительно для завоевания Арниса. Если окажется, что жабья магия не помогла, зачем я буду ей нужна? Как-то сомневаюсь, что она скажет: «Ладно, Мария, ничего не поделаешь, отправляйся обратно в свой мир и в свое тело».

— В конце концов, Мари, — Арт рассерженно выгнул спину, — прекрати уже ныть. Время до вечера есть, решайся. Можешь, конечно, отдать Арниса ей прямо в руки. Но ты уверена, что после этого вернешься в свое тело? Я вот тоже как-то сомневаюсь. Либо она тебя убьет, либо — что вероятнее — оставит при себе. Чтобы ты наслаждалась их с Арнисом семейным счастьем.

Можно подумать, у меня был выбор. Особенно если исходить из того, что при любом раскладе все могло кончиться либо плохо, либо очень плохо. Арт сформулировал то, о чем я и так думала и чего боялась.

В свое тело я, скорее всего, уже не вернусь. Ни через десять лет, ни через сколько. Элия никогда не простит, что Арнис заинтересовался мною без помощи магии. Несмотря на то, что именно этот его интерес ко мне и был ей необходим. Либо останусь жабой, либо умру. Причем Арт вряд ли ошибался. Жабой я буду нужна Элии лишь для того, чтобы любовалась на них с Арнисом. Пока ей не надоест.

Ну а если так — о чем я вообще тогда думаю? Я жаба или кто? Ну так вот и буду мерзкой злобной жабой.

— Короче, дай пять, чувак, только когти убери!

Арт посмотрел на меня с недоумением, но, увидев мою лапу с растопыренными пальцами, муркнул и припечатал к ней свою.

— А чувак — это кто? — уточнил он деловито.

— Ну... — задумалась я, пытаюсь сообразить, как лучше объяснить. — Парень, мужчина. Вообще такое мутное слово и даже не очень уже модное, но еще в ходу.

— Ага, ясно. Мне показалось, или ты действительно решилась утереть Элии нос во что бы то ни стало?

— Раз уж в любом случае окажусь в заднице, так что теряю? Главное — чтобы Лэрга смогла помочь. Стой! — я всплеснула лапами. — Только сейчас сообразила. А как мы будем с ней разговаривать-то? То есть как Иттон будет? Когда говорят, он разбирает по губам. Элия тоже его знаки понимает. А вот как Лэрга поймет?

— Мари! — Арт прикрыл морду хвостом, почти как фейспалмом. — Не разочаровывай меня. Или ты от любви так внезапно поглупела? У Лэрги, как у всякой уважающей себя ведьмы, тоже есть фамильяр.

— И ты смог бы с ним разговаривать?

— Ну, конечно, нет. Мы и с тобой-то можем говорить только потому, что фамильяры одной и той же ведьмы. У нас как бы общая связь. Лэрга нас не услышит, ее фамильяр тоже. А вот Иттон способен мысленно разговаривать с любым фамильяром. Смекаешь, к чему я веду?

— Кажется, да, — обрадовалась я. — Мы расскажем все Иттону, Иттон фамильяру Лэрги, а он — самой Лэрге.

— Поздравляю, додумалась.

— А не получится испорченный телефон?

— Испорченный что?

Если мне не хватало слов из языка Энигерны, я машинально использовала русские. Иногда Арт догадывался об их значении по смыслу, но чаще мне приходилось объяснять.

— Иттон что-то поймет не так, фамильяр тоже, в результате до Лэрги дойдет вообще какая-то ерунда.

— Не исключено, — кивнул Арт. — Вот поэтому нам и надо попасть к ней вместе с Иттоном.

— Нам? Но как? — я окончательно растерялась. — Ну ладно ты, а я?

— А что ты? Я уже возил тебя от стола к камину и обратно. Чем не конь? До ворот довезу, а там посмотрим.

— И правда! — развеселилась я. — Вороной, как у Элии.

— Твоя задача — держаться крепче, но не выдрать мне при этом шерсть. И не квакать громко в уши от страха.

Тут мне на глаза попалась брошенная на кресле небольшая матерчатая сумочка с двумя короткими ручками.

— Это что такое? — поинтересовалась я, пытаюсь задрать голову и рассмотреть ее.

— Элия забыла свою сумку для всяких зелий. Слушай, Мари, а ведь ты прекрасно в нее поместишься.

Похоже, мы с Артом понимали друг друга с полумысли. Он принес в зубах сумку, и оказалось, что она действительно мне как по мерке. После нескольких попыток ему удалось просунуть в ручки передние лапы, и я очутилась у него на спине — словно в рюкзаке. Арт прокатил меня по комнате, после чего зарыл сумку под подушку дивана, чтобы Элия, заскочив пожелать нам спокойной ночи, ее случайно не заметила и не забрала.

Наступил вечер, потом ночер, часы на городской ратуше пробили четверть двенадцатого, а Элии все не было.

— Мы же не можем удрать, пока она не вернулась, — паниковала я. — А если будем ждать, то не успеем. Иттон не дождется и уйдет.

— Прекрати! — прошипел Арт. — Даже если и так, ты все равно увидишь его завтра. Объяснишь, договоришься, чтобы пришел попозже.

Я хотела ответить, что время не ждет, но тут дверь распахнулась и влетела Элия, на этот раз в бирюзовом. Видимо, решила продемонстрировать мне все свои десять вечерних платьев по очереди. Чмокнув Арта в нос, она закружилась со мной по комнате.

— Мария, он опять пригласил меня танцевать и поцеловал руку.

— Что-то тебе все достается с опозданием, — буркнула я.

Очень хотелось сказать, что меня-то он хотел поцеловать совсем по-другому, но решила не нагнетать. Тем более что толку хорохориться? Захотел поцеловать меня — захочет и ее. И не только поцеловать. Если, конечно, мы этому не помешаем. А представив, как Арнис целует ей руку, помешать я захотела с удвоенной силой.

— Фу! — скривился Арт, а как только Элия вышла, быстро нализал лапу и вымыл нос. — Давай быстрее, забирайся. Еще успеем до полуночи к воротам.

Когда я в сумке оказалась у него на спине, он с усилием запрыгнул на подоконник, поддел створку окна лапой и выбрался на карниз, а оттуда на дерево. Изо всех сил уцепившись за сумку, я зажмурилась.

Пройдя по длинной ветке, свисающей за ограду, Арт спрыгнул вниз. Меня подкинуло и шмякнуло о кошачий позвоночник.

— Полегче! — попросила я, сдавленно квакнув.

— Прости, Мари, — фыркнул он, припустив рысцой. — Не в обиду будет сказано, ты, конечно, очень красивая жаба, но... может, тебе самую капельку есть поменьше мучного и жирного?

— А что я такого мучного и жирного ем, интересно?

Были б зубы, укусила бы за загривок!

— Червей. Жирных мучных червей.

Часы как раз начали отбивать полночь, когда Арт перебрался по каменным выступам через крепостную стену. Из-за облака выбралась почти полная луна, и я заметила в тени башни темный силуэт. Иттон нас ждал.

Впрочем, пока мы до него добрались, это стал уже не совсем Иттон. Он стоял на четвереньках и стремительно покрывался шерстью, прямо поверх одежды. Лицо менялось, вытягиваясь и превращаясь в зубастую волчью морду.

— Прошу прощения, — услышала я его мысль. — Ничего не могу поделать. Луну не обманешь. Давайте уберемся отсюда, не хочется стражу пугать, когда будут стену обходить дозором. Забирайтесь на спину, отъедем в лесок.

Арт не заставил себя уговаривать и ловко запрыгнул Иттону на хребет. Таким вот слоеным пирогом мы и двинулись к ближайшей рощице, где расположились на опушке.

— Ну, чем могу помочь? — спросил Иттон, когда Арт слез с его спины, а я выбралась из сумки.

Говорила в основном я, Арт лишь вставлял реплики.

— Примерно так я и подумал, — Иттон лениво почесал лапой за ухом, совсем как большая собака. — Когда сначала услышал твои мысли, Мария, а потом ты вдруг непонятно откуда очутилась в хижине и уехала на гнедом. Ну а когда Элия отправила меня искать коня и платье, сомнений не осталось. Сомнений в том, что это какая-то магия. Правда, я не думал, что она нацелилась на принца. Да, кажется, мне наконец повезло. Но я знал, что рано или поздно ей отомщу. За Зилгу.

— А ты уверен, что Элия заставила ее полюбить повара с помощью магии? — на всякий случай уточнила я.

— Еще как! Я заметил у Зилги криво обрезанную прядь волос. А на следующий день застал их вдвоем. Хотя раньше она на него даже не смотрела. Ладно, это уже неважно. Как я могу вам помочь?

— Ты знаешь, где живет Лэрга Герти, вдова смотрителя дворца? — опередил меня Арт.

— Верховная ведьма? Примерно знаю. За лесом, не так далеко.

— Можешь отвезти нас к ней прямо сейчас? И потом вернуть обратно? До того как Элия утром придет навестить нас?

— Надо поспешить. Как только встанет солнце, я снова превращусь в человека. Забирайтесь обратно. Спорим, вы никогда раньше не ездили верхом на волкодлаке?

— Я и жабой-то раньше никогда не была, — буркнула я, заползая в сумку.

Иттон неся, как хороший рысак, только мягко. Выпасть я не боялась, но опасалась, как бы не свалился Арт, которого мотало по волчьей спине из стороны в сторону. Наконец лес остался позади, и мы оказались у большого каменного дома за высокой кованой оградой.

— Держись! — Иттон с разбегу перемахнул через примерно двухметровую решетку. И вот тут я наоборот порадовалась отсутствию зубов, потому что при приземлении наверняка прикусила бы язык.

Ни одно окно не светило — надо думать, все спали. Забежав на крыльцо, Иттон забарабанил по двери лапами. Прошло несколько минут, в полукруглом окошке-фонаре мелькнул огонек. В щель выглянула молоденькая девушка в наброшенной поверх длинной белой рубашки вязаной шали. Увидев волка, взвизгнула и захлопнула дверь.

— Прекрасно! — буркнул Иттон и начал молотить снова.

— Что тут такое? — женский голос звучал сердито.

Замок щелкнул, дверь распахнулась.

Лэрга — я не сомневалась, что это она, — визжать не стала. Стояла на пороге и внимательно рассматривала нашу гоп-компанию. На ней тоже была длинная белая

рубашка, только вместо шали что-то вроде широкой накидки. В темных волосах, заплетенных в косу, ни сединок, да и вообще, не знай я, что Лэрге вот-вот должно исполниться пятьдесят пять, подумала бы, что ей не больше тридцати.

— Прекрасно, — усмехнулась она. — К нам пожаловал волкодлак. Да еще и не один, а с котом и жабой. Подозреваю, это не просто кот и жаба. Иресса!

Я подумала, что Лэрга зовет служанку, но из глубины дома в холл вышла рыжая лисица.

Надо сказать, лиса как таковая стала одним из самых обидных разочарований моего детства. Даже то, что Деда мороза не существует, огорчило не так сильно. Пока папа не отвел меня в зоопарк, я не сомневалась, что лисы большие. Как волки, только рыжие. Но лиса Иресса оказалась лишь немногим меньше Иттона. Хотя, если подумать, я и сама была значительно крупнее наших обычных жаб.

— Приветствую, — услышала я обращенные к ней мысли оборотня. — Я Иттон, волкодлак. А это Мария и Арт, фамильяры Элии Беригар, Верховной ведьмы и придворной дамы королевы. Им нужна помощь твоей хозяйки.

Лиса повернулась к Лэрге.

— Проходите, — кивнула та, выслушав ее мысли, недоступные для нас.

Пройдя по коридору за служанкой, которая несла подсвечник с тремя зажженными свечами, мы оказались в большой гостиной. Лэрга села в кресло, Иресса устроилась у ее ног. Мы троим — на ковре.

— Не думаю, что вы стали бы беспокоить меня по пустякам. Поэтому рассказывайте.

Поскольку Иттон уже был в курсе всего, нам не пришлось терять время. Он сразу же обрисовал ситуацию лисе, а та передала все Лэрге. К счастью, мы с Артом понимали человеческую речь, и поэтому обратной цепочки не требовалось.

— Вот оно что, — задумчиво протянула Лэрга, поглаживая Ирессу. — Не зря я никогда не любила Элию. Эта магия мне знакома. Жаба-фамильяр, эфирное тело, приукрашенное флером, и чувства к нему, которые переносятся на ведьму. Выходит, Элия дважды нарушила правило, по которому души, находящиеся между небом и землей, неприкосновенны. Это ей может дорого стоить. Но ни вам, ни Арнису не поможет. Поэтому пока притворюсь, что ничего не знаю. Сейчас трудно сказать что-то определенное. Да, силой я намного превосхожу Элию, но через два месяца все закончится. Так что надо поторопиться. Я подумаю, полистаю книги. Возможно, придется обратиться к высшим силам. Скажи только одно, Мария. Это важно. Он тебе нравится? Арнис? Или ты соблазняешь его вынужденно? Потому что твоя жизнь в руках Элии?

Мне показалось, вся эта мохнатая свора: Арт, Иттон и Иресса — ухмыляется в усы.

Ну и черт с вами!

— Да, — сказала Иттону. — Нравится. Можешь так и передать через лису

Иресса положила морду Лэрге на колени и посмотрела ей в глаза.

— В таком случае, Мария, тебе придется потерпеть, — ведьма кивнула и погладила лису по голове. — Элия ни о чем не должна догадываться. Встречайся с Арнисом и тяни время. Только учти вот что. Глядя на нее, разговаривая с ней, он видит тебя. Это как наваждение. Или сон. Он в этот момент не понимает, что тебя не может быть во дворце. И потом ничего не помнит. Но Элия упустила одну вещь. Или умышленно тебе не сказала. Все это будет продолжаться только до тех пор, пока вы с ним не стали близки. Думаю, ты понимаешь, о чем я?

Особой стеснительностью я никогда не страдала, но обсуждать с посторонним человеком свою интимную жизнь? Ладно еще будь мы с Лэргой тет-а-тет. Это как принести на прием венерологу свою неприличную болячку — хотя такого со мной, к счастью, не случилось. Но деваться было некуда. Теперь мы вроде как одна команда. И — если понадобится — мне придется делиться подробностями.

А пока, чтобы не разводить энтропию, я согласно кивнула и как могла кивнула головой.

— Так что держи себя в руках, девочка. Многое зависит от тебя. Как только ты получишь его целиком, сразу же его получит и Элия. Причем навсегда. Ты будешь уже не нужна. Ни ему, ни ей. И за твою жизнь я тогда не дам ни сорны.

Видимо, это означало самую мелкую монету. Ломаный грош.

— Да мы виделись-то всего два раза, — буркнула я. — Если не считать той ночи, когда Элия везла меня домой. Жабу. Арнис тогда ехал от вас. Какая эээ... близость?

Я могла поклясться, что Арт насмешливо фыркнул. Такую же усмешку Иттон передал по цепочке Ирессе. Лэрга тоже улыбнулась:

— Иногда хватает и часа, чтобы понять: именно этот человек тебе нужен. Или в вашем мире долго ухаживают, прежде чем решиться на что-то более серьезное?

— По-разному бывает. Элия сказала, что как только все станет... горячо, она обойдется без меня. Не упоминая, что я должна с ним переспать.

— Разумеется, не упоминая, — пожала плечами Лэрга, когда до нее добралась по цепочке моя реплика. — Хотя... она всегда была нерадивой ученицей. Я бы не удивилась, окажись, что она сама не знает толком, как все должно быть. Для Верховной ведьмы Элия на редкость глупа и плохо образованна. Но что делать, нужна была замена Фиале, а другой подходящей не нашлось. К сожалению, так уж повелось: смотреть не на ум и знания, а на возраст, происхождение и наличие Верховной ведьмы в роду. Боюсь, у нас будут большие трудности, когда я уйду на покой. Рианна думает только о своем благополучии, на все остальное ей наплевать. Есть одна девушка, которая может заменить меня. Не слишком блестящая ведьма, но старательная и не особенно нахальная. А вот кто заменит Элию, если я расскажу общему собранию о ее злоупотреблениях? Возможно, нам придется менять правила, чтобы Энигерна не осталась без триады. И хорошо, если это будут правила отбора Верховной, а не использования душ, попавших в хранилище.

— А какие еще души оказываются в хранилище? — я не удержалась от вопроса, потому что Арт толком ничего об этом не знал. — Кроме проклятых и тех, которые между небом и землей?

— Самоубийцы, например. Как Иресса, — Лэрга снова погладила лису. — Она была моей близкой подругой. Я виновата — не смогла утешить и остановить, когда ее бросил любимый человек. Люди не задумываются о своей посмертной участи, им кажется, что хуже быть уже не может. Но ты-то знаешь, что такое хранилище неприкаянных душ, Мария. Лучше быть лисой, чем оставаться в темноте до скончания времен. Правда, Ресс?

Лиса со вздохом зажмурилась.

— Согласна, — подтвердила я. — Лучше даже жабой у Элии, чем там.

— Не отчаивайся, Мария, мы что-нибудь придумаем. А если я смогу прижать к стене Кайвина и он согласится свидетельствовать на собрании против Элии, возможно, удастся заставить ее отпустить вас с Артом на свободу. Ты вернешься в свой мир — но больше никогда не увидишь Арниса.

Не успела я переварить ее слова, как Лэрга добавила:

— Кстати, в хранилище попадают еще души ведьм, колдунов, магов. И они так же неприкосновенны, как и души тех, кто между небом и землей.

— Подождите, — изумилась я. — Вы знаете — и все равно идете на это?! Неужели власть стоит вечности наедине со своими мыслями?

— Нет, дорогая, — грустно улыбнулась Лэрга. — Не стоит. Но мы узнаем об этом лишь тогда, когда становимся ведьмами. Вам пора. Как только я что-нибудь выясню, дам знать. Помни о том, что я тебе сказала. Что нельзя давать волю чувствам.

— Забудешь тут! — пробормотала я.

Небо на востоке уже начало светлеть, когда Иттон привез нас с Артом к городской стене.

— Успели, — с облегчением вздохнул он. — Подожду здесь, пока солнце встанет, не хочу пугать коня. День должен быть ясный, так что, Мария, мы с тобой наверняка сегодня увидимся в хижине. Очень надеюсь, что Лэрга вам поможет. А я буду рад уже только тому, что Элия получит по заслугам.

Мы попрощались, и Арт снова перебрался через стену, цепляясь за неровности каменной кладки, как опытный скалолаз. К счастью, улицы были еще безлюдны, и никто не поинтересовался, что там кот тащит на спине. Он так же ловко вскарабкался на ограду, прошел, балансируя, по верху и по дереву пробрался в комнату.

— Сумку спрячь, — я растянулась у камина, морщась от боли во всем теле. — Может, пригодится еще.

— Так себе работа быть твоим конем, — проворчал Арт, закапывая ее в подушки дивана. — Но чего не сделаешь для друга.

— Спасибо, — смутилась я, но тут же поняла, что он имел в виду Арниса, и смутилась еще больше.

— Для друзей, — поправился Арт, сообразив, почему я прикрыла морду лапами.

— Как поживают мои дорогие? — ворвалось сквозь сон, словно металлом по стеклу.

Я пожелала Элии всего самого... недоброго, но, похоже, не сумела верно направить поток мыслей, потому что она расхохоталась и схватила меня на руки.

— Я тоже бываю злая, когда меня будят, Мария. Уже давно утро, солнце светит во всю. И нам с тобой надо управиться до конца лета, — шепнула она мне на ухо. — Пока Арнис ездит на свои дурацкие прогулки. Просыпайся, завтрак разбежится.

Я понятия не имела, сколько здесь осталось до конца лета, но, похоже, течение времени примерно соответствовало нашему. А значит, у нас в распоряжении были все те же два месяца. Как и до отставки Лэрги с поста Верховной ведьмы.

Арт с чавканьем наворачивал сырое мясо, а я лениво подбирала языком червячков, выползающих из миски. Аппетита не было. Засыпала я пусть во встрепанном состоянии, но все же самым ярким мазком оказалось то, что Лэрга постарается нам помочь. Мы смогли! Добрались до нее, обо всем рассказали и заручились ее поддержкой. А вот сейчас настроение было ужасным.

Ну да, возможно, нам с Артом удастся вернуть себе человеческий облик. И избавить Арниса от Элии. Но... он все равно не будет моим. Никогда. И при этом я должна изображать динамо-машину, чтобы эта зараза ни о чем не догадалась.

Вот уж точно, жизнь — боль.

Арт тоже был не в самом веселом расположении. А уж он-то чего дуется? Появилась надежда снова стать человеком, и все равно недоволен. Или задумался о своей Ярике? Впрочем, ждать без возможности что-то сделать — всегда засада.

— А у Лэрги есть дети? — спросила я его, чтобы хоть о чем-то поговорить.

— Сын. Ровесник Арниса. Ее муж умер в прошлом году, и Олин занял пост дворцового смотрителя. Кстати, Элия обхаживала и его. С тем же результатом.

— Надо думать, он тоже получил от матери защиту от магии, — хмыкнула я.

Наконец Элия пришла за мной, и повторилось все, что было накануне. Дорога в сумке до лесной хижины, перемещение в эфирное тело, одевание в зеленое платье. Интересно, сколько раз я должна была его надеть, чтобы оно стало достаточно грязным для чистки? Хорошо хоть моя кисельная оболочка по умолчанию не требовала душа.

Иттон, подсаживая меня в седло, традиционно погладил по ноге.

— Не унывай, Мария, — подумал он. — Все будет хорошо.

У меня немного потеплело на душе. Все-таки могло быть и гораздо хуже. А так есть те, кто меня поддерживают. Пусть даже имея в виду какие-то свои цели. И пусть мы дружим против общего врага. Что ж, у дружбы могут быть самые причудливые причины.

На этот раз ждать пришлось мне, и я всерьез разволновалась. Даже не столько из-за того, что Арнис мог не приехать, сколько из-за того, что приехал бы, а времени осталось слишком мало. Мне пришлось бы едва ли не сразу удирать, чтобы не исчезнуть у него на глазах.

Я отпустила Ветра пастись на поляне, а сама ходила взад-вперед по тропе вдоль берега, посматривая в сторону города. Наконец вдаль показалось серое пятно, и я с облегчением вздохнула. Часа полтора у нас точно оставалось.

Подъехав ближе, Арнис спрыгнул с коня и поспешил ко мне. Взял за обе руки, поцеловал по очереди запястья там, где заканчивались нижние рукава.

— Прости, Мария, я опоздал. Задержали дела во дворце. Боялся, что ты не дождешься.

— Ничего, Арнис, я понимаю. Просто сегодня у нас будет меньше времени. Я не смогу

остаться здесь дольше.

— Как бы мне хотелось узнать все твои тайны, — он, не отрываясь, смотрел мне в глаза.

— Не надо, — я отвела взгляд. — Не все тайны стоит раскрывать.

Оставив коней пастись, мы медленно прогуливались вдоль берега, держась за руки.

— Неужели никому не интересно, куда ты едешь каждый день? — спросила я.

— Может, и интересно, но вряд ли кто-то осмелится следить за мной, — беззаботно отмахнулся Арнис.

— Даже если прикажет твой отец? А вдруг ты встречаешься с какой-нибудь... неподходящей женщиной?

— С неподходящей? Я принц и могу встречаться с кем угодно. Жениться — другое дело. Может, ты знаешь, у меня была невеста, но она пропала. Не скажу, что это сильно огорчило. Потом я был влюблен в одну придворную даму, хотя и не настолько, чтобы сделать ее своей женой. Сейчас она замужем.

— И больше никого не любил?

— Любил? Нет. Нравились многие, но не более.

Выходит, Арт угадал. Или знал, что Арнис не так уж сильно был влюблен в свою Ниору? Нет, ведь он уже стал тогда фамильяром Элии.

— Знаешь, Мария... — Арнис подобрал плоский камешек и запустил его по воде. Я насчитала десять блинчиков. — Моей кормилицей была Лэрга, Верховная ведьма, и поэтому я неуязвим для любой темной магии. И любовной в том числе. Если б я не знал этого, подумал бы, что ты меня приворожила.

Будь мое тело нормальным, оно наверняка бы вздрогнуло.

— Почему? — я понадеялась, что это не прозвучало слишком фальшиво.

— Потому что я все время о тебе думаю. Иногда даже кажется, что вижу тебя и разговариваю с тобой там, где тебя точно не может быть. Во дворце. Как будто это сон наяву. Мы сейчас встретились всего третий раз, но такое чувство, что знаю тебя давным-давно.

Он наклонился и поцеловал меня. И вот теперь я могла только порадоваться, что вся буря в мыслях, а тело никак не реагирует. Иначе выполнить наставления Лэрги было бы очень трудно.

Каким-то чудом все-таки удалось вернуться вовремя. Я даже не знаю, кого было тяжелее убедить, что мне уже пора: Арниса или себя. Только страх того, что могу растаять в воздухе прямо в его объятьях, заставил все-таки попрощаться.

— До завтра, Мария...

Подсаживая меня в седло, он задержал руку на моей ноге. Совсем не так, как Иттон. Нет, по физическим ощущениям — точно так же. Просто прикосновение. А вот что при этом творилось у меня в мыслях...

Я понадеялась, что на следующий день пойдет дождь. Отчаянно желая, чтобы этого не случилось. Хотелось быть в голос. Что я и сделала, как только отъехала от берега подальше. Ну раз уж плакать не могла.

Вот и хижина. Так, теперь срочно сконструировать счастливую рожу. Пусть кое-кто побесится.

— А ты и правда красотка, Мари!

Я ошарашенно огляделась по сторонам. Иттон? Нет, его поблизости не было. Да и оттенок мыслей совсем другой. Арт!

— Где ты?

Из-под крыльца черной змеей высунулся, помахал мне и тут же исчез хвост.

— Откуда ты здесь взялся?

— Оттуда же, откуда и ты. Из дома Элии.

— Но как?

Элия уже вышла на крыльцо, обшаривая меня взглядом дракона.

— Арт, она здесь!

— Да, слышу топот. Вы с ней ехали по дороге, а я знаю короткий путь через лес. У меня все-таки свобода передвижений. Благодаря туалетной политике. Просто хотелось посмотреть, какая ты, когда не жаба. Увидимся дома.

Меня совершенно натурально разулыбало до ушей. Нет, ну правда, приятно, если мужчина — пусть он даже и кот! — продельывает такой путь пешком только для того, чтобы взглянуть на тебя. Без какой-либо практической надобности.

Элию моя улыбка выбесила до основания, потому что она поняла ее совершенно превратно. Кто о чем, а вшивый о бане.

— Что-то ты слишком радостная, Мария, — прошипела она.

— Почему бы и нет?

— И правда. Чем лучше тебе, тем лучше будет мне, — в отличие от моей, ее улыбка была одновременно ледяной, ядовитой и колючей, как чертополох.

Сука!

Что я могла еще сказать — точнее, подумать? Все правильно, она отыграется вечером во дворце. И, разумеется, прибежит похвастаться своими успехами.

В этот момент меня начало знакомо размазывать по времени и пространству. Мгновенное затемнение — и вот я уже снова жаба.

— Поехали домой, — Элия завернула меня в платок и вынесла из хижины. — Сегодня я собираюсь надеть во дворец новое платье. Надо проверить, все ли в порядке.

— Арт, ты еще здесь? — спросила я, когда она садилась на коня, но ответа не получила.

Чем ближе мы были к дому, тем сильнее портилось настроение. Смешная выходка Арта оказалась лишь тонким лучиком солнца, которое тут же закрыли черные тучи. И дело было не только в том, что Арнис не будет моим. Какой-то еще неприятный нюанс царапался из подсознания, но никак не мог выбраться на свет божий.

— Интересно, где это твой дружок шляется? — хмыкнула Элия, вытряхнув меня из платка на пол перед камином. — Отдыхай, Мария. Вечером забегу вас проведать.

Оказывается, жабы могут не только квакать, но и пищать, как резиновые игрушки. Вполне сошло за плач, хоть и без слез. В прежней жизни я вовсе не была плаксой, даже в самых пиковых ситуациях чаще ругалась, чем рыдала. А вот сейчас хотела — и не могла. Ни эфирной барышней, ни жабой.

Я скулила так, зажмурившись, пока не почувствовала мягкое прикосновение. Открыла один глаз, развернула его на сто восемьдесят градусов и увидела, как Арт осторожно гладит меня лапой по спине.

— Не плачь, Мари! Все проходит — и это пройдет. Вот увидишь.

Он улегся рядом. Я уткнулась мордой в его мягкий теплый бок, и Арт обнял меня поперек спины. Слушая мерное убаюкивающее мурчание, я начала потихоньку успокаиваться.

— Ты правда побежал туда, в лес, чтобы посмотреть на меня? — спросила я, всхлипнув-квакнув в последний раз.

— Правда. Ты как-то смутно себя описала, захотелось увидеть своими глазами. И ты действительно очень красивая. Не зря Арнис...

Вот оно! То, что настырно царапалось из подвалов.

— Нет, Арт, — печально вздохнула я. — Не очень. На самом деле. Это все флер. Не знаю, что это, какая-то магическая штука. Я спросила Элию, что было бы, если бы в хранилище для фамильяра нашлась только какая-нибудь старая страшная душа. И она сказала, что флер даже старуху на время превратил бы в прекрасную юную девушку. Я же видела себя в зеркале, когда первый раз оказалась в эфирном теле. Да, это была я, но... совсем не такая, как в обычной жизни. Намного красивее. И формально никаких приворотов, зелий, заклинаний. Арнис увидел очень красивую девушку и влюбился. Без всякой магии. Но ведь это же не я, Арт! Не совсем я. Не такая!

— Ты знаешь, Мари... — он лизнул меня шершавым языком куда-то, где подразумевалось ухо. — Так ведь часто с людьми бывает. Смотришь на человека — и, вроде, ничего особенного. А потом откуда-то берется такая красота, что дух захватывает. Как будто его этим самым флером накрыло. Как будто вдруг душу его видишь, и она намного красивее, чем лицо. Не у всех, конечно. Кстати, — он ухмыльнулся, — я ведь тоже не был красавчиком. Не уродом, но и ничего особенного. А женщины от меня всегда были без ума. Не сочти за хвастовство.

— Только за хвастовство, — я дотянулась и дернула его за хвост. — Не удивляюсь. Если мужчиной ты был таким же, какой ты кот.

Я пригrelась рядом с Артом, то и дело проваливаясь в зыбкую дремоту, а он смотрел на огонь в камине и о чем-то думал. Я могла понимать его мысли, даже если они не были адресованы мне, но не стала вслушиваться — к чему? Мы и так были слишком друг у друга на виду.

— Знаешь, Арт, сегодня мне захотелось все ему рассказать. Арнису. Меня это очень сильно мучает. Что я помогаю Элии. Хотя и вынужденно. Но все равно — как будто с ней заодно. Обманываю его.

— Не вздумай, Мари! — резко повернувшись, он щекотнул меня усами. — Выбрось это из головы! Ты все испортишь. То есть он все испортит. Я его хорошо знаю, он притворяться не станет. Даже если захочет — не сможет.

— Арт, я не притворяюсь!

— Да я не о том, — он сердито дернул хвостом. — В твоих скоропостижных чувствах я несколько не сомневаюсь. К сожалению.

— Почему к сожалению?

— Ты и сама это прекрасно знаешь. Потому что все равно его не получишь. Твое счастье, если Лэрга заставит Элли отпустить нас. Вернешься домой, в свое тело. И забудешь этот мир, как страшный сон.

— Ну, тебя-то точно не забуду, — я погладила его лапой по голове.

— Благодарю, — усмехнулся Арт. — И я тебя тоже. Только до этого надо еще дожить. И не делать глупостей.

Я накаркала — то есть наквкала. На следующий день зарядили дожди, причем надолго. О встречах с Арнисом не могло быть и речи.

Это оказалось пыткой. Я думала только о нем. Вспоминала наши разговоры, о том, как он обнимал и целовал меня. Пыталась убедить себя, что лучше уж так: страдать на расстоянии, чем рядом с ним сознать всю безнадежность ситуации.

Однако при всем при этом меня зацепило кое-что из слов Арта. О моих, как он сказал, скоропостижных чувствах. Что Арнис влюбился чуть ли не с первого взгляда, еще можно было понять. Романтическая обстановка, загадочная красавица, свалившаяся с лошади. И магии никакой не надо. Но я-то? За мной подобных безумств никогда не водилось. Я наоборот всегда сначала внимательно присматривалась, а не бросалась в чувства, как в омут. Неужели все дело только в моей слабости к такому типу мужчин?

Или... это попытка зализать рану от предательства Вадима? Вот так, из одной безнадеги в другую? Странно, конечно, но у подпороговых чувств своя логика.

Элию дождь тоже выводил из себя. Насколько я поняла из ее обмолвок, без моих с Арнисом свиданий у нее все стояло на месте. Ужины для придворных были чем-то вроде служебной обязанности, а после них вся эта тусовка бездельников убивала время за танцами, играми, болтовней и флиртом. Арнис приглашал ее танцевать, разговаривал, пылко смотрел, целовал руки — и больше ничего. А устроить нам встречу где-то еще было слишком опасным.

Зато о том, что принц внезапно заинтересовался Элией Беригар, не шептались только ленивые. И ее это, разумеется, устраивало. Арт, рискуя попасться ей на глаза, пробрался во дворец и побродил там, прячась по темным углам и прислушиваясь к разговорам. Возвращался он мокрый и злой, долго вылизывался и сушился у камина. А я ждала, когда снизойдет до рассказов.

Каждый день мы надеялись на известия от Лэрги, но ничего не было. Хуже всего, мы даже не представляли, как именно она может передать нам новости. Предполагали, что это будет письмо, которое кто-то из ее слуг принесет Иттону, а тот отдаст Арту. Кстати, на время дождей Элия вернула Иттону домой, и Арт по ночам ходил к нему на конюшню

поболтать. Меня с собой не брал, поскольку карабкаться с грузом по скользким от дождя стенам было тяжело.

Вернувшись на третью ночь под утро, Арт растолкал меня мокрой грязной лапой:

— Мари, просыпайся!

— Что? — я с трудом открыла глаза. — От Лэрги?

— Нет. Но Иттон кое-что вспомнил. Важное. Очень важное. Про эфирное тело.

Сон с меня мгновенно стряхнуло.

— Рассказывай! — потребовала я.

— Мы с ним разговаривали о тебе, о флере, и его вдруг пробило. Что слышал когда-то от кого-то, будто эфирное тело может стать настоящим.

— Как, совсем настоящим? — не поверила я. — Человеческим?

— Да. Совершенно настоящим человеческим телом. Но поскольку у души может быть только одно тело, первое умрет.

— То есть, если я стану человеком здесь, умру в своем мире?

— Да, Мари, — начал сердиться Арт. — Ты что, не проснулась еще?

— А как это сделать?

— А вот как это сделать, Иттон не знает, — он сладко зевнул. — Зато... ты не согласишься! Знаешь, где мы были?

— Ну, не тяни! — я пихнула его в бок. — Где?

— В черной комнате!

— Как?!

— А вот так, — словно испытывая мое терпение, Арт начал вылизывать свое мокрое пузо. — Иттон подсмотрел, как Элли открывала дверь из конюшни. Вы с ней должны были туда спускаться по лестнице прямо из комнаты. В конюшне на стене есть панель, если на нее нажать, дверь откроется. Мы поднялись, но наверху ничего не получалось. Уже хотели уходить, и тут Иттон нащупал нужное место. Правда, времени на книги не осталось. Элли встает затемно, вдруг ее принесло бы. Дожди будут идти еще дня два, не меньше. Так что завтра пойдем сразу после полуночи, когда Элли ляжет спать.

— А он разве уже не превращается в волка? — удивилась я.

— Нет. Только несколько дней до и после полнолуния. И новолуния. Будем надеяться, что удастся найти в книгах что-нибудь полезное. Если не про жабую магию, то, может, хотя бы про эфирные тела.

— Спасибо, Арт! Огромное! — от избытка чувств я не удержалась и чмокнула его в нос.

Впрочем, обрадовались мы рано. На следующую ночь Арт с Иттоном ничего не нашли.

— Мы пролистали всю черную книгу, — рассказывал Арт утром. — То есть Иттон держал меня на руках и листал. А я просматривал. Успели одну, к сожалению. Ничего. Абсолютно ничего, что нам могло бы пригодиться. Заклинания, привороты, зелья — чего там только нет. И все не то. Ни слова о фамильярах или эфирных телах.

— Понятно, — вздохнула я.

— Не огорчайся, Мари, — он погладил меня по спине. — Дождь так и идет. Значит, у нас есть по крайней мере еще одна ночь. Но даже если мы ничего и не найдем, Лэрга наверняка что-то знает.

— Не обязательно. Если б знала, сказала бы нам еще тогда.

— Она могла забыть, — не слишком уверенно возразил Арт.

— Не думаю.

— Мари...

Да, терпения ему было не занимать. Порой я сама себе была противна до тошноты, но он стойчески терпел и утешал меня как мог. Хотя его положение мало чем отличалось от моего, если не сказать хуже.

Вечером Элия не вбежала к нам, как обычно, похожая на ураган, а вошла и остановилась на пороге. Мрачная, недовольная. Подумала, подошла к нам, небрежно погладила Арта по спине и взяла меня в руки.

— Пойдем со мной, Мария.

Как будто можно было не согласиться!

Почему-то я не сразу сообразила, что она несет меня в черную комнату, и только когда мы подошли к лестнице, ведущей в башню, запаниковала. Догадается ли Арт, где мы? Как бы не получилось, что они с Иттоном заявятся туда совсем не вовремя.

— Арнис не пригласил тебя танцевать? — поинтересовалась я ехидно, когда мы вошли в комнату и Элия зажгла свечи. — Поэтому ты такая злая?

Она не ответила, но ее ледяной взгляд, похожий на опасную бритву, лучше любых слов подтвердил: что-то пошло не так. И тут я даже не знала, радоваться или нет.

— Кажется, связь между нами и Арнисом слабеет, Мария, — она посадила меня на стол, в середину пятиугольника из свечей. — Может быть, дело в том, что ты несколько дней не виделась с ним. А может, нарушилось что-то между мной и тобой.

Неужели Лэрга смогла ей помешать? Но почему тогда не передала ничего нам?

Внутри пентаграммы Элия обозначила треугольник, в центре которого оказалась я. Его вершинами стали свернутый шелковый платок, хорошо мне знакомый, лента от ее платья и серебристая тесьма — видимо, от одежды Арниса. Пламя словно перебегало от одной свечи к другой, и они наполнили комнату дымком с горьким травянистым запахом, напоминающим полынь.

Элия медленно раздевалась, и ей не понадобилась для этого служанка: крючки на платье расстегивались, а шнурки развязывались сами собой. Через несколько минут она стояла перед зеркалом полностью обнаженная, подобрав волосы. Со стола я не могла видеть ее отражение, но мне показалось, что зеркальная гладь наливается светом — как в тот день, когда я впервые очутилась в эфирном теле. Ее тихое ритмичное пение завораживало, словно гипнотизировало. Все вокруг начало расплываться.

— Ну здравствуй... еще раз, — ее голос звучал внутри меня. Нет, это был не голос. Ее мысли словно раздвигали мои, переплетались с ними.

Так вот что имел в виду Арт, говоря, будто Элия может влезть в шкуру фамильяра. Наверно, это было нужно не только для того, чтобы видеть моими глазами, но и для укрепления связи между нами.

— Котом я была, Мария, а жабой еще нет, — мысли звучали вкрадчиво-мягко, бархатно, как ее голос. Как лапа с втянутыми когтями, которые в любой момент могут высунуться, острые, похожие на изогнутые сабли. — Очень интересно...

— Мари?

Проклятье! Этого я и боялась. Но хорошо, что не стали ломиться в дверь. Решили проверить, а вдруг действительно Элия унесла меня в черную комнату. Хотя куда же еще? В свою спальню? Или на прогулку? Видимо, Иттон открыл внизу дверь, и Арт поднялся сюда и позвал меня.

— Нет!!!

— Понял...

— Что нет? — удивилась Элия.

— Ничего интересного, — вывернулась я. — В том, чтобы быть жабой.

— Согласна. Не слишком большое удовольствие. Но дождь закончился. Завтра у тебя снова появится возможность стать человеком. Ну почти человеком. Уж постарайся, Мария, когда встретишься с Арнисом. Что ты как стеснительная девственница?

— Чего ты от меня хочешь? — огрызнулась я. — Сама ведь сказала, что мне не понадобится с ним спать.

Она не ответила, и я почувствовала, что снова одна в жабьем теле. А ее, замершее перед зеркалом, ожило, потянулось, распустило волосы. Подойдя к креслу, где лежала одежда, Элия натянула платье прямо на голое тело. И снова крючки застегнулись сами собой.

— Сегодня тебе придется спать здесь, — она отнесла меня к камину и положила на пол. — А мне надо кое-что почитать. Подремлю днем, в лесу, пока буду ждать.

Черт, чтоб тебя разорвало!

Я-то надеялась, что Элия принесет меня в нашу с Артом комнату и пойдет к себе. И тогда Арт с Иттоном еще успеют полистать красную книгу. Но с этим расчетом можно было попрощаться. Я дремала вполглаза, время от времени поглядывая, как Элия у пюпитра перелистывает страницы — именно красной книги.

Эх, чего бы вам, ребята, было не начать с нее? А теперь когда еще получится сюда снова забраться? Когда опять пойдет дождь? Или, может, Иттон все-таки проберется в дом ночью?

Вскоре меня сморило. И, уже засыпая, я вдруг подумала, что Элия лишь притворяется дурочкой. А на самом деле сознательно меня провоцирует, чтобы я — назло ей! — действительно соблазнила Арниса.

Вот только ты не учла две вещи, Элия. Во-первых, я знаю, что будет после этого. А во-вторых, мое тупое бесчувственное тело работает против тебя. Заниматься сексом с мужчиной, которого хочешь, но зная, что ничего при этом не почувствуешь? Спасибо! Лучше представить, как все это могло бы быть при совсем других обстоятельствах.

Проснувшись я от ощущения, словно перемещаюсь в пространстве. Положив меня на красную книгу, как на поднос, Элия шла по коридору и что-то напевала себе под нос.

Твою мать, зараза, куда ты тащишь книгу?!

— А тебе-то что до книги? — хмыкнула она, и я поняла, что опять спросонья попала мыслями... впросак.

— Куда ты меня тащишь на книге? — неуклюже поправилась я.

— В вашу комнату, куда ж еще? А книгу надо вернуть в хранилище, она не моя.

— Иначе возьмут штраф? За то, что не вернула вовремя? — если б я была ядовитой жабой, то яд от злости и разочарования сочился бы сейчас через кожу и капал на пол.

— Штраф? — удивилась она. — Деньги? Нет. Но эта книга всего одна, и она может понадобиться другим Верховным. Поэтому ее нельзя держать у себя долго.

А вдруг Лэрга как раз и ждала, пока Элия не вернет книгу? Глупо-то как!

— А почему не сделать копию? Или две? Чтобы у каждой было по своей книге?

— Ты не понимаешь, Мария, — поморщилась она. — Черная книга у каждой ведьмы своя. А красная особенная, ее нельзя скопировать.

— Да уж, — ехидно заметила я. — Мне этого не понять. У нас можно скопировать все. Даже то, что на сто процентов защищено от копирования.

Да что же это за непруха такая? Как назло все! Но... с другой стороны, если в книге действительно есть то, что нужно нам, Лэрга узнает об этом. И наверняка сумеет этими знаниями распорядиться лучше, чем мы. Так что пусть Элия бежит в библиотеку, то есть в хранилище, и побыстрее.

Когда Элия стряхнула меня с книги на пол перед камином, Арт увеличился в размерах раза в полтора: вся шерсть от злости у него встала дыбом.

— Спокойно! — попросила я. — Сейчас она уйдет, все расскажу.

— Днем приду за тобой, Мария, — пообещала она и исчезла. Вместе с книгой.

— Если б это не было плохо для нас, пробрался бы к ней ночью и перегрыз глотку, — злобно прошипел Арт.

— Остынь, — я подобралась поближе и провела лапой по его боку, приглаживая шерсть. — Это книга Верховных ведьм. Одна на троих. Я так поняла, они забирают ее из какого-то хранилища попользоваться, а потом относят обратно. Все это время книга была у Элии, значит...

— Значит, Лэрга ждала, когда Элли ее вернет. Будем надеяться, что это так. А что она делала с тобой ночью?

— Влезла в мою шкуру, — меня передернуло. — Сказала, что связь между нами ослабла. Видимо, Арнис во дворце уделял ей мало внимания. Причем влезла именно в тот момент, когда ты позвал меня с лестницы. И услышала, что я тебе ответила.

— И что? — снова ошетинился Арт.

— Ничего. Я вывернулась. Но было опасно. Хорошо, что вы не стали открывать дверь.

— Иттон хотел, но я его остановил. Решил проверить, а вдруг вы там.

Мне не сиделось на месте, и я таскалась по комнате из угла в угол.

— Не мельтеши, Мари! — раздраженно попросил Арт. — В глазах рябит.

«Не мельтеши» — это, конечно, было сильно сказано, учитывая, что я передвигалась, как вполне уважающая себя жаба. Это лягушки прыгают, а мы, жабы, степенно ползаем.

— Не могу!

— Так зудит? Перед свиданием? Соскучилась?

— Сходил бы ты лучше к своей Ярике, — огрызнулась я. — Она тебе колбасы даст, за ушком почешет.

— Ярика... — Арт печально усмехнулся. — Пора выкинуть Ярику из головы. Пока ее Мартенс где-то умирят очередных бунтовщиков, она завела любовника. Слугу своего мужа. Ну что ж, трудно ее в этом упрекнуть.

— Она ведь не знает ничего. О тебе, — заступилась я за нее. — И потом, замужем за старым пьяницей оказалась по твоей милости.

— Да я все понимаю, Мари. И чувствую себя виноватым. Но прошло уже два года. Даже если вдруг Лэрга вернет нас в наши тела, кем я могу стать? Еще одним ее любовником?

— Но ведь ты сам говоришь, что Мартенс старый, — я подползла поближе и погладила хвост, которым Арт нервно дергал.

— И что? — хвост хлестнул меня по морде. — Ждать, когда она станет вдовой? Ты еще скажи, помочь ей стать вдовой. Нет, Мари. Все это уже в прошлом. Хотя и очень жаль.

Наконец Элия пришла за мной, и мы отправились в лес. Но не успели еще выехать из города, как остановились. Судя по цоканью копыт, кто-то ехал навстречу.

— Приветствую, Элия! — с удивлением я узнала голос Лэрги.

— Приветствую, — без особой радости отозвалась та.

— Наконец-то ты вернула книгу в хранилище. Хотя я просила тебя сделать это еще несколько дней назад. Это недопустимо.

— Прости, — без тени сожаления отозвалась Элия. — Но она была мне нужна. Неужели ты за тридцать лет не выучила ее наизусть?

— Ты же знаешь, красную книгу нельзя выучить. Ее нельзя даже прочитать полностью. Она дает ответы только на те вопросы, которые ты задаешь.

Лэрга говорила громко и отчетливо, и я поняла: она делает это для того, чтобы расслышала я. Потому что прекрасно знает, куда Элия отправляется в это время. И что — точнее, кто — у нее в седельной сумке.

Разумеется, я поняла ее.

Прости, Мария, у меня не было возможности что-то сделать, пока эта дрянь не вернула магическую книгу. Но теперь я постараюсь вам помочь.

— До меня дошли слухи, Элия, что ты имеешь виды на принца.

— А ты имеешь что-то против?

— Ты сомневаешься? Я выкормила его грудью, и он мне как сын. А еще я слышала, что ты завела жабу-фамильяра. Рассчитываешь добраться до него таким образом?

— А ты думала, твое прокисшее молоко из отвисших сисек защитит его от всего?

Да, Элия, «слабоумие и отвага» — это надо бы написать на твоем гербе. В качестве мотто. А я-то уж подумала, что действительно недооценила тебя.

— Ты не слишком много на себя берешь, девочка? — Лэрга чуть повысила голос.

— Я? — Элия презрительно расхохоталась. — Нет,нисколько. А вот твое время, Лэрга, истекло. Пора освобождать место кому-то помоложе. Прощай, дорогая.

Бульжные мостовые под лошадиными копытами сменились раскисшей после дождей землей — мы выехали из города. Элия злобно бормотала себе под нос. Видимо, ругала Лэргу.

— Глупо, — сказала я из сумки. — Но тебе виднее, конечно.

— Не твое дело! — отрезала она.

— Ты так думаешь? Ладно, не буду спорить. Только если потом не получится, не вини в этом меня.

— Она ничего не сможет, — с ноткой сомнения, словно убеждая в этом себя, возразила Элия. — Просто она меня ненавидит. Рассчитывала, что Верховной вместо Фиалы станет ее племянница, а выбрали меня. Ну, и из-за Арниса, конечно.

Интересно, а как ты этого добилась? Чтобы тебя выбрали? Шантажом, подкупом? Я бы не удивилась.

Наконец мы добрались до хижины. Элия вытащила меня из сумки, Иттон подхватил вороного под уздцы и повел к коновязи, откуда донеслось знакомое кокетливое ржание Дэты. Уже хорошо, потому что гнедой, похоже, возненавидел меня с первого взгляда, и я опасалась, что скинет по-настоящему. Конечно, это вряд ли повредило бы эфирному телу, но все равно приятного мало.

Пока я еще не переместилась в бесчувственную оболочку, от волнения здорово потряхивало. Все эти дни я страшно скучала по Арнису и хотела его поскорее увидеть, но вместе с тем было не по себе.

Смогу ли я удерживать его — и себя! — на безопасной дистанции? Вообще на хоть какой-то дистанции? Оставалось только надеяться, что здравый смысл и нежелание тела, скооперировавшись, возьмут верх над желаниями сознания.

— А почему это платье тебя не слушается? — ехидно поинтересовалась я, когда Элия застегивала на мне крючки.

— Слушается только то, которое на мне, — буркнула она, резко затягивая шнуровку. — Слишком ты любопытная, Мария. Можно подумать, я у тебя на службе, а не ты у меня.

— Моего согласия никто не спрашивал. Ты вообще нарушила все правила, когда забрала мою душу из хранилища.

Твою мать, кажется, это слабоумие заразно. Какого черта меня-то за язык тянет? Да, я в безопасности, пока ей нужна, но если вдруг наши надежды на Лэргу не оправдаются, Элия припомнит мне все. Причем при любом развитии событий.

Как ни странно, она промолчала. Лишь подтолкнула меня к двери, не слишком нежно. И только когда я уже вышла на крыльцо, сказала в спину:

— Будь добра, постарайся, Мария. Надо поторопиться, пока эта старая стерва действительно чего-нибудь не придумала. Книга теперь у нее, кто знает, какие вопросы она может задать и какие ответы получить. Я что-то не очень хорошо себя чувствую. Прилягу, пока тебя не будет.

Счастье, что она не видела моего лица. Мимика эфирной бабы все же подчинялась моим эмоциям. Злорадство смешалось с радостью: я могла спокойно поговорить с Иттоном.

Традиционное прикосновение к щиколотке — как приветствие, улыбка заговорщика. Я мысленно рассказала ему о том, что произошло ночью, о книге и о встрече с Лэргой.

— Будем ждать новостей, — кивнул Иттон. — Держись, Мария. Ты не слишком легко одета?

После дождей действительно сильно похолодало. И хотя на небе не было ни облачка, ледяной ветер гнул деревья. Моя оболочка не испытывала холода, а вот жабой в сумке я

действительно замерзла. Какая-нибудь накидка не помешала бы, пусть даже для вида, но возвращаться и просить у Элии не хотелось.

— Ничего, переживу, — я пришпорила Дэту и направилась к озеру.

Арнис расхаживал по берегу, кутаясь в черный плащ. Увидел меня, бросился навстречу, снял с седла и крепко обнял.

— Наконец-то, Мария. Я боялся, что с ума сойду. Думал, этот дождь будет идти вечно. Но ты совсем замерзла.

Он прижал меня к себе, закутав в полы плаща, и я поняла, что поцелуями дело не ограничится. Хотя мое тело и не могло отозваться, но желание Арниса прекрасно чувствовалось. Тонкая ткань платья нисколько не мешала.

И что мне, спрашивается, делать?

Я никогда еще не была в такой ситуации. Подобный тесный контакт с моей стороны означал всегда одно: секс будет. Может, не немедленно, но при первой же возможности. А если этого не хотела, то и лапать себя вот так не позволяла. Динамить я попросту не умела. Но сейчас должна была научиться.

Арнис шептал что-то пылкое и страстное, поцелуи его становились все более жадными и настойчивыми, губы опускались по шее к вырезу платья. Руки все крепче сжимали талию, потом перебрались на бедра. Очень хотелось ответить, но я знала, что не должна. Резиновая кукла ни на что не реагировала, поэтому приходилось притворяться, изображая живой отклик. Ну хотя бы дышать возбужденно, что ли.

Черт, прямо классическая революционная ситуация: верхи не могут, низы не хотят.

— Мария... — прошептал Арнис и потащил вверх юбку, чтобы пробраться рукой под подол.

Так, уже пора это как-то прекращать? Или можно еще потянуть? Где точка невозврата?

Его рука скользнула вверх по ноге, до узкой полоски обнаженной кожи между чулком и эзо.

— Арнис, прости, я... не могу.

— Лунные дни? — деловито уточнил он, не торопясь убрать руку. — Или опасные?

Значит, вот как вы тут предохраняетесь от нежелательной беременности? Видимо, у местных дам все работает более четко, чем у нас, иначе бастарды не считались бы чем-то смешным и неприличным. Но по-любому опасный период должен быть подлиннее, чем месячные.

— Опасные, — я притворилась крайне смущенной, думая о том, как буду выкручиваться потом.

Лэрга, миленькая, придумай что-нибудь, пожалуйста, побыстрее. Иначе мне придется изображать принципиальную девственность до свадьбы. Арнис скажет: «Ну и хрен с тобой», и о реакции на это Элии лучше даже не думать.

К своему большому удивлению, я поняла, что к моим востребованным чувствам добавилась изрядная доля раздражения.

Ладно, допустим, от секса мне удалось на какое-то время отвертеться. До чего же абсурдно звучит: отвертеться от близости с мужчиной, в которого влюблена по уши! Но он к тому же ни за что не хотел меня отпускать.

— Мария, мы несколько дней не виделись. Побудь со мной еще. Прошу тебя, — уговаривал он, держа меня за руку.

В прошлый раз я запомнила, куда падала тень от кривого дерева, когда мы попрощались. Времени вернуться в хижину хватило, даже с запасом. Значит, и сегодня нужно было уехать никак не позже.

— Арнис, я не могу остаться. Пожалуйста,пусти. Мне пора.

— Тебе нравится меня мучить? — он сердито сощурился и еще крепче сжал мою руку. — Ты и так свела меня с ума. Все уже шепчутся за спиной, что я спятил.

Ну еще бы! Разумеется, шепчутся. Только вовсе не я тому причиной. Говорят во дворце и во всей столице о том, что принц, наверно, рехнулся, если глаз не сводит с ведьмы Элии.

— Арнис! Если я не вернусь вовремя, больше ты меня не увидишь.

Это было правдой. Если б я вдруг растаяла в воздухе, он сразу понял бы, что тут какое-то темное колдовство. И на секунду захотелось, чтобы так и случилось. Чтобы закончилось уже это мучение. Элия его не получит, а я...

А я вспомнила о хранилище неприкаянных душ, и меня охватило такое отчаяние, что еще немного, и эфирное тело, наверно, все-таки заплакало бы.

— Да кто ты вообще такая? — сильнее разозлился Арнис. — Не искать тебя, ни о чем не спрашивать, не задерживать. Что случится, если ты опоздаешь? Превратишься в жабу?

Что?!

Я молча смотрела ему в глаза. Не отрываясь.

Если смотреть в глаза собаке, она либо бросится на тебя, либо, почувствовав, что ты сильнее, уйдет с поджатым хвостом.

— Прости, Мария, — он отвел взгляд. — Ты придешь завтра?

— Если не будет дождя.

Он обнял меня, провел пальцами по щеке.

— Прости. Я совсем потерял голову. Ничего о тебе не знаю, но это как наваждение. Только о тебе и думаю.

— Арнис, поверь, это не моя тайна. Но я расскажу. Кто я, откуда. Может быть, даже очень скоро. Только пообещай, что ничего не будешь пытаться выяснить сам. Не будешь искать меня, не пойдешь за мной, чтобы узнать, где я живу.

Если мы все равно не будем вместе, так какая разница? Пусть знает, как все было. Но сначала надо дождаться вестей от Лэрги, чтобы он ничего не испортил.

— Хорошо, обещаю, — вздохнул он. — А ты? Обещаешь? Рассказать?

— Да.

Арнис поцеловал меня в последний раз, вскочил на коня и пустил его вскачь. Я дождалась, когда он свернет на дорогу к городу, и тоже забралась в седло. Заметив, что в этот раз он не помог мне. С Дэтой проблем не было, она стояла смирно, но все равно

стало немного обидно.

Со всеми этими спорами и обещаниями я задержалась и поэтому торопилась — не хотелось, чтобы Иттону снова пришлось идти в лес разыскивать Дэту и мои одежды. И все же время от времени останавливалась и прислушивалась, не хрустнет ли ветка под ногой. И хотелось мне доверять Арнису, но... он был прав. Он ничего не знал обо мне, а я — о нем. Поэтому доверять было сложно. Тем более, если сам сказал, что совершенно потерял голову.

Рыжее пятно у хижины я увидела издали. Иттон сидел у коновязи и почесывал под подбородком у лисицы, которая блаженно жмурилась, запрокинув голову.

Иресса?!

Спрыгнув на землю, я подошла к ним. Лиса потерлась о мою ногу, как кошка, а потом поставила лапы на колени к Иттону, лизнула его в щеку и мгновенно исчезла в кустах.

— Ничего себе, — я удивленно покачала головой. — Волк и лиса? И когда вы только успели?

— Почему нет? — усмехнулся он. — Обычно не бывает, потому что волки живут стаями, а лисы одиночки. Но и я не обычный волк, и она не обычная лиса.

— Но сейчас ведь ты не волк.

— Ну и что? — Иттон пожал плечами. — Пока я не волк, могу представлять ее как захочу. И она тоже помнит, как была человеком.

— А что, если Лэрга сможет и ее эфирное тело сделать человеческим? Если это действительно возможно?

— Нет, Мария. Если я правильно понял разговор Элии и Рианны, эфирное тело можно создать, только если душа находится между небом и землей. Если живо настоящее тело. Лэрга дала Ирессе возможность вернуться на землю и пожить еще, но только в теле животного. Послушай, она пришла не просто так ко мне на свидание. Лэрга просила передать, что тебе надо потерпеть еще неделю, до новолуния. Магическая книга у нее. Мы встретимся там же, и я снова отвезу вас к ней. Иресса сказала, что Лэрга уже разговаривала с Кайвином, Хранителем неприкаянных душ. И припугнула его так, что тот согласился рассказать на собрании всем о том, как Элия нарушила правила.

— Отлично, — кивнула я. — Прекрасные новости. Вот только знать бы еще, как продержаться эту неделю. Хоть бы снова дождь пошел.

— Иресса сказала, что Лэрга и так сделала что могла. Если дожди будут продолжаться, урожай погибнет.

— Так это она? — до меня наконец дошло. — Дождь — ее рук дело?

— Обычно таких затяжных у нас не бывает. День-два — и снова солнце. Так что...

Следующие его мысли я уже не услышала, потому что после мгновенного затемнения оказалась на столе в жабьей шкуре. В основательно замерзшей жабьей шкуре: в хижине было не теплее, чем снаружи. Элия спала на скамье, закутавшись в плащ и тихо похрапывая.

— Элия, просыпайся!

Ноль эффекта.

— Элия!!! — я собрала мысли в пучок и гаркнула изо всех сил.

Она вздрогнула, открыла глаза, подняла голову.

— Ты уже здесь?

— Мне холодно, — сварливо пожаловалась я. — Очень холодно. Я заболела и умру. Будешь искать себе новую жабу.

Разумеется, я не рассчитывала, что Элия отдаст мне свой плащ, но она замотала меня в какую-то вонючую тряпку. Вот уж никогда не подумала бы, что жаб может тошнить. Обратная дорога показалась бесконечной. От вони, тряски и холода я даже не могла толком обдумать все, что произошло с утра. Нет, со вчерашнего вечера.

Элия выгрузила меня у камина и ушла. И только тогда я сообразила, что она так и не спросила, как прошло мое свидание с Арнисом. Видимо, настолько ее выбила из колеи стычка с Лэргой.

— Мари, что с тобой? — неслышно подошел и лег рядом Арт. — Ты вся дрожишь.

— Замерзла. Там ветер ледяной. Как будто не лето, а поздняя осень. Пора в зимнюю спячку.

— Давай я тебя погрею.

Я прижалась к его теплему боку и под мерное усыпляющее мурчание потихоньку стала согреваться. И успокаиваться. А когда успокоилась, начала рассказывать о встрече с Лэргой и о новостях, которые принесла Иресса. О свидании с Арнисом тоже, хотя и не вдаваясь в подробности.

— Арт, я не представляю вообще, что делать, и как эту неделю продержаться. Это просто бред какой-то, — жаловалась я. — Никогда ничего похожего со мной не было. Чувствую себя полной дурой.

— Что, так сложно не поддаться на соблазн? — фыркнул он.

— Да не в этом дело! Хотя и в этом тоже. Черт, обсуждать секс с другим мужчиной...

— Это может быть очень интересным. Но если тебя смущает, думай о том, что я не мужчина, а кот. Тебе же хочется поделиться, так поделись. А то надуешься и лопнешь.

— Эм... Ну ладно. У тебя было такое, что хотелось, но не могло? Вот, вроде, смотришь на женщину, хочешь ее, а тело говорит: да ехало-болело, отцепитесь от меня, ничего мне не надо.

— Ну так это с любым мужчиной бывает, — Арт пощекотал мне нос кончиком хвоста. — Хотя обычно поправимо. Если ты понимаешь, о чем я.

— Разумеется, — я поймала хвост пастью и тут же выплюнула. — Но это другое. Это проклятое эфирное тело не чувствует вообще ничего. Оно только двигается, разговаривает и корчит рожи. Ну да, еще дышит для вида, хотя могло бы и не дышать. И любое воздействие воспринимает как легкое прикосновение. Хоть поцелуй его, хоть камнем тресни. Какой тут секс, когда сознание хочет, а тело — полный ноль?

— Бог ты мой! — то ли от удивления, то ли от сочувствия Арт забыл, что упоминание бога в доме ведьмы категорически не приветствуется, даже в ее отсутствие. — Действительно неприятно.

— А уж как его на расстоянии держать, вообще не представляю. Арниса. Такое чувство, что этот флер не просто приукрашает, но еще и действует как конский возбуждатель. Не пойти на свидание не могу. Нет у меня уверенности, что Элия не крадется потихоньку сзади, чтобы проверить: а вдруг я где-нибудь в кустах отсиживаюсь. Лэрга устроила дождь, но это тоже не может продолжаться вечно. Ну а то, что девушка может просто не хотеть секса, или не хотеть вот так быстро, или не хотеть в лесу, где муравьи за задницу кусают, — это ему вообще в голову не приходит. И угораздило же меня влюбиться в такого болвана! Я, Арт, просто победитель по жизни.

— Сошлись на опасные дни, — деловито посоветовал он. — Как раз на неделю хватит.

— Уже, — буркнула я. — Похоже, очень действенное стоп-слово. Хотя, кажется, взбесило его не на шутку. Ну как же, не по плану пошло.

— Мари, Мари... Думай о том, что скоро все закончится. Или это тоже тебя печалит?

— Да, и это тоже. Но убеждаю себя, что вернуться домой, в свое тело, — это меньшее из зол.

— Признаюсь, мне тоже как-то... не по себе, — вздохнул Арт. — Уже забыл, как быть человеком. Ты-то немного времени пробыла жабой, а я целых два года кот. И, боюсь, расстаться с кошачьими привычками будет сложно.

— Да уж, — я квакнула-хихикнула. — Главное не начать в публичном месте вылизывать себе... что-нибудь. Да и я не уверена, что машинально не попытаюсь языком ловить мух.

Что-то определенно пошло не так, я это чувствовала. Элия со мной почти не разговаривала, с Артом тоже. Заходила утром и вечером погладить нас и тут же убегала. Нервная, мрачная, злая. Когда везла меня в лес и обратно, тоже молчала.

Арт пробрался во дворец и, прячась по углам, послушал сплетни. Нет, там все было в порядке. Арнис не сводил с нее глаз, танцевал с ней, разговаривал, и все были уверены, что если Элия Беригар еще и не стала любовницей принца, то вот-вот станет. А может, и посерьезнее что.

— Мне кажется, дело в Лэрге, — сказал он. — Элли поняла, что сделала глупость, когда открыто разругалась с ней. И теперь боится, что это ей так не сойдет.

— А если вдруг Кайвин шепнул ей, что Лэрга обо всем узнала? — в ответ предположила я. — Про души между небом и землей? Элия, конечно, может заставить его замолчать. Но не думаю, что сможет причинить вред Лэрге. Во всяком случае, пока та Верховная ведьма.

Разумеется, ее нервозность не могла не передаться нам. Больше всего мы боялись, как бы что-нибудь не нарушило наши планы в последний момент.

День. Еще день. Еще один.

Свидания с Арнисом все больше становились в тягость. И чем больше было раздражение, тем меньше меня к нему тянуло. Порой я его почти ненавидела. Ненавидеть мужчину, в которого влюблена? Просто замечательно! Плюнув на все, я изображала стыдливую ромашку, пресекая слишком уж рискованные нежности. Арнис злился, и наши свидания заканчивались одинаково: на грани ссоры. Опомившись, он каждый раз просил прощения и умолял о следующей встрече.

— Я так больше не могу, Арт, — пожаловалась я ночью шестого дня. — Завтра еще потерплю. Но если окажется, что Лэрга не может нам помочь, пусть Арнис делает со мной что хочет. Я все равно ничего не почувствую, но на этом все закончится. Пусть Элия забирает его себе, и плевать, что будет со мной дальше. Ты говорил, Арнис такой замечательный, но почему-то мне все больше кажется, будто они с Элией одного поля ягоды.

Арт хотел ответить, но в этот момент открылась дверь, и вошла Элия с седельной сумкой. Схватив за шкурку, затолкала его туда, сверху засунула меня и затащила ляжки.

— Не дай вам темные силы хоть один звук издать! — прошипела она и куда-то нас понесла.

— Что за ехарный бабай?! — квакнула я, выплюнув ухо Арта, которое оказалось у меня в пасти. — Куда она нас прет?

— Есть одно подозрение, Мари, — мрачно буркнул он, пытаясь устроиться так, чтобы мои лапы не лезли ему в глаза. — Похоже, Элли узнала, что о ее шалостях с неприкосновенными душами стало известно, и собирается удрать куда подальше. Скорее всего, Лэрга прижала Кайвина, а тот решил сесть сразу на два стула, но не учел, что для этого нужна раздвижная задница. Шепнул Элли, и...

— И что с ним стало?

— Подожди минуту, — Арт прислушивался и принимался. — Мы в конюшне, это точно.

Судя по движениям Элли, а вместе с ней и сумки, по подъемам и поворотам, она принесла нас сначала в черную комнату, а потом действительно спустилась в конюшню: я почувствовала запах конского пота и навоза.

Прикрепив сумку к седлу, Элия села верхом и выехала на улицу.

— Сзади еще одна лошадь. Слышишь?

— Кто-то едет с ней? Или за ней?

— Думаю, с ней. Иначе пустилась бы вскачь. Кого она взяла с собой? Думаю, Иттона.

— А может, служанку? — предположила я. — У нее вообще есть служанки? Ни одной не видела.

— Есть, но такие... для грязных работ.

— И правда, зачем ведьме личная служанка? У нее даже платья сами застегиваются и расстегиваются.

— Иттон, ты здесь? — позвал Арт.

— Да, — донеслось сзади.

— Ты знаешь, куда мы едем?

— Понятия не имею. Из города. Она приказала, чтобы я следовал за ней.

Было в этом что-то сюрреалистическое: мы вели совещание прямо под носом у Элли, но она не могла нас слышать.

— Думаю, Кайвин сейчас находится в хранилище, — Арт наконец улегся поудобнее, и я устроилась на нем, словно на диванчике. — Но не как Хранитель, а как... единица хранения.

— Подожди, я ничего не понимаю. Если Элия от него избавилась, то зачем убегает? И зачем увозит нас?

— Если Кайвин мертв, он в качестве свидетеля для собрания уже не годится. Неприкаянную душу нельзя просто так вынести из хранилища, а доступ туда имеют только Верховные ведьмы. Мы с тобой, Мари, тоже свидетели. Точнее, свидетельства преступлений Элли. Хотелось бы знать, что она собирается с нами сделать. Убить или спрятать?

— Убить и дома можно было, — не слишком уверенно возразила я. — Тоже мне проблема: придушить кота и прихлопнуть жабу. И выкинуть на свалку. Зачем везти куда-то?

— Не знаю, не знаю, — тяжело вздохнул Арт. — Мы же не простые жаба и кот. Может, для этого нужны какие-то особые магические действия.

— Ну что поделать? Может, скоро снова окажемся в хранилище неприкаянных душ, на соседних полках. Или что там? На чем души хранятся? Я помню только, что в темноте.

— Я тоже. Может, просто в пустоте висят.

— Буду вспоминать, как мы с тобой разговаривали. И как ты был моим конем, — я погладила его по спине. — И как грел, когда мерзла.

— Да? — мурлыкнул насмешливо Арт. — А не свидания с Арнисом?

Я промолчала. Потому что свидания с Арнисом наверняка вспоминала бы тоже. Только отфильтровав из них все не самое приятное.

— Я тоже буду тебя вспоминать, Мари. Как ты ловила языком мух. И ворочала глазами во все стороны. И ползала по комнате, подтягивая лапы.

— Вот зараза! — возмутилась я.

— А еще... — проигнорировав мое возмущение, продолжил он, — буду вспоминать, как смотрел на тебя в лесу, из-под крыльца. Рыжая, в зеленом платье, верхом. Неземной красоты.

— Перестань, Арт. Ведь ты же знаешь, что это была не я. Не совсем я. На самом деле я и вполтину не такая красивая.

— А я мысленно подправляю. Для объективности. Представлю, что ты раза в два толще. И голова у тебя неделю не мытая. И на носу бородавка. И руки в цыпках.

Я нащупала его ухо и дернула. И в который раз уже пожалела, что жабы не могут плакать.

Мы действительно выехали из города: булыжник мостовых под копытами знакомо сменился мягкой землей. Трясло не меньше, но не так жестко.

— Мне кажется, она везет нас в хижину, Арт. Во всяком случае, сейчас мы едем вдоль реки, скоро должны свернуть на лесную тропу.

— Иттон! — крикнул Арт. — Куда мы едем?

— В лес, похоже, — подтвердил тот.

— Подожди, — внезапно до меня дошло, что Иттона никак не должно было быть в городе. — А как ты оказался в конюшне? Ведь еще днем был в хижине?

— Элия приказала возвращаться. Пока ты встречалась с принцем. Дождаться, когда вы с ней уедете, и тоже ехать в город. Я не мог тебе сказать, был с лошадьми, когда ты вернулась. А потом она вынесла тебя, села на коня и ускакала, я не успел подойти. Тогда еще подумал: что-то не так. Но не знал, как предупредить. Хотел дождаться ночи и бросить вам камешек в окно, чтобы Арт вышел. И не успел.

— Я все думала спросить и каждый раз забывала. А что это вообще за хижина такая? Охотничья?

— Ну, можно и так сказать, — мысли Иттона изменили окраску, как будто он язвительно расхохотался. — Король Фрай, дед принца, когда-то встречался там со своими любовницами из простолюдинов. Для своей, так сказать, охоты. А потом подарил ее деду Элии. Но тому она была без надобности, так и стояла, пока не обветшала. А Элия вспомнила.

— И как она только в темноте видит? — буркнула я злобно.

— Ведьма, — усмехнулся Арт, а Иттон добавил:

— И кони в темноте видят прекрасно. Мы уже почти на месте.

Действительно, спустя несколько минут конь остановился, и Элия спрыгнула на землю. Сняла сумку, занесла в хижину и бросила на лавку, да так, что у меня внутри все

перевернулось.

— Поаккуратнее! — мявкнул Арт, но Элия не отреагировала.

— Головой за них отвечаешь! — донеслось снаружи.

Я удивилась, что она разговаривает с Иттоном, но вспомнила, что тот умеет читать по губам. А потом услышала конский топот и шаги на крыльце. Скрипнула дверь, шаги приблизились.

Распустив завязки, Иттон положил сумку на бок, и мы с Артом выбрались на скамейку.

— Проклятье, я думал, не вытерплю, — мысли Иттона на полуслове оборвал волчий вой. — Луну не обманешь!

— Куда ее понесло? — спросил Арт, выгнув спину.

— Мы будем это обсуждать? — нетерпеливо буркнул Иттон. — Или, может, подождем, пока не вернется? До дома Лэрги отсюда рукой подать.

— Иттон, наши жизни в ее власти, — возразил Арт. — Вернее, жизнь наших тел. Она может сделать так, что они умрут или оживут.

— Она может сделать это независимо от того, здесь вы или где-то еще. Но, по крайней мере, не убьет таких симпатичных кота и жабу, уже кое-что. А Лэрга, возможно, как-то вас защитит. Несмотря на то, что новолуние только завтра. Давайте, забирайтесь на спину быстрее.

— А сумки-то нет, — сообразила я. — Той, в которой я в прошлый раз была. Так мне не удержаться.

— Тогда залезай обратно в эту, в зубах понесу.

Сначала он ухватил сумку за лямки, раскачивая ее на бегу.

— Иттон, — прокватила я жалобно уже минут через пять, чувствуя себя так, словно катаюсь на карусели. — Меня сейчас вырвет.

Волк остановился и перехватил сумку зубами пониже, едва не зацепив мою лапу. Стало тесно, но бултыхало уже меньше. То ли мчался Иттон с какой-то волшебной скоростью, то ли действительно до дома Лэрги было недалеко, но очутились мы там намного быстрее, чем я могла предположить. Когда сумка оказалась на земле, я кое-как выползла и растянулась на траве, пережидая приступ головокружения.

— Ваш конь, госпожа, — Арт лег рядом, и я забралась к нему на спину. — Только постарайся, чтобы тебя не вывернуло мне на голову.

Дальше с точностью повторилось все, что было в наш первый визит. Иттон барабанил лапами в дверь, пока не открыла служанка, тут же с визгом убежавшая, а потом вышла Лэрга в сопровождении Ирессы.

— Вообще-то я ждала вас завтра, — она удивленно обвела взглядом нашу компанию. — Вы не перепутали? Или что-то случилось?

Иттон внимательно посмотрел на Ирессу. Та, кивнув, повернула голову к Лэрге.

— Вот как? — выслушав, она изумленно вскинула брови. — Это очень скверно. И вы правильно сделали, что пришли. В моем доме чары Элии бессильны, но вы не сможете оставаться здесь вечно. Подождите меня, я вернусь через час, и мы подумаем, что делать дальше.

Как и в прошлый раз, мы расположились в гостиной, на ковре у камина. Лэрга зашла в соседнюю комнату и вернулась с огромным черным вороном, сидящим у нее на предплечье.

— У правильных ведьм — правильные фамильяры, — шепнула я Арту. — Не то что у нашей чокнутой недоучки.

Лэрга что-то сказала, наклонившись к голове ворона, и посадила его на стол в центр пентаграммы из свечей, как это делала со мной Элия. Свечи загорелись сами собой, огонек как будто перебежал с одной на другую. Придвинув к столу кресло, Лэрга села в него и тихо запела, не сводя с ворона пристального взгляда. И вдруг обмякла, опустив на грудь голову, словно заснула. Ворон встряхнул крылья, подлетел к окну, и створка легко подалась под его нажимом. Потянуло холодом, и я теснее прижалась к теплему боку Арта.

— Как ты думаешь, куда она? В хранилище?

— Наверняка, — кивнул Арт, глядя в огонь. — Проверить, жив ли Кайвин. Дело в том, что

если нет, найти его там будет невозможно. Насколько я знаю, разыскать нужную душу может только Хранитель. За этим он туда и поставлен.

— А если он... ну не знаю, погулять вышел?

— Хранитель? Погулять? Не смеши, Мари.

Он повернул голову и посмотрел на Иттона и Ирессу, которые лежали рядышком чуть поодаль, причем лисья морда уютно устроилась на волчьей спине.

— Даже завидно, — вздохнул Арт. — Наверно, это любовь. Оба такие мягкие, теплые. А моя подружка — холодная жаба. И к тому же влюблена в другого. Жизнь — боль.

— Ты можешь себе представить меховую жабу? — фыркнула я. — Я нет. Хотя, наверно, это было бы забавно.

Время шло, ворон не возвращался. Мне казалось, что уже вот-вот должно наступить утро.

— Ну где она пропала? — простонала я, косясь на неподвижное тело Лэрги в кресле.

— Мари, прекрати дергаться, — прошипел Арт. — Спи лучше.

— Успишь тут. Подожди. Ты ничего сейчас не слышал?

— Нет. А что должен был слышать?

— Не знаю, — я изо всех сил напрягла слух, но все было тихо. — Наверно, показалось. Как будто окно стукнуло. Где-то рядом, как будто в соседней комнате.

— Может, ветер?

— Может.

Мне все-таки удалось задремать, и я вздрогнула, когда окно распахнулось: ворон влетел в комнату и сел на стол. Свечи тут же загорелись. Не прошло и минуты, как Лэрга открыла глаза. Ворон подлетел к ней и сел на плечо, перебирая клювом волосы за ухом.

— Этого я и боялась, — сказала она. — Кайвин в хранилище, вот только он мертв. Его душа должна быть там, но найти ее сможет лишь новый Хранитель. А для его выбора надо созвать общее собрание.

— А что насчет Элии? — спросила я, и Иттон передал ей мой вопрос через Ирессу.

— Я надеялась, что она согласится отдать ваши точки равновесия в обмен на молчание Кайвина.

— То есть вы хотели, чтобы она отпустила нас и отцепилась от Арниса, но при этом осталась Верховной ведьмой?

— Ну конечно, нет, — поморщилась Лэрга. — Потом я все равно заставила бы Кайвина признаться. Но, видимо, он ее предупредил. За что и поплатился. А если бы она избавилась от вас, то обвинить ее в нарушении правил было бы уже невозможно. Считайте себя обязанными Иттону, он вас спас.

— Тогда почему Элия не убила нас дома? — повторила я вопрос, который уже задавала Арту. — Зачем надо было везти в хижину? И где она сейчас?

— Хотела бы я это знать, — покачала головой Лэрга. — Кайвина она наверняка убила так, что смерть будет выглядеть вполне естественной. Зачем тогда убегать? Но, может, она и не сбежала? И не собиралась вас убивать? Просто спрятать понадежнее?

— Вряд ли хижина надежное место, — возразил Арт.

— Как бы там ни было, завтра ночью мы постараемся разорвать вашу связь с ней. Но даже если это удастся, ваши души останутся в телах животных, пока точки равновесия находятся у Элии. Ваши тела в ее власти, к сожалению.

— Подождите, — меня вдруг осенило. — Лэрга, а вы можете создать наши с Артом эфирные тела? Или это только Элии под силу? Ведь тогда мы смогли бы обо всем рассказать на собрании. Вместо Кайвина.

— Да, но если удастся разорвать связь с ней. И даже не на три часа, а больше. На светлую или темную часть суток, уж как получится. Именно поэтому Элии и нужно было вас убить или спрятать. Ведь не котом и жабой вы стали бы выступать на собрании, кто бы вас понял. А оборотень-переводчик в этом случае не годится.

— Я спрошу, можно ли эфирные тела превратить в настоящие, человеческие, — повернулся к нам Иттон.

Иресса, услышав его мысли, печально вздохнула и посмотрела на Лэргу. Та погладила ее по голове.

— Тут я вам сказать ничего не могу. Слухи такие ходят, но возможно ли и что для этого надо? Красная книга мне ответа не дала. Не исключено, что его и нет, ответа. Сейчас нужно сделать то, что мы можем. Если я разорву твою связь с Элией, Мария, сразу же исчезнет и влечение Арниса к ней.

— А ко мне не пропадет? — было неловко, но я не могла не спросить.

— Если ты не разочаруешь его без флера, то почему пропасть? — усмехнулась Лэрга. — Хотя зачем тебе Арнис, если ты останешься жабой и эфирным телом?

— И не мечтай, Мари, — хихикнул Арт. — Он посмотрит на твою немытую голову и бородавку на носу и скажет: «Ну нет, фууу!»

— Придурок! — обиделась я. — Какая бородавка-то? Родинка, и не на носу, а над верхней губой. Очень пикантно. А уж про голову немытую ты вообще придумал. Сам, наверно, моешься раз в полгода. Языком.

— Хватит, давайте все спать! — встав с кресла, Лэрга хлопнула в ладоши. Ворон чуть не сорвался с ее плеча и недовольно каркнул. — Иресса, ты останешься здесь?

Лиса посмотрела на нее смущенно-виновато, и Лэрга усмехнулась:

— Хорошо, иди. Сейчас выпущу вас, только отнесу Митриса. Утром не забудьте вернуться, иначе я без вас не смогу объясниться с Марией и Артом.

Она понесла ворона в соседнюю комнату, и вдруг оттуда раздался испуганный возглас. Иресса, Иттон и Арт бросились к ней, и только я осталась на ковре, проклиная свою неповоротливость. Впрочем, Арт тут же вернулся.

— Ты была права, Мари, — сказал он мрачно. — Тебе не слышалось. Окно открыто. А красная книга пропала.

Разумеется, Иттон с Ирессой свою прогулку отменили. Да и спать уже никому не хотелось.

— Значит, вот куда она отправилась. А мы-то думали... — вздохнула я. — И что теперь?

— Теперь все очень плохо, Мария, — мрачно ответила Лэрга. — Элия вернулась в хижину, никого не нашла и наверняка поняла, куда все делись. В ее интересах поскорее убить ваши настоящие тела, поскольку эфирные можно создать, лишь пока те живы. Но есть одна вещь, которую она вряд ли знает. Точка равновесия подчиняется луне. В полнолуние луна в расцвете сил, и точку можно сместить в сторону жизни. В новолуние луна, напротив, бессильна, поэтому в течение первых лунных суток точка легко смещается к смерти. Обычные лунные сутки — это промежуток между двумя восходами луны над горизонтом, около двадцати пяти часов. Но дело в том, что лунный месяц начинается не с ее восхода, а с момента новолуния, поэтому первые лунные сутки могут длиться и двадцать четыре часа, и одну минуту.

— Я ничего не понимаю, — жалобно застонала я. — Как у вас все сложно. У ведьм.

— Скажу проще. В этом месяце первые лунные сутки продлятся всего три часа и две минуты. И наступят они, — Лэрга посмотрела на часы, большой циферблат которых был поделен на двадцать четыре части, — через восемнадцать часов и пять минут. За это время нам надо разыскать Элию и вернуть красную книгу. А еще лучше — отобрать у нее ваши точки равновесия.

— А если не сможем? — Арт напряженно выгнул спину.

— Тогда останется только одно. Просить темные силы, чтобы мы опередили Элию. Хотя бы на несколько секунд. Если я смогу разорвать вашу связь с ней и создать эфирные тела, будет уже неважно, живы настоящие или нет. Одну часть суток у вас будет облик животных, вторую — эфирный. Какой когда — это зависит от того, в какой час вы оказались между небом и землей.

— А если первой окажется она?

— Тогда вы останетесь в телах животных, пока не закончатся их жизни. А потом — в хранилище неприкаянных душ. До конца времен.

— Но ведь то же самое будет, если опередите вы, — перебила я. — Я проживу лет десять, Арт, наверно, побольше. Но итог тот же. Только часть жизни проведем в эфирном облике. Как люди, но с абсолютно бесчувственным телом. Которому чужды все человеческие радости. Вот это перспектива... Восемнадцать часов? Так, может, не ждать? Может, прямо сейчас отправиться на поиски?

— Как ты себе это представляешь, Мария? Еще ночь, где мы будем ее искать? И потом... Элия когда-нибудь входила в твое тело?

— Да, — поежилась я. — Ненадолго. Но очень неприятно.

— Это тяжело для фамильяра. Даже если отправить его одного и смотреть его глазами. Митрис устал, ему надо отдохнуть. Мы сделаем иначе. Утром я поеду к Рианне. Мы с ней не слишком друг друга любим, и она была подругой Элии. Но когда стала королевой, их отношения испортились. К тому же Рианна надеется родить принца и сделать так, чтобы он оттеснил Арниса от трона. Разумеется, попытки Элии женить Арниса на себе ей не по вкусу. А уж когда она узнает, что Элия похитила красную книгу...

— Но чем нам поможет Рианна?

— Если мы с ней объединим свои силы, сможем узнать, в каком направлении находится третья Верховная. А сейчас... давайте все-таки немного отдохнем. Впереди у нас долгий и тяжелый день.

Удивительно, но уснуть все же удалось. Меня всегда поражало, как кошки умудряются мурчать, словно у них внутри электромоторчик. Я уткнулась в бок Арта и под этот мерный усыпляющий звук провалилась в рваную дремоту. А когда открыла глаза, за окном было уже светло.

Лэрга, бледная от бессонной ночи, но все равно очень красивая, вынесла меня в сад.

— Извини, Мария, мух ловить для тебя мне некогда, надеюсь, сама найдешь себе пропитание.

В траве действительно копошилась пропасть всякой мелкой живности. Я машинально набивала живот, размышляя о том, что нас ждет. Из-за ограды донесся стук копыт.

— Лэрга уехала во дворец, — Арт появился словно из-под земли и растянулся на траве рядом со мной. — А Иттон — в хижину. Хотя не знаю, какой в этом смысл. Не будет же она нас там дожидаться. Наверняка уже далеко от Осбранты.

— У нас говорят, что хуже нет, чем ждать и догонять, — вздохнула я. — Но это неправда. Когда догоняешь, хоть что-то делаешь. А вот ждать — действительно ужасно. Если ничего не можешь сделать.

— Мари, не отчаивайся, — он лизнул меня своим жутко шершавым языком. — Даже при самом худшем раскладе мы еще немного проживем на этом свете. Ну и что, что котом и жабой, ведь мы уже привыкли, правда? Зато Элия не будет больше иметь над нами никакой власти. И я стану единственным человеком, который увидит свои похороны. Не волнуйся, тебя я тоже приглашу. Конечно, нам придется смотреть откуда-нибудь из-за кустов, но ничего. Ты заберешься мне на спину, и тебе будет видно.

— Арт, мы даже разговаривать с тобой не сможем. Ведь сейчас это возможно только потому, что мы фамилляры одной ведьмы. А если не будем связаны с ней, значит, не будем связаны и между собой. Разве что через Иттона?

— Почему нет? Ведь и он тоже больше не будет слугой Элии. Возможно, вернется в свою деревню и нас возьмет с собой.

— Вряд ли. Думаю, он останется здесь, чтобы быть рядом с Ирессой.

Дверь дома открылась, и — легка на помине! — на крыльцо вышла лиса. На спине у нее важно восседал Митрис, перья которого на солнце отливали синевой. Иресса легла, и мне показалось, что у них с вороном идет такая же мысленная беседа, как и у нас с Артом. Хотя почему показалось — наверняка так и было.

Время тянулось томительно медленно, но я понимала, что это последние часы той жизни, к которой действительно уже успела привыкнуть. Как бы ни обернулось, в десять часов вечера все будет кончено. Либо я останусь жабой с человеческим сознанием на ближайший десяток лет, либо эта жаба на половину суток будет принимать видимость Маши, либо... я все-таки вернусь домой, в свое тело. Но в этот вариант я уже почти не верила.

— Послушай, а если Элию не удастся найти, как Лэрга сможет разорвать нашу связь с ней? — вдруг пришла мне в голову жуткая мысль. — Без красной книги?

— Мари, — Арт дернул ухом, на которое села муха, и я поймала ее языком на лету, — она уже тридцать лет Верховная ведьма. Наверняка чему-то научилась и может что-то сделать без книги. Успокойся, от нас ничего не зависит. Будешь ты дергаться или нет, это ничего не изменит. Радуйся тому, что Элия не прикончила нас сразу. Кайвину повезло меньше, чем нам, он уже в хранилище.

— В конце концов мы все равно составим ему компанию.

— У вечности тоже есть конец. Рано или поздно все миры к нему подойдут, и тогда наверняка что-то изменится.

— Умеешь ты утешить, — горько усмехнулась я.

— Все лучше чем плакать, согласись.

Наконец вдалеке послышался конский топот — звук, которого ты так ждали. Иттон и Лэрга вернулись одновременно. Третьей была рыжеволосая женщина лет тридцати, с тонким надменным лицом. На ее плече сидела белоснежная сова. Роскошный наряд и богатая сбруя такого же белого жеребца не оставляли сомнений: перед нами королева Рианна. Которая, как и Арнис, не гнушалась выезжать из дворца без свиты и охраны. Рискнул бы кто-то навредить Верховной ведьме!

Ничего так компания вышла! Две ведьмы, пять фамильяров и волкодлак-переводчик. Мы не стали возвращаться в дом и расположились в саду на лужайке.

— Думаю, никто не сомневался, что Элии в хижине нет, — выслушав Иттона, сказала Лэрга, обращаясь ко всем сразу. — Но свежие конские следы ведут на восток, в сторону границы.

— И что нам это даст? — фыркнул Арт. — До новолуния осталось одиннадцать часов. Она наверняка уже в соседней провинции.

Когда эта реплика через Иттона и сову по имени Зелла дошла до Рианны, та рассмеялась, подошла к Арту и опустилась перед ним на корточки. Стиснув его морду ладонью, она сказала с насмешкой:

— Надеюсь, теперь, Артариус, ты сожалеешь, что дочь хранителя сокровищницы оказалась для тебя недостаточно хороша? Ты предпочел Элию — и как, доволен? Лучше быть котом?

Ничего себе! Так вот в чем настоящая причина раздора между бывшими подругами! То, что Рианна стала королевой и Элия вынуждена была ей прислуживать, по сравнению с соперничеством из-за мужчины, — такая мелочь. Да, Арт, похоже, пользовался в своей человеческой жизни повышенным спросом.

Зашипев, он ударил лапой с выпущенными когтями по руке Рианны, оставив четыре параллельные кровоточащие царапины, — и тут же отлетел в сторону от ее удара.

— Я бы тебя придушила, тварь! — голос Рианны тоже был похож на шипение. — Но, к сожалению, ты нам нужен.

— Прекрати, Рианна! — приказала Лэрга ледяным тоном: в триаде она была старшей, и королевский титул не имел при этом никакого значения. — Арт, подойди ко мне!

В ее руке блеснули небольшие ножницы, которыми она начала состригать с его спины и боков шерсть.

— Прости, Арт, но так надо.

Набрав комок размером с кулак, Лэрга обмотала его красной шерстяной нитью — получился небольшой клубочек. Они с Рианной взялись за руки, соединив две другие на клубке, и повернулись лицами на восток. Низкий голос Лэрги и высокий, резкий Рианны сплелись в замысловатую мелодию. Их обволокло сиреновой дымкой, которая сгустилась и окутала клубок. Вырвавшись из их рук, он покатился по дорожке, добрался до ограды и легко ее перепрыгнул.

— Его не увидит никто, кроме нас, — пояснила Лэрга, ласково погладив плешивого Арта. — Он будет катиться, пока не догонит Элию. И как только коснется ее, она не сможет пошевелиться. Тогда клубок позовет нас с Рианной, и мы придем на его голос.

— Но ведь до новолуния осталось совсем недолго, — растерянно сказала я. — Разве он успеет?

— На все воля темных сил, Мария. Будем надеяться, что клубок нагонит ее прежде, чем она убьет ваши человеческие тела. Или хотя бы на то, что мне удастся опередить ее и разорвать связь между вами.

— Мне надо вернуться во дворец, — сказала Рианна. — Сейчас я вам больше не нужна. Когда клубок найдет ее, ты сможешь и сама поехать за ней, Лэрга. Возьми слугу, — она кивнула в сторону Иттона, — он поможет. Главное — вернуть книгу. А там уже соберем всех и решим, что делать с Элией. Твоя Тиана заменит ее в триаде, как ты и хотела. А вот кто потом придет на смену тебе?

— Рианна, давай поговорим об этом позже, — поморщилась Лэрга. — Книгу мы вернем, и Элию тоже. Сейчас важнее, что будет с Марией и Артом.

— Правда? — королева надменно вскинула брови. — Не знаю, меня это ни капли не волнует. Особенно судьба Арта. Он получил то, что заслужил.

— Ты просто мастер заводить врагов, — подумала я в его сторону. — Точнее, врагинь. Да еще таких могущественных. Тебя ненавидят две Верховные ведьмы из трех, причем одна из них королева. Это сильно.

— Что поделаешь, — мрачно буркнул он, вылизывая проплешину на боку. — На свете нет ничего страшнее отвергнутой женщины. Я не виноват, что все меня хотят.

— Хотели, — поправила я. — За что себя люблю, так это за красоту и за скромность. Хотя с красотой у тебя сейчас... небольшие проблемы.

— Была б ты меховой жабой, тоже стала бы лысой, — огрызнулся Арт.

Рианна уехала, Лэрга, забрав Митриса, ушла в дом подготовить все необходимое к моменту новолуния. Иттон устроился вздремнуть в тенечке, разумеется с Ирессой под боком. Мы с Артом тоже остались в саду. Сначала о чем-то разговаривали, но напряжение мешало. Прислонившись к его боку, я впала в какую-то прострацию.

Утром мне казалось, что время тянется слишком медленно? Похоже, сейчас оно вообще остановилось, хотя ощущение того, что все идет к концу, стало еще острее. Ну скорее бы! Мы как будто переползали из одной минуты в другую. Вполне по-жабьи.

Наконец стемнело. Запад еще краснел, на востоке уже высыпали звезды. До новолуния остался всего один час.

— Если бы клубок ее догнал, Лэрга нам сказала бы, — вздохнул Арт. — Видимо, Элли успела уехать далеко. Вернулась с книгой в хижину, не нашла нас и поняла, в чем дело. И постаралась убраться отсюда как можно дальше.

В этот момент Лэрга вышла из дома и взяла нас на руки.

— Надо быть наготове. Если в течение часа я не получу отклика от клубка, все будет зависеть от того, кто из нас окажется проворнее. Важно начать в первую же секунду лунных суток.

Я хотела спросить, как она определит, что новолуние наступило, да еще с такой точностью, но Иттона и Ирессы рядом не было: они давно уже ушли в дом.

В гостиной вместо маленького теперь стоял стол побольше. На его белой столешнице была начерчена пентаграмма с треугольником внутри. Толстые красные свечи обозначали пять вершин. В одном углу треугольника лежал медальон Элии — видимо, Иттон привез его из города. Два других предназначались для нас с Артом. В центре тускло поблескивал темно-лиловый кристалл, такой же, как тот, который Элия прикладывала к голове жабы, превращая ее в фамильяра.

На каминной полке я заметила странное устройство, на которое не обратила внимания раньше. Оно сняло мой незаданный вопрос о точном времени новолуния. Судя по всему, это были какие-то астрологические часы с несколькими циферблатами и множеством непонятных значков на них.

Митрис примостился на подоконнике, Иттон сидел в кресле, Иресса у его ног, положив голову ему на колени. Опустив нас с Артом на ковер, Лэрга тоже села в кресло. Прикрыв

глаза, она словно вслушивалась в то, что не мог услышать никто, кроме нее.

Все ждали, и напряжение достигло высшей точки, когда Лэрга со вздохом встала.

— Больше медлить нельзя. Мария, Арт, мне очень жаль. Есть, конечно, слабая надежда, что Элия неправильно определит время новолуния или что-нибудь перепутает, и клубок все-таки доберется до нее раньше, чем она приступит к колдовству. Но я бы не стала на это рассчитывать. Равно как и на то, что она вдруг решит отпустить ваши души с миром. Это точно не в ее характере.

Иттон дотронулся до спины Ирессы, то повернулась к нему, слушая его мысли, потом передала их Лэрге, и та покачала головой.

— Нет, Иттон, мне было не до того. Спрошу, но не думаю, что она знает.

— О чем вы? — не выдержала я.

— Все о том же, — ответил мне Иттон. — Нельзя ли превратить эфирные тела в настоящие. Я подумал, вдруг Рианне что-то известно.

— Пора, — Лэрга посадила меня в один угол треугольника на столе, Арта в другой.

Огонек вспыхнул на фитиле одной свечи, перебежал на остальные. Кристалл засветился, разгораясь все ярче. Лэрга внимательно смотрела на звездные часы.

— Прощай, Арт, — я вздохнула с сожалением. — Даже если мы и останемся рядом, все равно больше уже никогда не сможем разговаривать. Мне будет не хватать твоих шуток и подколов. И того, как ты меня утешал.

— Не торопись, Мари. Может, нам повезет, и мы хотя бы половину суток будем людьми. Почти людьми.

— Повезет? Нам? — усмехнулась я с горечью. — Чемпионам всех миров среди лузеров?

— Лузеры — это неудачники?

Ответить я не успела. Лэрга начала водить над нами ладонями с широко раздвинутыми пальцами, между которыми разливалось лиловое сияние. Она напевала что-то заунывное, и ощущения у меня при этом были не слишком приятные. Наверно, так должно чувствовать себя белье в центрифуге при самом сильном отжиме. Причем выкручивало как телесно, так и душевно. Судя по выражению на морде Арта, он испытывал то же самое.

Пытка продолжалась целую вечность. За это время Иттон успел превратиться в волка, а Митрис отправился куда-то по своим ночным делам. Не выдержав, я начала пищать. Арт утробно подвывал, нервно дергая хвостом. Лэрга взяла нож и перерезала линии, которые соединяли углы треугольника. Кристалл ослепительно вспыхнул — и все закончилось.

— Арт! — позвала я, но ответа не получила.

— Иттон? — и он тоже не откликнулся.

— Ну вот и все, — Лэрга подхватила Арта под брюхо и опустила на пол. — Вы больше не фамильяры. Осталось только проверить, смогли мы опередить Элию или нет. Сейчас я попробую создать ваше эфирное тело, Мария.

Прекрасно! А что я тут при таком собрании голая окажусь — это ничего? А, Лэрга? У меня, между прочим, целлюлит на попе, который никакими гимнастиками, диетами и массажами не выводится. И флера тоже не будет, чтобы его замаскировать. Вместе со всеми прочими несовершенствами. И сказать об этом не могу — никто не услышит.

Но Лэрга, к счастью, догадалась. Я вообще была в нее немного влюблена. Без какого-либо эротического подтекста — просто такие женщины вызывали у меня восхищение.

Она посмотрела внимательно на Ирессу, та на Иттона, и они отправились к выходу. Выпустив их на улицу, Лэрга взяла Арта и без лишних церемоний выставила из гостиной.

— Ну вот, — закрыв дверь, сказала она. — Теперь мы одни, и никто не будет нам мешать.

Процедура создания эфирного тела была мне хорошо знакома, только заклинания, как мне показалось, звучали немного иначе — гораздо длиннее. Да оно и понятно, ведь я же не была фамильяром Лэрги. Я вообще не была больше фамильяром — всего-навсего животным с человеческой душой.

Лэрга закончила и замолчала, но ничего так и не произошло. Я по-прежнему оставалась жабой.

— Не спеши отчаиваться, Мария, — она погладила меня по спине. — Помнишь, когда с тобой случилось то, после чего ты попала в хранилище неприкаянных душ? Я знаю, ты не можешь ответить. Но если в темное время суток, то твое эфирное тело будет дневным. При условии, конечно, что мы успели вовремя. Потерпи до утра, а я пока попробую с Артом.

Взяв на руки, Лэрга вынесла меня в соседнюю комнату, что-то вроде кабинета или библиотеки. Полки по всем стенам были плотно заставлены книгами, у окна стоял письменный стол, а напротив камина — большое мягкое кресло с наброшенным на спинку зеленым пледом. В углу висела огромная клетка — обиталище Митриса.

— Посиди здесь, — она опустила меня в кресло.

Неплотно прикрытая дверь позволяла мне слышать все, что происходило в гостиной. Лэрга принесла из коридора Арта и посадила его на стол.

— Ну что ж, с Марией пока не вышло, попробуем с тобой. Если не получится, повторим утром. Я все же надеюсь, нам удалось опередить Элию. Мы начали точно в момент новолуния. Но беспокоит, что я так и не получила отклика от клубка. Давай приступим, котище.

И все повторилось — те же заклинания, что я уже слышала. Но с совершенно иным результатом.

— Прекрасно, — в голосе Лэрги звучала насмешливая улыбка. — Кое-что все-таки удалось. Чем хорошо эфирное тело? Ему не нужна ни еда, ни вода, ни постель. Вообще ничего из того, что требуется человеку.

— Вы ошибаетесь, Лэрга, — ответил низкий, чуть с хрипотцой, мужской голос. — Кое-что все-таки надо. Вы, конечно, мне в матери годитесь, но все еще очень красивая женщина, и мне неловко находиться перед вами в таком виде. Я понимаю, у вас вряд ли есть мужская одежда, но, может, найдется какая-нибудь не слишком нужная простыня или скатерть?

— Не смей меня, Артариус Магден. Чтобы тебе было неловко находиться перед женщиной в таком виде?

— Во-первых, я успел отвыкнуть. Во-вторых, эта эфирная слякоть все равно ни на что не годна. Поэтому и неловко.

— Ты никак со мной заигрываешь, мальчик?

— Увы, госпожа Лэрга. Даже если б я и хотел, какой в этом толк? Вы сами сказали, что

эфирному телу не нужно ничего из того, что необходимо человеку. Кроме одежды, конечно. Ну а мои мысли — это совсем другое дело, я оставлю их при себе.

Шаги, скрип открываемой дверцы, снова шаги.

— Держи. Всю одежду господина Гerti я раздала бедным, но утром постараюсь раздобыть что-нибудь у Олина.

— Интересно, как вы это ему объясните? Что вам понадобилась мужская одежда?

— Я вдова. Почему я должна отдавать кому-то отчет? Тем более собственному сыну?

Мне было страшно любопытно, как выглядит Арт. И получится ли хоть какое-то совпадение с тем образом, который нарисовало мое воображение. Хотя, надо признать, образ вышел уж больно расплывчатый: мешали Вадим и Арнис, действительно подпихивая свои черты. Голос и интонации я точно представляла иначе.

— Ладно, Арт, — Лэрга зевнула. — Это тебе спать не надо, а у меня уже вторая ночь кувырком. Хотя до рассвета немного вздремну.

Ее шаги — быстрые, легкие — удалились. Другие — вполне так весомые — наоборот приблизились. Открылась дверь. Кресло стояло спинкой к выходу, и даже если бы мне удалось развернуться в мягких подушках, я бы все равно ничего не увидела. Арт подошел ближе, и я заворочала глазами во все стороны, пытаюсь рассмотреть его в тусклом свете огня из камина. Конечно, я могла видеть и в темноте, но это было совсем не то зрение.

— Ну привет, Мари, — сказал он и погладил меня. — Ты оказалась права, мы с тобой неудачники. Выходит, в ближайшие лет десять я буду человеком... почти человеком ночью, а ты днем. Хотя, согласись, могло быть и хуже. Так мы хоть поговорить можем, только очень медленно. Я ночью спрошу, а ты днем ответишь. И наоборот.

Да, он был совсем не таким, как я его себе представляла. Далеко не красавцем. С Арнисом не сравнить. Темно-русые, слегка вьющиеся волосы до плеч, глаза то ли серые, то ли темно-голубые, резкие черты заросшего щетиной лица. Намотанная на манер римской тоги простыня не позволяла оценить фигуру, но и так было ясно, что хоть Арт и высокий, но сложения далеко не атлетического. Скорее, стройный и гибкий. Как и кот, в облике которого я привыкла его видеть.

— Вот так, Мари, — он взял меня в руки, сел в кресло и посадил к себе на колени. — Я-то тебя впервые увидел красавицей, а ты меня — небритым заросшим пугалом в простыне. А ведь таким я и останусь. Небритым и лохматым.

По правде, котом он мне нравился больше. Мягким, теплым. Насмешливым и язвительным. Заботливым и внимательным. Так приятно было прислониться к его боку и дремать под монотонное мурчание. Почти как под шум дождя. И другое дело сидеть на коленях у мужчины, замотанного в простыню. Чего уж там, на коленях у мужчины лучше сидеть совсем в другой ситуации. И чтобы мужчина этот вызывал совсем другие эмоции и желания.

Красота. Утром Лэрга состряпает эфирное тело мне. Довольно страшненькое, если учитывать, что оно копирует настоящее, за которым в коме особо ухаживать некому. Арт лежит в доме своих родителей, надо думать, людей небедных, но все равно выглядит побомжацки. А меня наверняка спланировали в интернат для хроников, где одна санитарка на целый этаж. Если, конечно, не приехал отец и не перевез в какую-нибудь частную клинику.

Я представила, какой красоткой покажусь Арту. В старом платье Лэрги не по размеру, наверняка в прыщах и с грязной головой — вот где отзовутся его шуточки. Словно предвидел. Он запрыгнет ко мне на колени, а я буду его гладить и чесать за ухом. Как эта его Ярика. А ногти у меня будут... Мама...

И ведь ничего же не сделаешь. Сначала я не поняла фразу Арта о том, что он так и останется небритым и лохматым. Неужели нельзя причесаться и побриться? Но потом дошло. Нельзя. Ничего нельзя. Видимо, куда-то в тонкие миры транслируется копия настоящего тела, вроде голограммы, которая и используется по необходимости. Флер может ее приукрасить, но только на короткое время. Да и вряд ли Лэрга будет это делать.

Клубок так и не ответил... Что бы это значило? Увидеть и поймать его никто не мог. Где-то застрял? Провалился в яму или утонул? Или Элия успела удрать так далеко, что он все еще в пути? Но даже не это главное. Убила она наши тела или нет? Лэрга сказала, что первые лунные сутки в этом месяце короткие, всего три часа. Если не успела, это давало нам шанс.

Впрочем, проверить было несложно. Догадается Арт, снова став котом, отправиться потихоньку в дом родителей, чтобы посмотреть, как поживает его тело? Даже если и нет, я подскажу ему, как только смогу.

Он молчал, легонько поглаживая меня по спине, словно глубоко о чем-то задумался. Незаметно для себя я задремала, а когда проснулась, в окно уже заглядывало бледненькое, серенькое утро. Рядом в кресле, уютно свернувшись клубком, спал кот.

Может, мне все приснилось? Сейчас прибежит Элия с двумя мисками — сырого мяса и червяков. Мы с Артом будем лениво болтать, греясь у камина, а потом я поеду на очередное свидание с Арнисом...

Нет, в нашей комнате не было кресла, спали мы либо на полу, либо на диване.

И все-таки я позвала его, потыкав мордой в бок. Арт открыл один глаз, зевнул, продемонстрировав клыки, и лизнул меня своей кошмарной теркой. Но ничего не ответил.

Значит, не приснилось. И так будет каждый день. И каждую ночь. Интересно, эти метаформозы происходят мгновенно, или у нас выпадет хоть минутка перекинуться словом? Да нет, вряд ли. Я вспомнила, как превращалась из жабы в Марию и обратно. Секундная темнота — и готово. Даже котом и жабой одновременно мы сейчас в последний раз. А жаль.

Я вздохнула и прижалась к нему покрепче. А может, лучше было бы, если б Элия оказалась проворнее? Ну не смогли бы мы с Артом разговаривать, так и сейчас не можем. Толку нам от этих эфирных тел? Животными Лэрга, возможно, оставила бы нас у себя, а куда деваться такими вот полулюдьми? Не хватало только, чтобы Арта кто-то увидел и узнал.

Может, нам уехать вдвоем, подальше отсюда? Найдем заброшенный дом и будем ждать

там конца своих никчемных жизней. Работать ради пропитания не надо. Вообще ничего не надо, кроме одежды, и та не для тепла, а для видимости. Чтобы голыми не разгуливать.

Хотя... Арт ведь может вернуться к родителям. Если, конечно, их не хватит удар, когда его увидят. Но в этом колдовском мире такие вещи наверняка воспринимаются проще. Будет жить дома, с теми, кто его любит. Днем котом, ночью... эфирным призраком. А если тело еще живо, сам сможет себя брить, стричь и мыть. Лютый сюр, нечего сказать.

А вот куда деваться мне?

Словно почувствовав мое настроение, Арт обнял меня лапой и толкнул носом: эй, не отчаивайся! Прорвемся!

Тут-то и пришла Лэрга — невыспавшаяся, в сиреновом утреннем пеньюаре, с волосами, заплетенными в косу.

— Ах, как трогательно, — умилилась она. — Прошу прощения, что прерываю ваши нежности, но я заберу Марию.

Она отнесла меня в гостиную и снова посадила на стол.

— Клубок так и молчит. Я очень беспокоюсь. Сейчас поеду во дворец. Возьму у сына одежду для Арта, заодно загляну к Рианне. Может, это со мной что-то не так, а она услышала? Кстати, вот одежда для тебя, Мария, — она показала на темно-синее платье, эзо и чулки, лежавшие на кресле, и ботинки на полу. — Не знаю только, подойдет ли. Хотя если тебе в пору было платье Элии, это, думаю, окажется немного великовато.

Лэрга повторила все те же заклинания, которые произносила надо мной ночью. Но как только она закончила, я почувствовала хорошо знакомое ощущение, словно меня вытягивало из жабьего тела. Зеркала в гостиной не было, и я просто смотрела на свои руки, сначала почти прозрачные, потом все более плотные — телесные.

— А как будет завтра утром? — спросила я. — Я правильно поняла, что тело появится само?

— Да, Мария. Заклинания нужны только в первый раз. Давай я помогу тебе одеться.

— Спасибо, Лэрга, но вы ведь не будете это делать каждое утро. Мы и так доставили вам столько хлопот. Мне нужна обычная одежда, которую я смогу надевать сама, без помощи.

— Ты права, — кивнула она. — Когда я вернусь, возьмем платье Лесты, моей служанки. Если оно будет тебе как раз, отправлю ее на рынок купить обычную городскую одежду. А что до хлопот... Пустое!

— Пустое? — с горечью повторила я. — Я не представляю, что делать дальше. Где жить, как жить.

— Не торопись, — Лэрга жестом остановила меня. — Сначала надо все выяснить. Про Элию, книгу и ваши с Артом тела.

В этот момент дверь соседней комнаты со скрипом приоткрылась, и в щель просунулась кошачья морда.

— Иди, иди сюда, — усмехнулась Лэрга, — полюбуйся на свою подружку.

Арт шлепнулся на задницу и внимательно осмотрел меня с ног до головы. И издал какой-то хриплый звук, больше похожий на карканье Митриса, чем на кошачье мяуканье или мурлыканье. Интересно, как это надо было понимать? Как восторг? Смех? Ужас?

— Зеркало! — потребовала я, не ожидая ничего хорошего.

— Пойдем, — Лэрга отвела меня в свою спальню, где на стене висело большое овальное зеркало в резной раме.

Я посмотрела на себя и в очередной раз пожалела, что эфирная пакость не может плакать. Хотя, скорее, стоило этому порадоваться, иначе со мной, наверно, случилась бы истерика.

На кого я была похожа...

Зимой меня подстерег желудочный грипп со всеми положенными проявлениями. Но даже после полутора недель температуры под сорок, бесконечной рвоты и прочих прелестей я не выглядела так ужасно. Волосы свисали сосульками — чертов Арт, ты, наверно, знал! Кожа бледная, в прозелень, брови потеряли форму, под глазами темные круги — панда обзавидует. Щеки запавшие, губы пересохшие, в едва подживших корочках. В общем, полный кошмар.

— И хотела бы сказать «не расстраивайся», Мария, но не буду, — Лэрга обняла меня за плечи. — Постарайся это принять. Если твоё тело ещё живо и нам удастся найти Элию до следующего новолуния, значит, всё поправимо. Если она успела убить ваши тела... тогда хуже уже не будет. Просто не надо больше смотреть в зеркало.

Вот спасибо, Лэрга, подтвердила, что это не моя обычная мнительность. Я на самом деле такое пугало, больше похожее на выбравшегося из могилы зомби, чем на Машу Соколову.

Когда мы вернулись в гостиную, Арт сначала с мурлыканьем крутился у моих ног, потом встал на задние лапы, цепляясь передними за платье. Я взяла его на руки, погладила, и он принялся тереться мордой о мой подбородок, а потом лизнул в щеку.

Эх, а я так всегда любила прикосновения к меху. Однажды в метро машинально начала гладить шубу какой-то женщины, вызвав ее недоумение и возмущение. А тут то ли кота гладила, то ли жабу — не понять. Просто наличие чего-то под пальцами. И к щеке притронулась не терка, а... что-то неопределенное.

— Ты меня так утешаешь, морда, да? — я села в кресло, посадив Арта на колени. Как ночью он держал на коленях меня. — Что я такая страшная? Ну так ведь и ты тоже не слишком красавчик. Мы с тобой, Арт, прямо победители по жизни. Любимцы фортуны. То есть удачи.

Я вывалила на него все свои жалобы — как самая обычная одинокая хозяйка котика, приходящая домой с работы и сливающая на безответную животину горести и проблемы. Разница была только в том, что Арт понимал все, о чем я говорила, и даже мог ответить. Хотя и с задержкой на полсуток.

— Я вас оставляю, — Лэрга вошла в гостиную, полностью одетая на выход. — Не скучайте.

— Подождите, я вас провожу, — посадив Арта в кресло, я пошла за ней к двери.

Иттон стоял у крыльца с оседланным конем. Я уловила его взгляд, удивленно-сожалеющий. Ну, кто там меня еще не сравнил с прекрасной Марией в зеленом платье? Иресса? А, ну да, конечно, Арнис! Только этого мне еще и не хватало!

— Теперь Иттон служит у вас? — поинтересовалась я, когда Лэрга с его помощью села в седло и он отошел.

— Да, Иресса меня попросила. Почему бы и нет? Мария, ты говорила, что не знаешь, как

быть, где жить. У меня большой дом, я живу одна, не считая слуг и фамильяров. Можешь остаться здесь.

— В качестве второй служанки? — усмехнулась я с горечью, хотя это, конечно, был выход, и мне стоило поблагодарить, а не корчить рожи.

— Скорее, помощницы. Леста для этого не годится. Она добрая девушка и старательная, но слишком уж глупа. А что касается Арта...

— Может, поговорить с его родителями? — не особо вежливо перебила я. — Я хотела предложить ему, но, боюсь, как бы им не стало от такого известия дурно. Приходит какой-то приبلудный кот и превращается в призрак их сына.

— Это хорошая мысль, — одобрила Лэрга. — Но лучше сначала обсудить ее с Артом. Если он не будет возражать, я поеду туда с ним. С его матерью мы в хороших отношениях, а отец когда-то был в меня немного влюблен. Так что, Мария, останешься со мной?

— Не знаю, как вас и благодарить, Лэрга.

— Никак, — рассмеялась она. — Я получу от этого больше, чем ты. Помощницу, собеседницу. И никаких расходов. Жабой ты найдешь себе еду сама, а эфирной Марии не нужно ничего, кроме простой одежды. Не хочу огорчать тебя Мария, но надежды, что клубок разыщет Элию, все меньше.

— Может, он где-то заблудился? — предположила я. — Или с ним что-то произошло?

— Нет, это невозможно, — вздохнула Лэрга. — За это время он уже должен был ее найти. Если Рианна тоже не получила ответ, есть только одна причина, по которой подобное могло произойти. Элия мертва или в таком же зачарованном сне, как вы с Артом.

Мой «сон» вряд ли можно было назвать зачарованным, но я не стала уточнять. Не суть важно.

— И что тогда?

— Не знаю, Мария. Прости, но меня сейчас больше беспокоит красная книга. Как бы она не попала в чужие руки.

— Кто-то может ею воспользоваться? — испугалась я.

— Нет. Воспользоваться ею может только Верховная ведьма. А вот уничтожить или повредить... Для Энигерны это обернется страшными бедствиями. Ладно, мы еще поговорим, когда я вернусь.

Она выехала за ворота. Иттон закрыл их, помахал мне рукой и пошел к большому дереву, под которым на травке растянулась Иресса. Я смотрела, как она щекочет Иттону нос кончиком хвоста, а тот пытается поймать его зубами. И завидовала всеми цветами зависти. Они могли разговаривать. И несколько дней в месяц по ночам становились вообще почти одной породы. Интересно, у волка и лисы могут быть дети? Гугла нет, не спросишь.

Да какая разница. У них любовь. А вот мне об Арнисе точно стоило забыть. Но как ни раздражал он меня в последние дни своей настойчивостью, выкинуть его из головы никак не получалось.

Я не представляла, чем заняться. В прежней жизни у меня вечно не хватало времени. Работа, Вадим, с приятельницами встретиться, поболтать. Фитнес, шопинг и прочие приятные женские штучки. Почитать, кино посмотреть, в интернете посидеть. И домашние дела всякие. И вдруг абсолютное фар niente, только ни разу не дольше[1], а самое что ни на есть тупое.

Арт хоть книги по ночам мог читать, а мне чем целыми днями заниматься? Жаловаться ему на жизнь? Ах, ну да, я же теперь компаньонка Лэрги. Буду с ней беседовать и помогать ей в разных ведьминских штучках. Ну хоть что-то. А пока надо все-таки узнать точно, живы еще наши тела или нет. Это для ведьм главное — красная книга, а для нас с Артом в самом буквальном смысле своя шкура дороже.

А выяснить, кстати, очень просто. Пойти и посмотреть на тело Арта. Ну, не мне, конечно, а ему самому. Пробраться в дом родителей и проверить, насколько оно живо. А то, может, там уже к похоронам готовятся. Все беспокоились из-за клубка, а такая элементарная вещь никому в голову не пришла. Удивительно. Если Элия успела нас убить, то уже без разницы жива она или нет. Я, по крайней мере, по ней точно плакать не буду. А со своей книгой идиотской пусть ведьмы сами разбираются, нам она все равно не поможет.

Я вернулась в гостиную, взяла Арта на руки, и он снова начал мурчать. При этом еще жмурился и когтил мне платье на коленях. Спасибо хоть слюни не пускал, у одной моей знакомой был такой кот.

— Слушай, Арт, — предложила я, почесывая его за ухом, — давай мы с тобой какую-то систему для общения придумаем. Например, ты можешь головой кивать или качать, «да» или «нет». А если «не знаю», то глаза закроешь на пару секунд. Идет?

Он кивнул.

— Вот только у меня так не получится, я жабой не могу головой крутить. Давай я буду глаза поворачивать. Вправо — «да», влево — «нет». Только не перепутай, вправо и влево для меня, а не для тебя.

Арт снова кивнул. Ну хоть какое-то взаимопонимание. Тогда я пересказала ему свой разговор с Лэргой. О том, что я теперь ее компаньонка. И о предложении поговорить с его родителями. И о том, что Элия, возможно, мертва. Первую новость он одобрил. На третью ощутимо выпустил когти мне в колени — поди догадайся, что это значило. А вот идею открыть нашу тайну родителям Арт отверг категорически, замотав башкой с бешеной скоростью.

— Интересно, почему? — удивилась я. — Надеюсь, вечером расскажешь? А что ты тогда собираешься делать? Думаешь, Лэрга и тебя приютит здесь? У нее и так уже целый зоопарк.

Даже если Арт и не понял, что такое зоопарк, спросить все равно не мог. На первый мой вопрос он кивнул, а на второй зажмурился секунд на пять.

— Тогда, может, пока сбегаешь и проверишь, жив ли ты? А заодно, жива ли я. Если ты жив, то и я тоже, надо думать.

Арт задумался. А чтобы не терять время зря, уселся, выставив заднюю лапу пистолетом, и принялся вылизывать... Кстати, что? Под передней лапой подмышка, а под задней? А потом решительно помотал головой. После целой серии наводящих вопросов удалось выяснить, что он хочет дожидаться возвращения Лэрги, к тому же до города далековато, чтобы отправляться туда пешком.

До Осбранты, по моим прикидкам, было километров пятнадцать, и Арт вполне мог добежать туда за час-полтора. Я бы на его месте не раздумывала. Но мало ли какие у него были на этот счет соображения.

За такой странной беседой-пантомимой время побежало чуточку быстрее, но я все равно изнывала от нетерпения, ожидая, когда же наконец вернется Лэрга. А главное — с

какими новостями.

Она появилась уже после обеда. Расстроенная, мрачная.

— Рианна тоже не получила ответа. Значит, с Элией действительно что-то случилось.

— А может, дело в том, что мы больше не ее фамильяры? — предположила я. — Ведь в клубке шерсть Арта. Я думала, это связано.

— Не совсем так, Мария, — возразила Лэрга. — Шерсть я состригла у Арта до того, как разорвала вашу связь. Поэтому клубок должен был найти Элию, даже когда вы уже перестали быть ее фамильярами. И если честно, мы не представляем, как ее искать. Ее тело. Придется созвать общее собрание и назначить нового Хранителя, чтобы он нашел душу Элию в хранилище. Но на это потребуется время, а меня больше всего волнует судьба книги.

— А вы не спрашивали Рианну, не знает ли она, как превратить эфирные тела в настоящие? — меня больше интересовало именно это.

— Спросила, — Лэрга безнадежно махнула рукой. — Не знает. Но тоже слышала, что это возможно. Боюсь, многие слышали, но никто не знает. Может быть, это только легенда. Значит, Арт не хочет, чтобы я поговорила с его родителями?

Он снова замотал головой.

— Если бы Иттон отвез его в город, Арт выяснил бы, успела Элия убить нас или нет, — робко то ли попросила, то ли предложила я.

— Хорошо, — кивнула Лэрга. — Пусть проверит. Но... я не думаю, что это теперь имеет больше значение.

— Почему? — если бы у меня было сердце, оно наверняка провалилось бы в желудок.

— Потому что ваши точки равновесия бродят где-то, как блуждающие огоньки. И найти их так же непросто, как и красную книгу. А может, еще сложнее.

— Но если новый Хранитель найдет душу Элии, она ведь сможет рассказать, что с ней случилось? Чтобы знать, где искать ее тело. И книгу. И точки.

— Сможет. Если, конечно, захочет, — Лэрга подхватила Арта под брюхо и понесла во двор.

Вместо нее в гостиную вошла Иресса и легла у моих ног. Я наклонилась и погладила ее.

— Я не знаю точно, что с тобой случилось и почему ты решила покончить с собой, но очень тебе сочувствую. Жаль, что ничем не могу помочь.

Иресса подняла голову и посмотрела так, что мне стало не по себе.

[1] dolce far niente (итал.) — сладкое безделье (ничегонеделание)

— Ну вот, Иттон повез Арта в город, — устало сказала Лэрга, вернувшись в комнату. — Рианна послала Зеллу оповестить ведьм о собрании. Сейчас я тоже отправлю Митриса и хоть немного отдохну. А у вас что тут за посиделки?

Иресса подняла голову и внимательно посмотрела на нее.

— Ты уверена? — тонкие брови Лэрги изумленно взлетели. — Действительно хочешь, чтобы я рассказала Марии, кто ты?

Лиса по-прежнему пристально и напряженно смотрела ей в глаза.

— Хорошо, — кивнула Лэрга. — Как скажешь. Мария, Иресса просит рассказать тебе, что с ней произошло. Но это должно остаться в тайне. Не говори ни Арту, ни Иттону, ни, тем более, Арнису.

— Ну Арту понятно, — удивилась я. — Иттону тоже. Но Арнис-то тут при чем? Я не думаю, что еще встречусь с ним. Но даже если вдруг, какое отношение он имеет к Ирессе?

— А ты не догадываешься?

— Нет... — и тут до меня дошло. — Подождите-ка! Нет!!! Не может быть!

— Да. Иресса — это прозвище.

Ну конечно, «ире» на языке Энигерны — «рыжий». «Иресса» — что-то вроде «рыженькая», «рыжуля».

— Королева?

— Да, королева Янта, мать Арниса. Она слишком сильно любила короля Гиндара, и когда тот сделал Рианну своей любовницей...

Иресса закрыла глаза хвостом.

— Как печально... — вздохнула я. Это, конечно, прозвучало глупо, но что еще я могла сказать? — А Рианна знает?

— Разумеется, нет. Никто не знает, кроме меня. Это произошло здесь, пока меня не было. Она нашла в черной книге рецепт зелья, которое убивает так, словно случился сердечный приступ. Все думали, что королева была слишком расстроена изменой мужа. А я чувствовала свою вину. И что не сумела утешить. И что оставила книгу без присмотра. Поэтому пошла в хранилище и заставила старого Нормина, прежнего Хранителя, еще до Кайвина, найти ее душу. Она рассказала, что была в отчаянии, и не отдавала себе отчет в том, что делает. Согласилась стать моим фамильяром и выбрала лису. На воле лисы редко живут больше пяти лет, а дома могут прожить и двадцать.

— Простите, королева Янта...

— Она просит обращаться к ней на ты и звать Ирессой, — перебила меня Лэрга. — Королевы Янты больше нет.

— Прости, Иресса, — я запнулась, но все-таки задала довольно бестактный вопрос. — Ладно король, но как ты решилась оставить сына?

Она посмотрела на Лэргу, и та ответила:

— Арнис уже взрослый, к тому же они никогда не были особенно близки. К сожалению, королевы не кормят своих детей грудью и не воспитывают. Даже ко мне он привязан больше. И это не вина Ирессы, а ее беда. Теперь ты понимаешь, Мария, почему я не люблю и Элию, и Рианну. И, наверно, «не люблю» — это слишком мягко сказано.

Лэрга встала с кресла и понесла в библиотеку сверток, который держала в руках.

— Это одежда для Арта? — спросила я, зайдя следом и прикрыв дверь. — Что сказал ваш сын?

— Он настоящий Герти, смотритель дворца, — усмехнулась она. — Возможно, и удивился, но не подал вида. Просто собрал свою старую одежду и принес мне. Наверно, подумал, что я взяла в любовники конюха и решила его приодеть. Иттона, например. Разумеется, все скоро узнают, что немой слуга Элии теперь работает у меня.

— Кстати, об Иттоне... — я покосилась на дверь и понизила голос. — Может, я слишком любопытна, но... королева-лиса и конюх-волкодлак?

— Он хороший, добрый человек, — пожала плечами Лэрга. — А это главное. Король ее предал. К тому же после смерти все это уже не имеет значения — король или конюх. Вот что, Мария. Собрание должно состояться через три дня, и вам с Артом придется выступить на нем. Тебе перед закатом, ему — сразу после. Рассказать о том, что с вами произошло и как Элия использовала ваши души. Я понимаю, что тебе будет неприятно говорить о своих встречах с Арнисом, но это необходимо. И вот еще что. Я задам собранию вопрос, не знает ли кто-нибудь, как превратить эфирное тело в настоящее. Если нет, мы сможем все вместе обратиться к темным силам и получить ответ — при условии, конечно, что он существует. Потому что надежда найти ваши точки равновесия очень слабая. Если уж тебе придется остаться здесь навсегда, наверно, лучше быть человеком, чем полужабой-полупризраком.

— Разумеется, — я выдавила жалкую улыбку.

— А теперь давай позовем Лесту и примерим ее платье.

Одежда служанки оказалась мне великовата, но определенное представление о моих габаритах она получила и отправилась в город верхом на осле — покупать на рынке наряд простой горожанки. А чтобы я не сидела без дела, Лэрга усадила меня растирать в ступке какие-то сухие травы.

— Их запах навевает сон, — сказала она. — А тебе все равно.

Запахи были мне недоступны, как и прочие чувственные ощущения, так что действительно было все равно: хоть травы, хоть помет нетопырей.

День медленно полз к вечеру. Сначала вернулась Леста с коричневым платьем, похожим на балахон с подпояской. Потом Иттон привез Арта.

— Ну? — сгорая от нетерпения, я выскочила на крыльцо. — Мы живы?

Он кивнул. Я выдохнула с облегчением. Значит, Лэрга успела вовремя. Значит, надежда, пусть и крохотная, с ноготок, но все же есть.

— А родители? Ты точно не хочешь, чтобы они узнали?

Покачав головой, Арт посмотрел на Лэргу, которая стояла у меня за спиной, скрестив руки на груди, и жалобно мякнул.

— Ты намекаешь, что я должна приютить и тебя? — усмехнулась она. — Кот днем и совершенно бесполезный мужчина по ночам? А если я захочу завести любовника? Что он скажет? А мышей ловить будешь?

Арт яростно закивал: и мышей, и крыс, всех переловлю.

— А по ночам можешь приводить в порядок мою библиотеку. Разберешь, сделаешь опись. Только при одном условии. Расскажешь, почему не хочешь вернуться к родителям.

Еще несколько старательных кивков, и Лэрга отвела Арта на кухню, где приказала Лесте накормить его.

— Выходит, нас теперь здесь семеро, — подытожила она, когда он вернулся, сытый и довольно мурчащий. — Как-нибудь поместимся. Что ж... время к закату. Мария, оставайся в гостиной, а ты, Арт, иди в библиотеку. Там я положила одежду для тебя. Не стоит смущать нас своими прелестями.

В этот момент кто-то быстро поднялся по ступеням крыльца. Одновременно со стуком в дверь снаружи донеслось:

— Лэрга, ты дома?

— Арнис! — тихо сказала Лэрга, повернувшись ко мне. — Не бойся, Мария, я выйду и скажу ему... что не одна. Поговорю с ним в саду.

Я вдохнула поглубже ненужный мне воздух и решилась.

— Нет. Пусть войдет. Думаю, ему лучше обо всем узнать. Солнце уже садится. Пусть увидит меня... жабой. Чтобы не осталось никаких иллюзий.

Когда от душевной боли разрывает в клочья, обычно в этом участвует все тело. Но сейчас моя боль гнездилась лишь в мыслях. Может быть, поэтому она была не такой острой, зато... концентрированной, что ли? Плотной, густой, тягучей.

— Здравствуй, Арнис, — Лэрга открыла дверь. — Входи. Что-то случилось?

— Помнишь, я тебе говорил про девушку, которую встретил у озера? Я уже два дня ее жду, но она не появляется. Помоги мне найти ее.

Тут он вошел в гостиную, увидел меня и замер с приоткрытым ртом. Вид у него при этом был довольно глупый.

— Мария?! — наконец удалось ему выдать из себя. — Но... почему ты здесь? И что с тобой?

Он смотрел на меня во все глаза, а я пыталась сообразить, что именно удивило его больше всего: что я оказалась в доме Лэрги, что я такая страшная или что на мне платье прислуги.

— Сядь, Арнис, — Лэрга подтолкнула его к креслу. — Времени мало, но если Мария не успеет все рассказать, я закончу.

Краем глаза я заметила, что Арт вышел из библиотеки и сел в углу, но Арнис не обратил на него внимания. Опустившись в кресло, он продолжал смотреть на меня. Лэрга устроилась напротив, а я села на стул. Собралась с мыслями и начала рассказывать, перескочив через пролог, в результате которого оказалась в хранилище неприкаянных душ.

Будь я настоящей, наверняка бы разрыдалась, а так говорила вполне спокойно. Только иногда останавливалась, чтобы унять мысленную истерику.

— Жаба... — с брезгливой гримаской пробормотал Арнис, когда я дошла до того, как впервые оказалась в эфирном теле. Плакать захотелось еще сильнее. — Так вот зачем она нужна была Элии. Я встретил ее, когда ехал от тебя, Лэрга. Она тогда еще пошутила, что сделает из жабы приворотное зелье. Для меня. Значит, это была не шутка. Значит, все, что я чувств... чувствовал к Марии, — магия?

Я заметила эту запинку. Не «чувствую», а «чувствовал».

Нет, все-таки хорошо, что эфирные тела не могут плакать.

— Нет. Магией было то, что ты смотрел на Элию, а видел Марию. И тебя тянуло к Элии точно так же. Но то, что ты влюбился в Марию, это был твой выбор. Хотя, конечно, Элия ее... приукрасила флером.

— Вот именно, — Арнис с досадой покосился на меня, и я закрыла глаза, спрятавшись от его раздраженного взгляда. — Вряд ли бы я влюбился, увидев ее... такой.

— Арнис, придержи язык! — сердито прикрикнула Лэрга. — Мария ни в чем не виновата.

— Да? Ни в чем? Она притворялась, что я тоже ей... интересен. И ничего не сказала.

— Я не притворялась, — теперь это было неважно, но мне не хотелось, чтобы он так думал. — И я не могла тебе ни о чем рассказать.

— Ее жизнь была в руках Элии, — поддержала меня Лэрга. — И потом ты уж точно не

стал бы притворяться, разве нет?

— Разумеется. Да я бы ей голову оторвал, — отрезал он и уточнил: — Элии.

— Вот. И все бы нам испортил. Иттон, слуга Элии, волкодлак и может говорить с фамильярами. С его помощью Мария обратилась ко мне. Чтобы спасти тебя, дурака. Нам нужно было дождаться новолуния, только тогда мне удалось разорвать связь между Марией и Элией, а значит, между Элией и тобой. А твоя... настойчивость могла все погубить. Если бы Мария не удержала тебя на расстоянии, ты бы попал в руки Элии навсегда.

— Вот как?.. — насмешливо протянул Арнис. — Значит, это меня ждало? Заняться любовью с призраком, а потом обнаружить себя женатым на ведьме? Интересно, я так и видел бы до конца жизни рядом с собой Марию?

— Нет, — похоже, Лэрга с трудом сдерживала гнев. — Ты видел бы рядом с собой Элию. Но куда бы уже от нее не делся. Поэтому можешь поблагодарить Марию за то, что этого не произошло.

— Серьезно? Может, поклониться и поцеловать ее туфли? Или подождать, пока она превратится в жабу?

Я так и сидела с закрытыми глазами, поэтому обычное для выхода из эфирного облика затемнение прошляпила. И только по изменившимся ощущениям поняла, что оказалась в жабьем теле, мирно дремавшем весь день в темном уголке библиотеки.

Открыв глаза, я увидела Арта, который в чем мать родила перебирал лежащую на кресле одежду. Возможно, в иной ситуации я бы оценила это зрелище по достоинству. Во всех смыслах. Потому что — и с точки зрения эстетики, и с точки зрения эротики — там было на что взглянуть. Но сейчас мне точно было ни до чего. И не только потому, что я снова стала жабой. Слова Арниса стояли в ушах и жгли напалмом.

— Проклятье, — хоть Арт и не мог почувствовать мой взгляд, все равно меня заметил. — Из гостиной ушел вовремя, но забыл, что жаба в библиотеке. Лэрга могла бы и сообразить, что на закате мы окажемся тут одновременно. Ничего, на рассвете я тоже полюбуюсь на тебя голую, и мы будем квиты.

Он быстро натянул белые подштанники и остальную одежду, вполне так приличную. Похоже, дворцовый распорядитель был большим щеголем, если отдал ее Лэрге в качестве ненужного старья. Выглядел Арт ничем не хуже Арниса. Придворный костюм цвета кофе с молоком выгодно подчеркивал широкие плечи, тонкую талию и узкие бедра. Конечно, спутанные немытые волосы, неопрятная щетина и впалые щеки никуда не делись, но ведь и я в эфирном облике была ничем не лучше.

— Я все слышал, Мари, — он наклонился и взял меня в руки. — Поверь, мне очень жаль.

Чтобы успеть рассказать побольше, я ни разу не упомянула об Арте, и теперь его появление стало для Арниса не меньшим шоком, чем мое присутствие в доме Лэрги.

— За два года ничего не изменилось, — усмехнулся Арт, стоя в дверях между библиотекой и гостиной. — Ты все такой же мерзавец, Арнис.

А ведь совсем недавно Арт доказывал мне, что Арнис вполне так неплохой парень.

Мысль эта получилась мутной и невнятной.

— Арт?! — вытаращил глаза Арнис. — Но ты же... Да что ты себе позволяешь?!

— А что ты мне сделаешь? — Арт глумливо усмехнулся, переложил мою одежду со стула на стол и сел, пристроив меня на коленях. — Прикажешь бросить в тюрьму за неуважение к наследнику престола? И отрубить голову? Ну попробуй. Только учти, я по-прежнему в зачарованном сне, а то, что ты видишь, — эфирное тело. Такое же, как у Марии. Отрубить ему голову будет крайне сложно. Конечно, можно отрубить голову коту, в теле которого мне приходится обитать днем, но это просто кот. Да, я тоже был фамильяром Элии, если ты не понял.

Лэрга сидела, скрестив руки на груди и опустив голову. Судя по выражению ее лица, ей было страшно стыдно за Арниса, и тут я могла только посочувствовать. Но не она же его, в конце концов, воспитывала.

— Тебе лучше уйти, — сказала она. — Со стороны Элии тебе больше ничего не грозит, о Марии ты все знаешь. Что еще?

— И правда, ничего, — Арнис презрительно скривил губы и встал. — Даже если бы Мария осталась такой же прекрасной, все равно она... жаба. Это только в сказках принц целует лягушку, и та превращается в принцессу.

Я вспомнила свой сон в первую ночь, едва попала в этот мир. Да, Арнис меня поцеловал, но в принцессу я не превратилась. И даже просто в Машу Соколову. Ни во сне, ни наяву.

— Кажется, до тебя не дошло, Арнис, что, если бы Мария не постаралась тебе помочь, ты, возможно, был бы уже мужем Элии, — Арт посадил меня на стол и тоже поднялся. — Ну, или, как минимум, полностью потерявшим голову и одуревшим женихом. И даже если вся твоя влюбленность в... жабу испарилась в одну минуту, ты мог хотя бы поблагодарить ее.

— Я понял! — расхохотался Арнис. — Ты сам в нее влюблен. В жабу Марию! Поэтому так и бесишься. Тебе-то рассчитывать не на что. Она тебя не полюбит ни котом, ни этим немытым эфирным пугалом в платье, которое я видел в прошлом году на сыне Лэрги.

В следующее мгновение он с грохотом отлетел в угол и сполз по стене, свалив подставку с вазой, к счастью, металлической.

— Все-таки у эфирного тела есть кое-какие преимущества, — Арт посмотрел на свою руку. — Была бы настоящая, размолотил бы о твои зубы.

Арнис поднялся, сплюнул кровь, дотронулся до разбитой губы.

— Я очень надеюсь, Лэрга, — он поморщился: видимо, говорить было больно, — что ты не оставишь их у себя. Ни того, ни другого.

— Ты мне угрожаешь? — прищурилась она.

— Нет. Я рассчитываю на твое благоразумие.

Дверь хлопнула, во дворе заржал конь, лязгнули ворота.

— Он забыл, кто я, — Лэрга усмехнулась. — Этим миром правит магия, и даже король не осмеливается перечить ведьмам.

— Но ваш срок полномочий истекает очень скоро, — возразил Арт. — От Арниса можно ждать чего угодно.

— Верховной ведьмой вместо Элии станет моя племянница Тиана. Не думаю, что Арнис рискнет со мной ссориться. Да и с Рианной они не в лучших отношениях. Хотя видят темные силы, как мне больно от этой ситуации. Да, Арнис был со мной только

маленьким, потом его воспитывали другие люди, но он все равно мне как сын. А уж каково было бы его родной матери... Побудь здесь, Арт.

Я поняла, куда она собирается идти, и завозила лапами по столу, пытаясь привлечь к себе ее внимание. Лэрга услышала. Взяв меня в руки, прошла в свою спальню и плотно закрыла дверь.

Иресса лежала на ковре у камина, и из ее глаз текли самые настоящие слезы. Она хотя бы могла плакать!

Лэрга присела рядом и опустила меня на пол. Ничего не говоря, прижала Ирессу к себе, и я тоже, как могла, гладила ее лапой.

— Иди побудь с Иттоном, — предложила Лэрга. — Этой ночью он еще может превратиться в волка. Прогуляйтесь по лесу. И не вини себя, прошу.

Иресса лизнула меня, встала и подошла к двери. Выпустив ее, Лэрга вернулась ко мне и снова села рядом на ковер.

— Не собираюсь оправдывать его, Мария, но сейчас в нем говорят злость и досада. Возможно, потом он пожалеет о своих словах. Но знаешь... может быть, это и к лучшему. Что Арнис показал себя с такой стороны. У ваших чувств изначально не было никакого будущего. Я понимаю, влюбленность не погасить в один момент, как свечу, и тебе долго еще будет больно. Но лучше разочароваться, чем до конца дней думать, что все могло быть иначе. При других обстоятельствах. Потерпи, девочка, это пройдет.

Я подумала, что Лэрга права во всем, кроме одного. Даже разочаровавшись в Арнисе, я не смогу отделаться от мыслей, что все могло сложиться иначе. Да, при других обстоятельствах. И... будь он сам другим. Таким, каким я хотела бы его видеть? Придуманным?

Маша, Маша, ты не только королева оленей, но и чемпионка вселенной по граблехождению. Сначала придумала идеального Вадима и влюбилась в него, хотя понимала, что не такой уж он прекрасный принц. А потом, схлопотав по морде, повторила все с настоящим принцем, который тоже отнюдь не прекрасен. Ну, за исключением внешности, конечно. Ничему тебя жизнь не учит, овца. Овечья жаба!

— Но Арт... — Лэрга усмехнулась и покачала головой. — Каков, а? Похоже, два года в шкуре фамильяра его основательно изменили. Нет, он всегда был очаровательным, но уж больно легкомысленным. За что и поплатился. Или я просто не знала его с этой стороны? Ладно, Мария, пойдем к нашему герою. Узнаем, почему он не захотел открыться родителям и остаться с ними.

Арт сидел на месте Арниса и мрачно смотрел на огонь в камине.

— Простите, — сказал он, даже не обернувшись на звук шагов. — Я не должен был...

— Перестань, — Лэрга положила руку ему на плечо. — Он заслужил это. Лучше расскажи нам то, что обещал. Почему ты не хочешь, чтобы родители знали о тебе?

— Они смирились с тем, что я, вроде, и не мертв, но и не жив. Мое тело лежит в самой дальней комнате, к нему приставлен слуга, который за ним ухаживает. Как понимаете, не слишком усердно. Видеть меня днем котом, а ночью призраком... Это будет для них еще одним ударом. И напоминанием. Возможно, я неправ и какие-то обстоятельства заставят меня изменить свое мнение, но пока так.

— Особенно если Арнис не сочтет нужным держать язык за зубами, — заметила Лэрга. — Ты же знаешь, как быстро во дворце разлетаются слухи.

— Не думаю, что он захочет выставить себя таким дураком. Но кто знает. Посмотрим. Я хотел бы попросить вас, Лэрга, об одолжении. Можно сделать так, чтобы в момент перевоплощения мы с Марией не оказывались рядом?

— Извини, — засмеялась она. — Как-то не подумала. Хорошо, буду оставлять жабу на день в гостиной. Хотя почему я? Мария может и сама ее устроить. Главное, чтобы из дома случайно не уползла, ищи ее потом.

В этот момент из библиотеки вышел кот и уселся посреди комнаты. Почесал лапой за ухом, подумал и запрыгнул на колени к Арту.

— Это похоже на бред в горячке, — усмехнулся тот, глядя кота. — Я держу на руках тело, в котором мне предстоит провести остаток своей жизни. Ну, половину остатка. Интересно, он понимает, что я — это то самое, два года мешавшее ему жить его собственной кошачьей жизнью?

— Сомневаюсь, — Лэрга тоже погладила кота по голове. — Но что-то нежное к тебе он явно испытывает. Наверно, чувствует, что вы связаны.

Тут Леста позвала ее ужинать, и Лэрга, потеснив кота, посадила на колени к Арту и меня. Обнюхав, кот осторожно тронул меня лапой и спрыгнул на пол, но далеко уходить не стал, устроился у камина.

— Знаешь, Мари, — дождавшись, когда Лэрга уйдет, Арт положил руку мне на спину. — Если б знать, как все обернется, так, наверно, и не стоило Арнису помогать. Позволила бы ты ему все, хоть удовольствие получила бы. И Элия стала бы для него идеальной парой. Хотя да, ты бы удовольствия не получила. Забыл, прости. Надеюсь, ты не думаешь, что я... Впрочем, это не имеет никакого значения.

Не думаю — что? Что ты действительно в меня влюблен, как сказал Арнис? Нет, об этом я вообще не думаю. Ты прав, даже если и так, никакого значения это не имеет. К тому же для меня ты только кот... то есть друг, а чужие чувства, на которые я не могла ответить, никогда не доставляли мне радости.

Вспомнился бестолковый и никому не нужный секс с Мишкой. И хотя все это осталось в прошлой жизни, лучше б я помнила о нем как о друге, без этого досадного финального аккорда. Но с Артом мне подобное точно не грозило. К счастью — если можно так выразиться.

Вот только надо ли это озвучивать? Тем более если не было никаких признаний и прямых вопросов в лоб? Пожалуй, нет. Не каждая информация нуждается в вербализации, как любил говорить мой отец. Тем более мы снова замерли в ожидании. Только если раньше ждали, что Лэрга избавит нас от власти Элии, то теперь — ведьминского соборща. Найдутся ли наши точки равновесия и вернемся ли мы в свои тела? На это я уже почти не надеялась. А вот на запрос коллективного разума к неким высшим темным силам — очень даже. Ведь слухи не возникают на пустом месте. Многие слышали, что эфирные тела могут стать настоящими, но никто не знал, при каких условиях.

— Ну что, Мари, — Арт взял меня в руки и встал, — пойдем приводить в порядок библиотеку Лэрги? Не волнуйся, утром я отнесу тебя сюда. Хотя, конечно, было бы очень заманчиво забыть. Но вдруг ты в голом виде так прекрасна, что это перевесит твою немую голову? И станет дополнительным источником огорчения?

Я цапнула его пастью за палец, в который уже раз пожалев, что у жаб нет зубов. Вспомнилось детское: «у рыбам нет зубов». В голове закрутилось в ритме марша: «У жабам нет зубов. У жаб нет зуб. У жабеи нет зубей».

Арт пододвинул кресло поближе к камину и посадил меня на подушку, а сам зажег еще несколько свечей в подсвечниках и начал снимать книги с нижней полки крайнего шкафа.

— Да, тут мне работы хватит до конца котовьей жизни, — он даже присвистнул от удивления. — Они на полках стоят в четыре ряда, и все перепутано. Похоже, этой библиотекой никто не занимался лет сто, только добавляли новые книги, причем как попало. Видимо, их собирал господин Герти, потому что колдовские у Лэрги на полке над столом. Вот смотри, «О неведомых тварях». Хочешь, почитаю тебе?

Арт показал мне переплетенный в кожу фолиант, на форзаце которого красовалась гравюра с изображением гигантского спрута, схватившего щупальцами корабль. Перелистывая страницы, он время от времени читал мне самые интересные, по его мнению, места. Сначала я слушала только из вежливости — а куда деваться? Но потом описания всяких загадочных бестий все-таки меня заинтересовали. Да и голос Арта, пусть не такой чарующий, как у Арниса, был довольно приятным.

Мы так увлеклись, что и не заметили, как начался новый день. Лэрга зашла пожелать нам спокойной ночи, и Арт тут же потребовал доставить ему несколько чистых писцовых книг, чернил и перьев, чтобы приступить к составлению каталога.

— Вижу, что твой кот даром есть хлеб не будет, — улыбнулась она. — Мышей, кстати, у меня нет, так что, считай, ты работаешь за двоих. Отправлю Иттона в город, пусть купит все необходимое.

Ближе к утру я задремала, и, уже погружаясь в сон, слышала шорох книг, которые Арт снимал с полок, и шелест страниц. И даже успела подумать, что свет, поднимающийся снизу, от камина и стоящих на полу подсвечников, делает его лицо загадочным и таинственным.

Проснулась я от не слишком нежных прикосновений.

— Скоро рассвет, Мари, — Арт принес меня в гостиную и посадил на кресло. — Пора. А меня кот ждет. То есть, конечно, не ждет совсем, но пойду к нему.

Окна комнаты выходили на запад, поэтому было еще темно. Но вот на востоке, невидимо для меня, солнце выбралось за горизонт, и я снова превратилась в полупрозрачное облачко, поднявшееся над жабьей тушкой. Облачко сгустилось, уплотнилось — все, можно было одеваться. Из всей ежедневной человеческой рутины мне осталось только это, и больше ничего.

Я взяла в руки жабу, сидящую в кресле, и снова, как в ту ночь в хранилище, почувствовала к ней симпатию и жалость на грани слез.

— Бедная ты, бедная, — я погладила ее по спине. — Жила своей жабьей жизнью, и вдруг тебе навязали меня.

Это действительно было очень странное ощущение, и я в полной мере поняла слова Арта — каково это, держать в руках свое тело. Она посмотрела на меня печально, словно понимала, о чем я говорю. Как знать, может, и правда понимала?

Днем камин в доме не топили, потому что и так было достаточно тепло, поэтому я устроила жабу в темном уголке подальше от сквозняков. И подумала, что надо будет вынести ее в сад — пусть прогуляется и поохотится.

Арт сидел посреди библиотеки и намывал морду лапой. Вокруг громоздились стопки книг, разложенных по темам. Казалось, что их страшно много, а ведь это было содержимое всего трех нижних полок одного из шкафов. Услышав мои шаги, Арт бросил свое занятие и принялся усердно тереться об мои ноги, громко мурлыча.

— Пользуешься моментом? — усмехнулась я и взяла его на руки.

Он обхватил мою шею лапами и начал осторожно покусывать мочку уха. Надо же, какие нежности!

— Пока Лэрга не проснулась, давай помогу тебе немного, — я опустила его в кресло. — Читать не умею, поэтому буду просто пыль вытирать. Жаль, пылесоса нет. Это такая вещь, которая сама пыль убирает. Бак с трубкой, засасывает ее внутрь. У нас вообще много таких штук, которые всякую работу вместо людей делают. Посуду, например, моют. Стирают.

Арт покачал головой, всем своим видом показывая: чего вы только не придумаете, лишь бы не работать. Хотя у Элии, кстати, платья сами расстегивались и застегивались.

Я принесла с кухни тряпки и принялась за работу, беседуя между делом с Артом. Беседа это, конечно, была больше односторонней. Я что-то рассказывала или задавала вопросы, на которые он мог ответить «да», «нет» или «не знаю». Так незаметно время подошло к обеду. Лэрга уехала по делам, я вынесла жабу в сад и присела на ступеньку крыльца, наблюдая, чтобы не уползла далеко. Арт пристроился рядом, греясь на солнышке.

День выдался чудесный: тихий, теплый. Но — словно по контрасту — на душе у меня после слов Арниса была такая чернота, хоть вой. Почти как в тот день, когда Вадим на планерке раздал приглашения на свадьбу. Тогда мне не помогли ни еда, ни секс, ни выпивка, а тут и возможности такой не было. Я даже не могла пойти в спортзал и отпахать пару часиков до полного изнеможения, чтобы упасть и ни о чем не думать. Иными словами, мне было недоступно ничего из того, что может хоть как-то заглушить душевную боль, отвлечь от нее.

Но, с другой стороны, такая боль у человека всегда вызывает телесные реакции, потому что все слишком тесно связано. Эфирная оболочка от этого была избавлена, да и телу жабы страдания моего сознания были не понятны. И все-таки я хотела хоть как-то отвлечься, потому что без конца прокручивала в память вчерашнюю сцену. И цеплялась за сказанное Лэргой: «Сейчас в нем говорят злость и досада. Возможно, потом он

пожалеет о своих словах».

Я прекрасно понимала, что это глупо и бессмысленно. Что Арнис действительно показал себя во всей красе и никаких иллюзий на его счет у меня быть не должно. Но где-то в самой-самой темной глубине сидел крохотный червячок, который отчаянно надеялся, что ведьмы все-таки узнают, как превратить эфирное тело в настоящее, и тогда...

Что тогда? Ты помоешь голову, и Арнис тебя снова захочет?

Ну и дура же ты, Маша. Какая же ты все-таки дура!

Как бы там ни было, я поняла, что не могу больше вот так сидеть без дела, чесать за ухом Арта и следить за жабой. Пойти, что ли, по лесу пройтись? Или лучше верхом? Даст Иттон мне своего коня? От себя и своих мыслей, конечно, не убежишь, но хоть какой-то приток внешних впечатлений.

Я отнесла жабу в дом, устроила ее в гостиной поудобнее и отправилась на конюшню. Иттон, прочитав по губам мою просьбу, посмотрел с жалостью и кивнул. Оседлал неказистого мышастого коня с белесыми ресницами, вывел во двор, помог забраться в седло.

— Не скучай! — крикнула я Арту. — Скоро вернусь. Прокачусь немного.

Серый меланхолично брел по дороге и абсолютно не реагировал на мои попытки его прищипорить. Это было так же нудно, как и сидеть на крыльце. Да и пейзаж глаз особо не радовал: однообразный редкий лес с обеих сторон. Я решила, что доеду до города и вернусь обратно, но вдруг очутилась на развилке.

Направо или налево? Или назад?

Возвращаться еще не хотелось. Камень-ножницы-бумага... налево.

Дорожка вилась змеей, и вдруг, совершенно неожиданно, за деревьями мелькнула сверкающая золотыми искрами синь. Озеро!

Я выехала на обрыв, остановилась. Место это было мне незнакомо. На противоположном берегу виднелись городские стены. Видимо, дорога забирала далеко в сторону от того места, где мы встречались с Арнисом.

Наверно, я даже не очень удивилась, когда услышала за спиной стук копыт и знакомый до боли голос:

— Мария?

Черт, я ведь вовсе этого не хотела.

Или... хотела?..

— Вы меня преследуете?

Это была не шутка, Арнис на полном серьезе обращался ко мне на вы. Лицо его стало жестким, взгляд — ледяным. Серые глаза напоминали питерское небо в ноябре.

— С чего ты взял? — я подчеркнула «ты» голосом. — Конечно, все королевство твое... то есть будет твоим... но, если не ошибаюсь, никому не запрещено гулять вокруг озера. Это даже не то место, где мы с тобой встречались.

— Я бы тоже не пошел на то место. Ты — последний человек на свете, которого мне хотелось бы увидеть, — он все-таки перешел снова на ты, но лучше бы этого не делал. — Хотя... ты даже и не человек. Жаба. И призрак.

— По-твоему, я в этом виновата?

Это были такие качели. То я жалела, что эфирное тело не может плакать, то, наоборот, радовалась этому.

— Возможно, и нет. Но какое это имеет значение? Темные силы, я целовал жабу! Хотел ее! Сходил по ней с ума!

— Говорят, эфирное тело может стать настоящим...

Как же я ненавидела сейчас себя за эти слова!

Арнис расхохотался, и смех этот был, как поток ядовитых колючек.

— Неужели ты на что-то еще рассчитываешь? Даже если б это было правдой... Мария, мой добрый совет, забудь обо всем. Считай, что мы никогда не встречались. Если ты и станешь человеком, это уже ничего не изменит. И будь добра, найди себе другое место для прогулок. Надеюсь, больше я тебя никогда не увижу.

— Арт прав, ты действительно мерзавец, — не выдержала я. — Если я о чем и жалею, так о том, что не переспала с тобой. Пусть бы Элия забирала тебя, вы с ней были бы прекрасной парой.

Зло сощурившись, Арнис заставил коня сделать несколько шагов в мою сторону и с маху влепил мне пощечину. Да так, что я едва удержалась в седле.

Нет, больно не было. По ощущениям это ничем не отличалось от его поцелуев. Просто прикосновение. Но... это была точка. Весомая такая точка. И, наверно, мне надо было сказать за нее спасибо.

Никаких иллюзий. Никаких больше надежд. Оставалось только сцепить зубы и ждать, когда пройдет боль в душе. Перебираться потихоньку из одного дня в другой, как жаба ползком с места на место. Лэрга так и сказала: все пройдет. Банально — но лишь потому, что верно.

Арнис давно скрылся за поворотом, только шелест листьев нарушал тишину, да волны плескались под обрывом. Но я все стояла, прислонившись к крупу серого, и смотрела, как играют в воде солнечные искры. Пока не спохватилась, что солнце клонится к закату. Надо было поспешить, чтобы Иттону не пришлось в потемках разыскивать в лесу уже своего коня.

— Я беспокоилась за тебя, Мария, — сердито сказала Лэрга, когда я вошла в гостиную. — Разве можно?..

Посмотрев на мое лицо, она осеклась и покачала головой.

— Ты была у озера? Виделась с Арнисом? Я так и подумала, когда Иттон через Ирессу передал, что ты взяла коня.

— Да, но я не рассчитывала, что так получится. Хотела просто прокатиться до города. На развилке свернула не туда, оказалась на берегу. И он был там.

— Представляю, что он тебе сказал, — Лэрга сочувственного вздохнула. — Но... может, и к лучшему.

— Определенно к лучшему, — я села в кресло и зажмурилась. — Хотя кто бы знал, как мне сейчас мерзко.

Я почувствовала прикосновение к волосам: Лэрга гладила меня по голове. Потом на колени мягко запрыгнул Арт и поддел башкой мою руку: лучше меня погладь. И еще что-то коснулось ноги. Открыв глаза, я увидела Ирессу, которая свернулась клубочком, положив голову мне на туфли.

— Спасибо! — сказала я всем сразу. И подумала, что вряд ли очутилась бы здесь, если было бы кому вот так поддержать меня в моем мире.

Я боялась, что Арт, получив возможность говорить, пройдет ехидно насчет моей встречи с Арнисом, но он деликатно промолчал. Как будто и не слышал ничего. И я была ему за это крайне признательна.

Ночью мы с ним продолжали разбирать библиотеку. То есть разбирал, конечно, Арт, но показывая мне всякие необычные книги и зачитывая из них отрывки. Иттон отвез в город записку Лэрги, которая заказала торговцу несколько чистых писцовых книг, а пока Арт занимался сортировкой.

— Хочешь, я поучу тебя читать, Мари? — предложил он. — Главное — запомнить буквы.

Книги в библиотеке были и рукописные, и печатные. Арт выбрал одну, печатную, с крупным шрифтом, посадил меня к себе на колени и начал показывать буквы, произнося звуки, которые ими записывались. Язык Энигерны оказался довольно легким в плане графики и фонетики, каждой из тридцати букв строго соответствовал один звук. То есть как слова произносились, так они и писались. Да и сами буквы были не слишком сложными, чем-то похожими на руны. Жаль только, что повторять их за ним я могла лишь про себя.

Ближе к утру Мари приспичило на улицу по нужде. Мари — так я решила ее называть, чтобы отличать от своего я — Маши и эфирной Марии.

— Вынести тебя? — сообразил Арт, когда я завозила и начала показывать лапой на дверь.

Закончив со своими делами и поймав заодно несколько ночных мотыльков, я вернулась к нему. Мы сидели рядышком на крыльце и смотрели на небо. Восточный край уже начал светлеть, но на западе оно было усыпано звездами, среди которых потерялся тоненький, как срезанный ноготь, месяц. Вдруг сверкнул и погас тонкий штрих света.

— Звезда упала. Видела? У нас загадывают желания. Но рассказывать нельзя, иначе не сбудется. Я успел загадать. А вдруг...

Интересно, что же он загадал? Не слишком сложная загадка. И даже спрашивать не обязательно.

Следующие два дня прошли уныло и однообразно. Погода испортилась, накрапывал мелкий дождь, и я выходила из дома, только чтобы выгулять Мари. Она шепуршала в мокрой траве, а я следила за ней с крыльца, где можно было не мочить платье.

С ума сойти, а ведь мне раньше страшно не нравились жабы, лягушки и прочие подобные твари. Не до такой степени, конечно, как Арнису, но все равно никаких симпатий к ним я не испытывала. Однако, пообщавшись тесно — очень тесно! — с Мари, внезапно ее полюбила. И она стала казаться милой и трогательной. Я даже разговаривала с ней, почти как с Артом. Хотя вряд ли она меня понимала.

Мы с Лэргой занимались всякими ведьминскими делами, суть которых мне была неизвестна. На мою долю выпадала техническая работа: растирать в ступке травы и минералы, смешивать компоненты для зелий. Попутно Лэрга рассказывала мне, Ирессе и Арту о жизни при дворе. Впрочем, многое она деликатно обходила стороной. Так я ничего не услышала ни об Арнисе, ни об Элии, ни о Рианне. Впрочем, и о короле при Ирессе Лэрга старалась лишний раз не упоминать.

Арт днем больше спал, или у камина, или у меня на коленях. Да и вообще старался держаться рядом со мной, а если и выходил из дома, то ненадолго. По ночам мы продолжали заниматься библиотекой и чтением. То, что удавалось запомнить ночью, я повторяла днем вслух, уже сама.

Все это отвлекало от мыслей об Арнисе, но не так сильно, как хотелось бы. Нет, я больше ни на что не надеялась, не вспоминала о наших встречах на берегу. Но от сожаления, что все сложилось именно так и что он — такой, отделаться не могла. Если бы все было иначе... Я понимала, этим нужно переболеть. Гнать эти мысли — только огонь раздувать. Поэтому не мешала им... думать. Пока не перебродят и не улягутся.

Мы с Лэргой сидели за столом и готовили какое-то снадобье, когда оконное стекло задрожало под ударами мощного клюва.

— Вот и Митрис, — кивнула она и встала, чтобы впустить его. — Ну как, мой дорогой, все будут?

Ворон хрипло каркнул и полетел в библиотеку отдохнуть в своей клетке.

Мне было непонятно, как сова и ворон за три неполных дня умудрились известить ведьм со всего света. А еще — как они успеют добраться до Энигерны. Но это были их тайные колдовские штучки, в которые мне совершенно не хотелось вникать. Главное — чтобы собрались.

— А вот дождь мне совсем не нравится, — Лэрга поджала губы. — Хоть и недалеко ехать, а все равно мокнуть не хочется. Поможешь мне, Мария?

Она принесла из кухни большую миску с водой, с которой прошла в библиотеку. Я осталась в гостиной, прислушиваясь к загадочным звукам: там что-то булькало и шипело. Наконец Лэрга вернулась, и мы вышли на крыльцо.

— Держи! — она отдала мне миску, где хлопотала и пузырилась густая опаловая жидкость.

Опуская в миску большую кисть-кропило, Лэрга разбрызгивала зелье на все четыре стороны и напевала что-то заунывное. Не прошло и пяти минут, как начался сильный ветер. Деревья гнулись и стонали, размахивая ветвями. В каминной трубе завывало так, что мне стало жутко. Низкие тучи разрывались в клочья и разлетались во все стороны, обнажая сквозь прорехи голубое небо.

— Ну вот и прекрасно, — Лэрга бросила кропило в миску. — Ни сегодня, ни завтра дождя больше не будет. Через пару часов пора выезжать. Тебе ведь надо предстать перед собранием до заката. Главное — жабу не забыть.

Она настояла, чтобы я надела ее синее платье и заплела свои ужасные волосы в косу. Намного лучше не стало, но все-таки не совсем замарашка. Мари я посадила в

полотняную сумку, почти такую же, как была у Элии. Иттон вывел из конюшни оседланных лошадей: игреневого жеребца для Лэрги и буланую кобылу для меня. Я приторочила сумку к седлу, а Арта устроила перед собой.

«Тра-та-та, тра-та-та, мы везем с собой кота», — навязчиво крутилось в голове. Чирика и собаки не было, обезьяны тоже, а за попугая вполне мог сойти Митрис, гордо восседавший на плече Лэрги. Иресса осталась дома. Иттон, помахав вслед, закрыл за нами ворота.

Мы поехали по тому же пути, как и я, когда решила прокатиться. Сначала до развилки, потом в сторону озера. Дорожка вывела к берегу, к обрыву, на котором я в последний раз видела Арниса, и мне стало совсем тошно. Его слова опять звучали в ушах. Я никому не сказала о том, что он ударил меня. Как ни сочувствовали мне Лэрга и Иресса, им было ничуть не легче, чем мне. Мать и кормилица, они любили его, несмотря ни на что, и я не хотела, чтобы им было еще больнее.

С берега тропа снова нырнула в лес. Углубляясь в чащу, она становилась все более узкой, почти незаметной, пока не исчезла совсем у подножья крутой скалы, поросшей редким кустарником. Лэрга подняла руку и начертила в воздухе крест. По скале зазмеилась черная трещина, и камни разошлись в стороны, образовав узкий проход, чтобы тут же сдвинуться у нас за спиной.

Мы оказались в темном коридоре, стены которого тускло светились, как гнилушки. Стоило только спешиться, и коней подхватили под уздцы невидимые слуги.

— Идем, Мария, — приказала Лэрга, и я послушно двинулась за ней, неся в одной руке сумку с Мари, а другой придерживая Арта, обнимавшего меня лапами за шею.

Наверно, мы прошли этим коридором уже половину Энигерны, когда впереди показался свет. Приближаясь, он становился все ярче, и я услышала гул множества голосов. Еще несколько шагов — и коридор влился в огромный зал, как река впадает в море.

Свет на мгновение ослепил, но потом глаза привыкли к нему, и я разглядела множество женщин. Тут были совсем еще девочки и молодые девушки, зрелые дамы и дряхлые старухи. Яркие, как бабочки, и одетые в черное. Впрочем, кое-где, редкими вкраплениями, мелькали и мужчины, в богатых костюмах или в длинных черных балахонах.

Я взглянула на Лэргу и не узнала ее. Это была королева! И настоящая королева Рианна, стоявшая на возвышении в центре, показалась рядом с ней бледной тенью.

— Приветствую вас, мои дорогие! — сильный властный голос, похожий на черный бархат, накрыл зал, и все встали.

— Думаю, вы все в недоумении, — продолжила Лэрга, когда ведьмы уселись обратно на свои места, — что за срочность. Зачем мы с Рианной собрали вас во внеурочное время, да еще с помощью магии вестовых. К сожалению, повод печальный. Вы видите, что с нами нет Верховной ведьмы Элии Беригар и Хранителя неприкаянных душ Кайвина Сетти. С прискорбием должна сообщить вам, что Кайвин мертв. Убит Элией. И сама она, скорее всего, тоже мертва или находится в зачарованном сне. Во всяком случае, магический клубок, который мы с Рианной отправили на поиски, так и не позвал нас.

Зал загудел — изумленно, возмущенно.

— Прошу прощения, Лэрга, но вы уверены, что Элия Беригар действительно убила Кайвина? — с места поднялся пожилой мужчина в черном балахоне. — Это серьезное обвинение.

— Эта девушка, — Лэрга указала на меня, — эфирное тело жабы, фамильяра Элии. Кот, которого она держит на руках, — тоже фамильяр. Его эфирное тело вы увидите после заката и, думаю, многие его узнают. Вы понимаете, Мариус, что это значит?

— Души между небом и землей?! — в ужасе воскликнул он.

— Да. Когда мы выберем нового Хранителя, он сможет пойти в хранилище и найти душу Кайвина. И, полагаю, душу Элии. Тогда у вас не останется сомнений. А сейчас вам стоит выслушать Марию, пока душа не вернулась в жабу.

Лэрга взяла у меня из рук Арта и отдала его слуге, вместе с сумкой, где лежала одежда. Без лишних слов тот скрылся за драпировкой в углу. Все взгляды устремились на меня, когда я вышла на возвышение.

Справившись с секундным волнением, я начала рассказывать. Правда, то, что привело меня в хранилище, пропустила, назвав произошедшее «несчастливым случаем». А вот разговор Элии и Кайвина передала во всех подробностях. Как и то, зачем ей понадобилась жаба-фамильяр.

Возмущенный гул стал таким громким, что я не слышала собственного голоса. Рианна сидела, тонко улыбаясь. Лэрга встала и подняла руку.

— У Марии время только до заката, и его осталось немного. Дайте ей закончить.

Шум стих мгновенно, как будто она нажала кнопку выключателя. Я рассказала о наших с Арнисом свиданиях на берегу озера и о том, как мы с Артом с помощью Иттона обратились к Лэрге. А когда перешла к тому, как Элия привезла нас в лесную хижину, глаза знакомо заволокло темной пеленой.

— Вы все слышали и видели, — Лэрга взяла нас с Мари в руки и подняла над головой. — Мария, подтверди, что твоя душа находится в теле этой жабы. Вытяни правую переднюю лапу.

Я вытянула, даже не перепутав по своему обыкновению, право и лево. Зал снова загудел, как пчелиный рой. Но это жужжание прервал изумленный возглас из сотен глоток, когда из-за драпировки вышел Арт.

— Если кто-то не знает, это Артариус Магден, — представила его Лэрга. — Секретарь и близкий друг принца Арниса. И бывший возлюбленный Элии. То есть его эфирное тело, конечно. Настоящее вот уже два года пребывает в зачарованном сне в доме его отца Нэлора Магдена, хранителя королевской печати. Пожалуйста, Артариус.

Арт поднялся на возвышение и рассказал, как решил оставить Элию ради Ярики Ивер.

— Я пришел к Элии объяснить. Она сказала, что все понимает, пожелала счастья. Предложила выпить вина... А потом я обнаружил себя в хранилище. Она пришла туда, забрала мою душу, и так я стал ее фамильяром. А потом узнал, что Ярику выдали замуж за Мевиса Мартенса, командующего армией. Против ее воли. И именно Элия постаралась, чтобы этот брак состоялся.

— Итак, мои дорогие, — когда Арт закончил и сошел вниз, Лэрга снова встала и продолжила. — Мария и Арт попали ко мне с помощью немого слуги Элии. Он волкодлак и может мысленно разговаривать с магическими сущностями. Всю их историю он передал мне через моего фамильяра — лису Ирессу. Я обещала разорвать их связь с Элией с наступлением нового лунного месяца. Пока мы ждали, я заставила Кайвина признаться в содеянном. Однако он предупредил Элию, и та избавилась от свидетеля.

— Но зачем? — выкрикнул кто-то из зала. — Разве она не знала, что душа Кайвина неминуемо окажется в хранилище, где мы сможем найти ее и допросить?

— Наверняка знала. Но это давало ей выигрыш во времени. Не зря она увезла Марию и Арта. Убить их настоящие тела можно было только в новолуние. Впрочем, вы не знаете самого главного. Элия тайно забралась в мой дом и похитила красную книгу.

Зал взревел от негодования. На местах не осталось никого, все вскочили и принялись вопить так, что у меня заложило уши.

— А ведь я предупреждала, что Элия Беригар не подходит для триады, — тихо и спокойно сказала Лэрга, и шум сразу стих.

— Мы еще обсудим это, — к возвышению вышла женщина чуть постарше, в чертах которой я уловила сходство с Арнисом. — Сейчас главное — вернуть красную книгу. В опасности весь наш мир.

— Тогда не будем терять время, Фиала, — кивнула Лэрга, и я поняла, что это тетка Арниса, вместо которой Элия стала Верховной ведьмой. — Нам нужно выбрать нового Хранителя, чтобы он нашел душу Элии и принес ее сюда. Только так мы узнаем, что с ней произошло и где искать книгу. В прошлый раз я предлагала на этот пост Мариуса. Если помните, тогда мнения разделились, и решающим стал именно голос Элии, которая высказала свое мнение последней. Кайвин считал себя обязанным ей, поэтому она и смогла получить для фамильяров неприкосновенные души. Сначала душу Арта для мести, а потом, уже став Верховной и получив доступ к красной книге, — душу Марии для любовной магии. Я снова предлагаю в качестве Хранителя неприкаянных душ Мариуса Веллиана.

Мужчина, который спрашивал Лэргу, уверена ли она в виновности Элии, поднялся на возвышение.

— Брайар Коррис, — выкрикнул кто-то, и к Мариусу присоединился мужчина помоложе, бритый наголо, но с длинной черной бородой, одетый в придворное платье.

Больше кандидатур не оказалось, и собравшиеся приступили к голосованию. Друг за другом они вставали со своих мест и громко называли имя, а Лэрга и Рианна считали голоса.

— Я за Брайара, — поднялась Рианна и подвела итог. — Двести сорок.

— Ну а я, как вы понимаете, за Мариуса, — торжествующе усмехнулась Лэрга. — Двести шестьдесят один. Мариус Веллиан, вы — новый Хранитель неприкаянных душ. Отправляйтесь в хранилище и принесите нам души Кайвина и Элии.

Поклонившись собравшимся, Мариус вышел из зала, а Лэрга продолжила:

— Пока мы ждем, мои дорогие, не будем терять время. Нам необходимо выбрать третьего члена триады и кое-что обсудить.

— Выбрать? — скрипуче рассмеялась старуха в черном платье, сидящая в первом ряду. Ее волосы падали на плечи нечесаными седыми космами, а крючковатый нос свисал на верхнюю губу так, что она, наверно, могла укусить себя за его кончик. — Нам не из кого выбирать, Лэрга, и ты это прекрасно знаешь. Только твоя племянница Тиана и подходит. Ей двадцать пять, она знатного происхождения, и в ее роду была даже не одна Верховная.

— Все так, — Лэрга кивнула. — Но не будем торопиться. Я предлагала Тиану, когда ушла Фиала. Тем не менее, уважаемое собрание сочло происхождение Элии более высоким. Она была дочерью тайного советника, а отец Тианы всего лишь начальник дворцовой стражи. Хотя наш род не в пример древнее и знатнее выскочек Беригаров. Через полтора месяца мне исполнится пятьдесят пять. Кто заменит меня? Среди нас нет ни одной ведьмы, которая отвечала бы всем требованиям. Либо старше или моложе, либо без Верховных в роду.

— Что ты предлагаешь, Лэрга? — надменно усмехнулась Рианна. — Изменить правила, которые не нами установлены? До двадцати пяти лет ведьма еще не входит в нужную силу, после пятидесяти пяти теряет ее. И мы выбираем тех, кто останется на этом посту предельно долгий срок — около тридцати лет. Часть силы передается кровным родством. А знатность — это избыточное условие, потому что у женщины низкого происхождения в роду не может быть Верховной, пока запрещены межсословные браки.

Ничего себе! Вот этого я не знала. Тут у них, оказывается, не только классовое, но и строго кастовое общество. Знатный не может жениться на простолюдинке — и наоборот. Так что с Арнисом мне ничего не светило бы при любом раскладе. Даже если б нашелся способ превратить меня в нормального человека. Даже если б я осталась фантастически прекрасной и он не узнал, что моя душа живет в жабе. Ну что ж, и правда все к лучшему.

— Ты лукавишь, Рианна, — даже не повернувшись в ее сторону, ответила Лэрга. — И нижняя, и верхняя границы условны. Особенно верхняя. Да, двадцать пять мы считаем расцветом женской силы. Но и в пятьдесят пять не все ее теряют. По крайней мере, я еще способна зачать и выносить дитя... в отличие от некоторых молодых.

Рианна побагровела и замерла с приоткрытым ртом, не найдя что ответить.

— Ты намекаешь, Лэрга, мы должны дать тебе возможность оставаться Верховной, хотя бы пока не исполнится двадцать пять Лотте Ойер? — вмешалась старуха с длинным носом. — Но мы не можем менять правила без одобрения темных сил.

— Чтобы просить о чем-то темные силы или задавать им вопрос, мы должны четко его сформулировать. Что мы сейчас и делаем. Если не обратимся с просьбой изменить правила выбора Верховных, у нас не будет триады почти год. Вам мало того, что пропала красная книга?

Ответом стала новая волна возбужденного гомона.

— Так какое правило мы попросим изменить? — Лэрга погасила ее одним движением руки. — Ни знатность происхождения, ни силу крови отменить невозможно. Значит, только возраст. Выбирать более молодых, неопытных? Или старших, но на меньший срок? Или разрешить Верховным оставаться на посту, пока не иссякнет их женская сила?

Эвоначе, Михалыч! Дело-то, оказывается, в банальном климаксе. Колдовская мощь напрямую связана с женской физиологией! А я-то думала, почему Верховных прогоняют на пенсию так рано. Это они еще здесь крепенькие такие моржихи, у нас многие тетki в полтос уже ни на что не годны. А Лэрге я при первом знакомстве и вовсе дала от силы лет тридцать.

Но как четко она зарыла под плинтус королеву! Вот это называется месть по-женски. Отплатила за свою подругу по полной стоимости. Ведь Рианна хоть и стала любовницей, а потом и женой короля, за несколько лет так и не смогла забеременеть. Я готова была аплодировать стоя.

— Лэрга Герти! — со своего места встала еще одна ведьма, которую вряд ли кто-то осмелился бы назвать старухой. Хотя ей наверняка уже исполнилось лет сто. Величественная осанка, властный голос — я не сомневалась, что она тоже когда-то была Верховной. — Я согласна с тобой. Мы будем просить темные силы, чтобы они разрешили Верховным оставаться в триаде до прекращения лунных дней. Или кто-то возражает?

Она оглядела зал, который, казалось, даже дышать перестал. Если и был кто-то против, перечить ей не посмел.

— Благодарю вас, Аэлла, — Лэрга почтительно наклонила голову. — Но нам надо будет задать темным силам еще один вопрос, чтобы не беспокоить их потом снова. Как превратить эфирное тело в настоящее. Думаю, все слышали, что это возможно, но никто не знает, как это сделать.

— Просто никому не было нужно, — заметила Аэлла, усаживаясь и расправляя складки платья. — Возможно, мы и не получим ответа на этот вопрос.

У меня все внутри оборвалось.

— Почему? — не выдержал Арт, до этого скромно сидевший в уголке за колонной.

— Вы разве не слышали, юноша? — Аэлла вскинула мохнатые седые брови. — Никому из нас, ведьм, это не нужно. А темные силы не дают ответов на бесполезные вопросы.

— Но мы попробуем, — с нажимом сказала Лэрга.

— Как скажешь, дорогая, — усмехнулась ведьма. — Ты здесь главная.

— Мы обратимся к темным силам, когда решим все остальные вопросы.

В этот момент в зал вернулся Мариус. Он шел медленно, вытянув вперед руки с раскрытыми ладонями, словно нес в них что-то. Лэрга тихо сказала несколько слов, и огни в зале погасли. Только стены, как и в коридоре, слегка светились. Я увидела на ладонях Мариуса два почти прозрачных мерцающих шара размером с крупное яблоко. Один отливал сиреневым, другой дымчато-серым.

— Так я и знала, — посмотрев на них, вздохнула Лэрга. — Оба мертвы.

Я не совсем поняла эту ее фразу, и, видимо, не я одна.

— Что ты имеешь в виду? — уточнила Фиала. — Разве были сомнения?

— Насчет Кайвина нет, я видела его тело, — покачала головой Лэрга. — Летала в хранилище вороном, как только узнала, что Элия пропала. Он определенно был мертв. А вот насчет Элии такой уверенности не было. Мертва или в зачарованном сне? Но, как вы видите, точек равновесия нет. Мы можем задавать вопросы их душам, только вот захотят ли они отвечать?

Я вспомнила, как Арт говорил, что в качестве свидетеля мертвый Кайвин не годится, потому что душу нельзя вынести из хранилища. Тут он ошибся. Вынести как раз было можно, да только кто заставит отвечать, если душа не захочет?

— Кайвин Сетти, как ты умер? — Лэрга протянула руку к серому шару.

— Укол в шею...

Это был не голос. Точно так же я слышала мысли Арта и Иттона. Как будто мои, но другого оттенка.

— Его труп сильно разложился, — хладнокровно сказал Мариус. — Хотя в хранилище прохладно. Это был яд.

— Тебя убила Элия? — продолжила допрос Лэрга.

— Да.

— Ты отдал ей две души между небом и землей для фамильяров?

— Да.

— Элия Беригар, — Лэрга повернулась к сиреневому шару, почти коснувшись его пальцами, — как умерла ты?

После долгой паузы та все же ответила:

— Сбросил конь.

— Где это произошло?

— В часе пути к востоку от хижины. В овраге.

— Красная книга была у тебя?

Мерцание шара стало более ярким, но ответа мы не дождались. Лэрга задала еще несколько вопросов: действительно ли она убила Кайвина, для чего ей понадобились неприкосновенные души, что она собиралась с нами сделать — но и на эти вопросы Элия отвечать не стала. Повелительным жестом Лэрга отправила Мариуса в хранилище и снова обратилась к залу:

— Если красную книгу за это время никто не подобрал, мы ее найдем. Я сейчас же передам приказ своему слуге через ворона-фамильяра. И стану наблюдать его глазами. Кроме того тела Кайвина и Элии надо будет предать земле. На Черном кладбище, как преступников.

— Боюсь, король Гиндар станет возражать, — заметила Рианна. — Все-таки Элия дочь тайного советника.

— Разве король вправе вмешиваться в дела собрания? — насмешливо приподняла брови Лэрга. — Мне жаль советника Беригара и госпожу Лайлу, но отступников не хоронят с почестями. Кем бы они ни были.

Она протянула руку, и Митрис, сидевший на каменном выступе, сел на ее предплечье.

Наклонившись, Лэрга прошептала ему что-то и передала слуге, который направился к выходу.

— Что ж, а теперь нам предстоит обратиться к темным силам. Возьмитесь за руки и ни в коем случае не разрывайте цепь. Повторяйте за мной, слово в слово.

Зал снова погрузился во тьму, и даже стены не мерцали. Только Лэрга на возвышении находилась в узком конусе света, вершина которого устремлялась к высоким сводам. Слова заклинаний на неизвестном мне языке звучали мерно и монотонно. Лэрга произносила их громко, отчетливо, а ведьмы и колдуны повторяли — как один человек.

Мне казалось, что это продолжается уже очень и очень долго, что давно должно было наступить утро, но Арт все еще оставался в человеческом обличье, да и я не превратилась на виду у всех в голую эфирную Марию. От заунывных фраз начало клонить в сон, и вдруг одна из стен оказалась ярко освещенной, словно на нее направили мощный прожектор. Или, может, она засветилась сама?

Воцарилась напряженная тишина. Казалось, в зале даже дышать перестали. На освещенной стене появилась тень. Сначала небольшая и бледная, она темнела и увеличивалась в размерах, пока не приняла очертания огромной человекоподобной фигуры.

— Темные силы, ваши служители просят помощи. От имени собрания я, Верховная ведьма Лэрга Герти, задам два вопроса. Может ли Верховная оставаться в триаде после пятидесяти пяти лет, если ее женская сила не иссякла?

— Да, — в один голос сказал зал, и я поняла, что это ответ темных сил, озвученный устами собравшихся ведьм.

— Как эфирное тело может стать настоящим? — Лэрга задала второй вопрос, и я замерла в ожидании. Несомненно, и Арт тоже.

— Ответ получит тот, кому он нужен, — четко и отдельно произнес зал.

Тень исчезла, и свет тут же погас. Только Лэрга по-прежнему стояла в ярком конусе. Но вот стены зала снова начали мерцать, как гнилушки, а потом загорелись светильники.

— Поздравляю, Лэрга, — злобно процедила сквозь зубы Рианна. — Вот только что ты будешь делать, если станешь старухой раньше, чем Лотте Ойер исполнится двадцать пять?

— Вот тогда и будем думать, — отмахнулась та. — Тиана Мозра, подойди сюда.

На возвышение поднялась высокая стройная девушка в синем с серебром платье. Ее светлые волосы были заплетены в две толстые косы, в глазах сверкали два кусочка неба, но все равно в лице я заметила сходство с Лэргой. Рианна нехотя встала и подошла к ним.

Три Верховные ведьмы взяли за руки и подняли их вверх. Лиловое сияние с золотыми искрами окутало их, словно покрывало. Зал разразился восторженными криками. Отпустив руки Тианы и Рианны, Лэрга низко поклонилась.

— Благодарю вас всех, мои дорогие. Вы можете быть свободны. О новостях вас известят.

Зал постепенно пустел, ведьмы и колдуны расходились, оживленно делясь впечатлениями, а я все никак не могла прийти в себя.

«Ответ получит тот, кому он нужен» — как это понимать? Он нужен нам с Артом, этот ответ. Но как мы получим его? От кого? Когда?

Он подошел — с выражением крайнего разочарования на лице. Наклонился, погладил меня, поднял.

— Кажется, нам снова не повезло, Мари.

— Не торопись, Арт, — возразила Лэрга, положив руку ему на плечо. — Рано или поздно

вы получите ответ.

— Какой? — он поморщился. — «Это невозможно»? Думаю, нам не стоит на что-то надеяться. Раз Элия мертва, в свои тела мы уже не вернемся, а эфирные настоящими не станут. Значит, проживем столько, сколько отпущено коту и жабе. Я только об одном жалею. Что мы с Мари так не совпали. Во времени.

Зал опустел, в нем остались только мы: я, Арт и Лэрга, которая взяла меня у него.

— Пойдем, Мария, я помогу тебе одеться. Всего несколько минут до рассвета.

Подхватив мою одежду, валявшуюся на полу, она понесла меня в угол за драпировку.

Интересно, как у нее получается определять время, да еще так точно? Окон никаких нет, часов, вроде, тоже. Ведьма, одним словом.

И правда, не прошло пары минут, как я уже смотрела на Мари со стороны. Лэрга застегнула мне крючки на платье, затянула шнуровки. Я вышла вслед за ней, держа жабу на сгибе одной руки, тут же автоматом подхватила другой рукой Арта.

Усмехнулась: как мамка с двумя младенцами. Он лизнул меня в щеку и посмотрел вопросительно: ну, что скажешь? А что тут скажешь? Трындец, товарищи.

— Ответ меня не удивил, — я почесала кота за ухом. — То есть отсутствие ответа. Он нужен нам, и мы его когда-нибудь получим. Или не получим, и это тоже будет ответ: обойдетесь. Но, может, все-таки удастся разыскать наши точки равновесия? Если Иттон с Митрисом найдут Элию, вдруг и точки где-то рядом?

— Иттон их увидеть не сможет. Только вы и я. Причем я — своими глазами, а не Митриса. Конечно, я могу отправиться туда. Даже вместе с вами. Но прошло уже несколько дней, за это время точки могли оказаться где угодно. Они легче пуха. А если не найти их до следующего новолуния, ваши тела умрут.

— Но мы же попробуем? — я посмотрела на нее умоляюще. — Пожалуйста, Лэрга!

— Попробуем, Мария, если ты пообещаешь, что не будешь отчаиваться, если не найдем. Ты же понимаешь, мы не сможем обшарить всю Энигерну до последнего уголка.

Разумеется, я это понимала. Но не простила бы себе, если б махнула рукой. Так хоть буду знать, что пытались.

— Митрис уже дома, сейчас разговаривает с Иттоном. Когда мы вернемся, они, думаю, доберутся до того места. Скоро все узнаем.

Я отпустила Арта и принялась запихивать Мари в сумку.

— Как все-таки странно. Элия — такая хитрая, все продумала, пошла на такой риск. И вдруг свалилась с лошади и свернула себе шею. Слишком уж все просто.

— Иногда все действительно бывает просто, — пожала плечами Лэрга и пошла к выходу из зала. — Но кто знает, может, ты и права.

Когда мы оказались дома, я обнаружила в саду довольно большой загончик: обнесенный невысокой оградкой угол у забора.

— Я попросила Иттона сделать для твоей жабы, — пояснила Лэрга. — Чтобы тебе не надо было пасти ее, как козу. Пусть гуляет сама, оттуда ей не выбраться и не удрать. Ты-то окажешься в ней на закате, даже если она сбежит в соседнюю провинцию. Но вот как вернешься обратно сюда? К тому же ее может поймать какой-нибудь аист. Или змея.

Я растроганно поблагодарила, выпустила Мари из сумки на травку и пошла в дом. В гостиной Лэрга села в кресло и уставилась куда-то в пустоту неподвижными глазами.

— Они нашли ее, Мария, — сказала она. — Похоже, конь сломал ногу в овраге. Его уже успели обглодать волки.

— А... ее? — несмотря на отсутствие каких-либо добрых чувств к Элии, все равно стало не по себе.

Лэрга опустила глаза, видимо, заставляя Митриса смотреть так, как нужно ей.

— Конь сбросил ее и упал сверху. Даже если она не сломала шею или спину и не умерла

сразу, все равно ей было из-под него не выбраться. Но волки до нее не добрались.

— А книга?

— Иттон ищет ее. Но... боюсь, книга пропала. Да, ее нет ни в сумке Элии, ни рядом. Это очень скверно...

Лицо Лэрги стало жестким и словно потемнело.

— А что, если кто-то охотился за красной книгой? — предположила я. — И конь не случайно ногу в овраге сломал?

— Мария, этот кто-то должен был знать, что книга у нее. К тому же заставить коня упасть в опасном месте — для этого надо быть ведьмой. Думаешь, у нее была сообщница из наших?

— Не обязательно. Коню достаточно неожиданного укола, чтобы он сбился с прыжка. Или чтобы нога на крутом спуске подвернулась.

— Но зачем кому-то постороннему красная книга, он в ней и прочитать-то ничего не сможет. Даже обычная ведьма, не Верховная.

— А если уничтожить? — не сдавалась я. — Вы сами говорили, что это будет бедствие для всего мира. Или не уничтожить, а спрятать и потребовать за нее большой выкуп?

— Неужели найдется человек, который осмелится торговаться с Верховными ведьмами? — поморщилась Лэрга. — Не понимая, что с ним будет потом, когда вернет книгу?

Растакую-то мать, это мудрые ведьмы?! Видимо, шантаж здесь не в ходу, поэтому и невдомек, что только глупые шантажисты выполняют свои обещания, потому что их сразу же после этого убивают. Умные шантажисты получают выкуп и тихо исчезают в закат. Не вернув похищенное или оставив труп заложника. Но, может, у меня действительно фантазия слишком разыгралась? Что, если Лэрга права? Можно заставить коня упасть, но ведь это не означает, что всадник обязательно сломает шею. Я сама сверзилась с Дэты, но всего-навсего позорно повисла вниз головой. Книгу действительно мог подобрать случайный прохожий.

Все это я озвучила Лэрге, но она снова не согласилась.

— Мария, зачем случайному путнику книга, в которой он видит пустые страницы? Я же смотрю сейчас глазами Митриса. На Элии остались все украшения, на коне — дорогая сбруя. Думаешь, простой вор не взял бы все это? Я попробую еще раз поговорить с ее душой в хранилище. Может быть, она не хотела отвечать при всех? Давайждемся Иттона и Митриса, они уже отправились обратно. Но мне еще предстоит принести дурную весть родителям Элии, и это будет потруднее, чем сообщить ведьмам об исчезновении красной книги. Мало узнать о смерти дочери, так еще и о том, что хоронить ее будут как преступницу. А теперь прости, мне надо вздремнуть хотя бы час.

Лэрга ушла в спальню, а я осталась в гостиной. С Артом на коленях, который тоже уснул, но даже во сне продолжал тихо мурлыкать, пока я почесывала у него под подбородком.

Надо было признать, что спящий на коленях кот действовал успокаивающе. Хотя я и не могла почувствовать, все равно знала: мягкий, теплый. Уютный. Вот исчезни он — и что б я делала? Да нет, пережила бы, конечно, но стало бы очень плохо. Причем независимо от его ипостаси.

Промелькнуло крамольное: а если б я встретила Арта при других обстоятельствах? Не котом?

А скорее всего, ничего бы не произошло. Даже будь он умытым, побритым и причесанным. Ну вот совершенно не мой типаж, да и подобная манера общения меня тоже никогда не привлекала. Хотя вот встретила я своего «рокового мужчину», и он мне сначала не слишкомглянулся, несмотря на жабую тахикардию. А потом все равно влюбилась по уши, и ничего хорошего из этого не вышло.

Сейчас... по правде, я уже не обращала внимания, что Арт в эфирном теле похож на облезлое пугало. Но даже если б меня не грызла тоска по несбывшемуся, которое казалось таким близким, в нашей с Артом ситуации лучше было оставаться друзьями. Я все-таки надеялась, что Арнис тогда просто выплеснул свою злость, сказав, будто Арт в меня влюблен.

Так, хватит об этом. Хватит с меня мужиков, тем более я все равно не женщина. Да и мужики не мужики. Один кот, а второй... ладно, замнем для ясности, кто он.

Прикрыв глаза, я вспоминала ночное собрание ведьм. Как будто в волшебную сказку попала. В страшную волшебную сказку. Причем не самым последним персонажем. Лэрга останется Верховной ведьмой еще на год, а темные силы оказались не просто присказкой в разговоре. Вот кто на самом деле правит этим миром руками ведьм и колдунов!

Но Элия... Что же все-таки произошло? Я могла бы поверить в нечаянное падение с лошади в опасном месте. Хотя бы уже потому, что сама оказалась в коме по нелепой случайности. Но исчезновение красной книги эту версию опровергало.

Кому была выгодна ее смерть? Тому, кому могла понадобиться красная книга. Думай, жаба Марпл, шевели отсутствующими мозгами. Но как это сделать при таком минимуме информации? Наверняка у Элии было множество врагов и многие желали ей смерти. Как состыковать это с пропажей?

Нет, идти следовало в противоположном направлении. Кому могла настолько понадобиться книга, что он избавился от Элии? Может, намеренно, может, случайно. Хотел просто остановить и забрать книгу, но вороной упал на нее и убил.

Именно об этом мы только что говорили с Лэргой. Чтобы навести чары на коня или заставить его упасть каким-то естественным способом, а потом забрать книгу, надо было знать, что Элия украла ее из дома Лэрги. То есть либо следить, либо заранее выяснить, что она намерена это сделать.

Пока я думала, вернулся Иттон с Митрисом на плече. Леста проскользнула в спальню Лэрги, и через несколько минут та вышла в гостиную. В сопровождении Ирессы, которая тут же устроилась у ног Иттона. Митрис безмолвно говорил с Лэргой — от себя и от Иттона, а та повторяла их слова вслух для меня и проснувшегося Арта.

— По коню уже не определить, заставили его упасть силой или навели чары. Иттон оставил его в лесу, пусть волки доедают. А Элию и ее вещи привез сюда. Она во дворе, у конюшни. Не хотите взглянуть?

Арт нервно дернул хвостом и отчаянно замотал головой. Видимо вспомнил, сколько раз желал ей смерти — и вдруг это сбылось. Я тоже отказалась. Мертвая Элия, пролежавшая больше трех дней на жаре под трупом коня, — это была последняя вещь, которую я хотела бы увидеть. Ну или одна из последних. Конечно, запаха я бы не почувствовала, но и вида хватило бы, чтоб ночью мы с Мари не смогли заснуть.

— Я сейчас отправлюсь к ее родителям, потом мы с вами доедем до того места. А

вечером еще раз наведуясь в хранилище и попробую поговорить с душой Элии.

— Лэрга, — не удержалась я. — Скажи, а зачем Элии могла понадобиться красная книга? Мы с Артом думали, для того, чтобы убить наши настоящие тела, но, может, мы ошибались?

— Точно ошибались, — усмехнулась она. — Для этого красная книга ей не понадобилась бы. Только луна между жизнью и смертью и ваши точки равновесия. Скорее, она украла ее для того, чтобы ею не воспользовались мы с Рианной. Наказание отступнице не только в том, что она перестает быть Верховной. Все гораздо суровее. Но для этого нам и нужна была книга.

— Пойдите! — я схватила ее за рукав, не позволяя уйти. — Если использовать красную книгу могут лишь Верховные ведьмы, значит, украсть ее могла только Рианна. Или тот, кто не хотел, чтобы ею вообще кто-то пользовался.

— Ты права, Мария. Но Рианне это ни к чему. Скоро она сама станет главной в триаде. Поэтому я и боюсь, что книга уже уничтожена. И кто это мог быть, не представляю.

Она вышла, а Арт соскочил на пол и выгнул спину, глядя на меня, как будто хотел что-то сказать.

— Ты тоже думаешь, что книгу украли какие-то другие враги? Не Элии? — спросила я, легонько поддев его под живот носком ботинка, и он вцепился в него зубами и когтями. Потом отпустил и кивнул.

— Я помню, ты рассказывал, что с помощью ведьм какой-то ваш король завоевал все страны. И теперь такое главенство Энигерны удерживается магией Верховных ведьм. А еще ты говорил, что у мужа Ярики всегда есть работа, потому что в провинциях частенько возникают вспышки недовольства. Представь, что какая-то провинция снова хочет стать самостоятельной. И если с армией в теории еще можно справиться, то с магией — точно нет. А красная книга, если я поняла правильно, это главное ведьминское оружие.

Арт снова кивнул и сел, обернув себя хвостом вокруг, как пантера. Его желтые глаза напоминали две маленькие полные луны во время затмения.

— Что-то ты мне еще такое рассказывал, очень важное, но вылетело из головы. Пытаюсь вспомнить и не могу. Может, жабой вспомню? Или ты мне ночью что-то подскажешь. Ладно, лучше скажи, как ты думаешь, мы сможем найти наши точки?

Арт вздохнул и покачал головой. А потом снова запрыгнул ко мне на колени и поддел руку: хватит о грустном, лучше гладь и чеши!

— Наверно, мне лучше переодеться, — сказала я, когда тело Элии увезли и мы собрались поехать на место ее гибели.

Почему-то я думала, что за ней приедут родители, и даже выглянула из окна, чтобы посмотреть на них. Но на повозку Элию перенесли трое слуг в желтой с черным — траурной — одежде.

— Нет, — возразила Лэрга. — Запомни, ты моя родственница Мария Мозра из Дегары. Поэтому если надо выехать куда-то, ты надеваешь приличное платье, а волосы заплетаешь и убираешь под покрывало. Леста будет помогать тебе одеваться и раздеваться. Дома можешь носить обычную одежду.

— Но зачем? — удивилась я. — И почему именно из Дегары? Где это вообще?

— Это провинция на самом юге. Там до сих пор не ведут записи о рождении женщин, только мужчин. Если нужно подтвердить личность, достаточно свидетельства одного родственника-мужчины. Олин подтвердит.

— Но он же знает, кто я на самом деле? И ваша племянница Тиана?

— Да, оба знают. И что? Не волнуйся.

— Но ведь все ведьмы знают. И Рианна. И... Арнис.

— Ведьмы будут помалкивать. По нашим правилам, запрещено разглашать то, что стало известно на собраниях. А Арнис тем более ни слова никому не скажет. Представь, все узнают, что он влюбился в жабу.

— Хорошо, Лэрга. Если вы так говорите, буду притворяться вашей родственницей. Но все же — зачем?

— Пока не знаю, Мария. Но чутье подсказывает: так нужно.

Нужно так нужно. А вдруг ответ от темных сил все же придет, и мы узнаем, как снова стать людьми? У Арта проблем не будет, а кем тогда стану я? Вот и решение: Марией Мозра. Быть родственницей Лэрги, пусть даже мнимой, — большая честь.

Выехали мы так же, как и на собрание, только Мари оставили пастись в загоне. И Иттон показывал нам дорогу. Арт в седельной сумке ехать отказался наотрез, снова устроился поперек седла, тесно прижавшись к моему бедру и цепляясь когтями за луку.

По пути я поделилась с Лэргой тем, о чем говорила в ее отсутствие Арту. В частности, о том, что книгу могли похитить враги не Элии, а короля.

— Я бы поверила, Мария, но это означало бы, что Элия была с ними в сговоре. Зачем ей, Верховной ведьме, предавать интересы королевства? Что такого ей могли за это предложить?

— Например, убежище. Ведь она знала, что за свои злоупотребления будет наказана.

— Нет, — покачала головой Лэрга. — Энигерна — единое королевство. Похитить красную книгу — это касается уже не только ведьм. За такое преступление полагалась бы смертная казнь, и вряд ли ей удалось бы спрятаться, даже на краю света.

— А что, если какая-то провинция решила отделиться и снова стать самостоятельной? — не сдавалась я. — Вы говорите, что красную книгу не может использовать никто, кроме Верховных ведьм. Но ведь Элия как раз и была Верховной! Ей могли наобещать золотые горы, если она поможет. И при успехе этого предприятия ее никто уже не достал бы.

Лэрга задумалась. Похоже, такой вариант ей в голову не приходил.

— Может быть, ты и права, Мария, — сказала она после долгого молчания. — Но тогда тем более непонятно, зачем ее убивать.

— Конь мог упасть сам. Ночь, овраг, подвернул ногу. Сообщник Элии увидел, что она мертва, забрал книгу и уехал.

Арт заерзал так, что чуть не сорвался коню под ноги, хорошо я успела его подхватить. Кажется, ему очень хотелось что-то сказать, но я не представляла, какие вопросы надо задавать, чтобы он мог отвечать «да» или «нет». Решила оставить это до ночи. Если еще будет актуально — скажет.

От широкой укатанной дороги, идущей через лес, отделилась тропа, которая становилась все уже и уже. Иттон свернул на нее, мы за ним.

Понесло же сюда Элию ночью, да еще за сутки до новолуния, в самую темень! Тут и днем ехать приходилось медленно и осторожно: то ямы, то выступающие корни. Минут через десять тропа нырнула в крутой овраг, и мы спешили, не доехав до него.

— Вот здесь все и случилось, — Лэрга подошла к краю. — Нет, конь бы тут не спустился. Она попыталась перепрыгнуть. Видите?

Следы копыт на кромке действительно были глубокими и смазанными — в этом месте конь оттолкнулся от земли. И хотя в темноте они видят намного лучше людей, похоже, не смог верно оценить расстояние.

Иттон подошел к Лэрге, показал на следы и поднял один палец.

— Кажется, я действительно старею, — сокрушенно вздохнула она. — Или просто так устала за эти дни. Надо было взять с собой Митриса. Как без него объясняться с Иттоном?

— Он хочет сказать, что здесь следы только одного коня, — сообразила я и повернулась к нему. — Один конь, да?

Иттон кивнул.

— Выходит, Элия была одна. Кто-то ждал ее в овраге? Или с той стороны?

Покачав головой, Иттон указал рукой на другой край оврага.

— Там нет следов? Ни коня, ни человека? Выходит, мы вернулись к тому, с чего начали: куда делась книга. Не птицы же ее унесли.

Арт выгнул спину и нервно задергал хвостом.

— Ну все, успокойся, — я взяла его на руки. — Как сможешь, так и скажешь. Главное — не забудь до заката. А сейчас давай наши точки искать.

— Иттон останется с лошадьми, — распорядилась Лэрга, — а мы с тобой, Мария, пойдем по оврагу. Ты в одну сторону, я в другую. Арт... — она задумалась. — В ту ночь мы с Митрисом летали в хранилище, и ветер дул с запада, я точно помню. Значит, иди по той стороне сверху. Но вы же понимаете, что за это время точки могло унести на сутки конного пути. А нам надо вернуться домой до заката. Так что у нас всего два часа.

Я медленно пробиралась по оврагу, всматриваясь в поросшее травой дно, оглядывая склоны, не мелькнет ли красная мерцающая точка размером не больше вишни. Нет, ничего. Где-то через полчаса дно начало подниматься, и вскоре я вышла наверх. Огляделась по сторонам и отправилась по краю обратно. У тропы мы все трое встретились.

Ничего, ни у кого. По правде, я вздохнула с облегчением, потому что боялась: а вдруг найдется только одна точка. Кто-то вернется, а кто-то останется. И — учитывая мое везение — определенно вернулась бы не я. Арт снова стал бы человеком и, возможно, иногда навещал бы меня у Лэрги. Впрочем, вряд ли долго. Нашел бы себе жену, завел детей — и забыл бы обо мне. А если бы все-таки домой вернулась я? Да, я скучала бы по нему. И даже очень.

— Пора возвращаться, — вздохнула Лэрга. — Мария, помнишь, ты обещала, что не будешь расстраиваться, если не найдем?

— Обещала, — кивнула я. — Но разве это возможно? Совсем не расстраиваться? Хотя признаюсь честно, если бы нашлась только одна точка, я бы, наверно, больше расстроилась. Потому что...

Договорить я не успела: на полуслове оборвал яростный мыв Арта. Он галопом неся к зарослям невысокого кустарника, под корнями которого светилась красная искра. Издали она была похожа на индикатор телефона, стоящего на зарядке.

Твою ж мать... Это реально уже проклятье какое-то!

Еще минут пятнадцать мы старательно обшаривали все вокруг, но больше ничего не нашли.

— Все, надо ехать, — Лэрга была непреклонна. — Мы для Арта даже штанов не захватили, разве что платье твое на него надеть. Да и не увидим ничего в темноте.

— Как это не увидим? — если б я могла плакать, точно разрыдалась бы, потому что не сомневалась: это точка Арта. — Они же светятся.

— Они-то светятся, а вот мы в темноте тоже себе шею свернем, как Элия. Как солнце сядет, сразу стемнеет. А ты все равно окажешься дома. В жабе. Вернемся завтра, поищем еще.

Лэрга взяла точку и опустила в свою седельную сумку. Иттон помог сесть на коня ей, потом мне, посадил на седло Арта, у которого шерсть стояла дыбом, как щетка.

— А как мы узнаем, чья это точка? — спросила я, когда мы выбрались с тропы на дорогу.

— Придется подождать до полнолуния, Мария. В новолуние Элия могла сдвинуть ваши точки из равновесия к смерти, но не успела. А эту в полнолуние я сдвину к жизни. Душа, которой она принадлежит, вернется в свое настоящее тело.

— Я и так знаю, что это точка Арта, — буркнула я, и он повернул голову, заглядывая мне в лицо. Как будто хотел спросить, откуда у меня такая уверенность.

— Почему? — Лэрга тоже была удивлена.

— Да потому что я неудачница. Вот почему.

— Не будем торопиться. Хотя... именно сейчас как раз и надо поторопиться. Мы слишком задержались.

Нам пришлось прибавить ходу, чтобы успеть домой до заката. Я принесла Мари из сада в гостиную и посадила на стол. Арт хотел уйти в библиотеку, но Лэрга его остановила. Подхватила без особых церемоний под пузо, опустила в кресло и набросила какое-то покрывало.

— Вы нужны мне сейчас здесь, оба, — сказала она, держа в руках красную точку.

В этот момент все вокруг привычно померкло, и я переселилась в Мари. Арт сидел в кресле, прикрытый покрывалом. В руках у Лэрги ничего не было.

— Ничего не понимаю, — поморщившись с досадой, Арт закутался поплотнее. — Вы говорили, Лэрга, что только в полнолуние станет известно, чья это точка.

— Да, — кивнула та. — Так и есть. Сейчас, когда вы перевоплощались, она вошла в душу своего хозяина. Но кто это, я не знаю. И вы не сможете это почувствовать, потому что она останется в равновесии. Пока не будет прочитано заклинание жизни или смерти. До полнолуния осталось примерно десять суток. Потерпите.

— Мы только это и делаем, Лэрга, — Арт вздохнул. — Но я хотел сказать насчет красной

книги. Еще днем. У меня есть сразу три предположения, хотя, возможно, ни одно из них не верно. Первое — у Элии не было никакого сообщника, и нет никакого заговора против Энигерны. Она украла книгу и спрятала где-то. Поэтому ее и не нашли. Второе — враги есть, но они не были с Элией в сговоре. Кто-то узнал, что вы забрали книгу к себе домой, и выкрал ее, а Элия вообще тут ни при чем. Она могла просто сбежать, не собираясь заполучить книгу. Или выкрала, но ее у нее отобрали. Или хотела, но опоздала, и книгу украли до нее.

— А третье? — Арт задумался, и Лэрга нетерпеливо его поторопила.

— Сообщник был, но это не человек. Иттон сказал, что следы только одного коня. Это мог быть фамилляр или оборотень. Но точно не Иттон, он был той ночью с нами.

— Иттон... — теперь уже задумалась Лэрга, и мне стало не по себе. Потому что определенно что-то было не так. Что-то не стыковалось, но я не могла сообразить, что именно.

— Леста! — позвала Лэрга и приказала, когда служанка вошла в гостиную: — Позови сюда Иттона.

Иресса, лежавшая у камина, внимательно прислушивалась к разговору. Вид у нее был встревоженный, и это мне тоже не понравилось. И не только мне.

— Ресс? — Лэрга подошла к ней и присела на корточки. — Ты что-то знаешь? Не так ли?

Лиса закрыла морду лапами и прижала уши.

— Так... Я понимаю, он хотел как лучше, но не подумал, что хуже будет всем. Неужели вы думали, что никто ничего не узнает?

— Вы понимаете, Лэрга, а вот я точно нет, — вмешался Арт. — Думаю, Мари тоже. Они в этом замешаны? Но как? Зачем?

В этот момент дверь открылась, и вошел Иттон. Первый его взгляд был на Ирессу — с укоризной. Но та покачала головой и зажмурилась.

— Садись, Иттон, — Лэрга указала на стул, говоря медленно и отчетливо, чтобы он мог читать по губам. — Вы ведь нашли ее еще в ночь новолуния, так? Когда я выпустила вас из дома? Волк и лиса — по следу, по запаху, да?

Он сдвинул брови, и лоб пересекли глубокие морщины. Лицо стало жестким, напряженным. Пауза — и Иттон обреченно кивнул.

— Вы забрали красную книгу и спрятали? Это была твоя идея, Иттон?

На оба вопроса он снова ответил покаянным кивком.

— Иресса, — Лэрга повернулась к лисе. — Рассказывай.

Подняв голову, та посмотрела на нее виновато, сконфуженно. Пока шел их безмолвный диалог, Иттон опускал голову все ниже, уставясь в пол под ногами. Мы с Артом ждали, хотя теперь догадаться было не так уж сложно. И Арт тоже все понял.

— Рианна? — спросил он, когда Иресса закончила и снова легла, прикрыв морду хвостом.

— Да, — вздохнула Лэрга. — Иттон хотел отомстить Элии, поэтому охотно помогал вам с Марией. Но вмешался случай. Хотя... трудно сказать, было ли это случайностью. Темные силы не прощают отступников. А книга — это была возможность отомстить Рианне. Потому что, как они подумали, подозрение падет в первую очередь на нее. Ведь только Верховные ведьмы могут пользоваться красной книгой.

— А то, что Лэргу тоже будут подозревать, вам в голову не приходило? — Арт возмущенно посмотрел на Ирессу, перевел взгляд на Иттона. — Книга была у нее в доме, и ей скоро уходить со своего поста. А вот зачем Рианне это делать, если она и так станет старшей в триаде?

— Зачастую гнев и желание мести затмевают разум, — Лэрга положила руку ему на

плечо. — Тебе ведь это тоже знакомо, Артариус, не так ли?

Неплохое кино. А ты, Арт, интересно, как накосячил? И когда?

— Это дело давнее, Лэрга, — он словно ответил на мой вопрос. И продолжил после паузы, опустив голову: — И я сам наказал себя за это, связавшись с Элией.

Еще интереснее! Я переводила глаза с него на Лэргу, на Ирессу и Иттона, радуясь большой площади охвата. Похоже, его история была знакома всем, кроме меня. Мне-то он точно об этом ничего не рассказывал. И не спросишь ведь раньше утра.

— Оставим это. Я вспомнила только для того, чтобы ты не слишком сильно плевался ядом. У всех есть что-то темное за душой. Где книга, Иресса?

Она повернулась к лисе, та посмотрела ей в глаза и снова закрыла морду хвостом.

— Утром мы поедem искать точку, и ты с нами, Иттон. Возьмешь книгу и отвезешь домой. Никто ни о чем не узнает. Все поняли? — она обвела долгим взглядом нас всех. — Книгу украла Элия, и на этом все. Что будет с вами, Ресс? Проще всего было бы выгнать вас обоих. Но... мы с тобой связаны, ты мой фамильяр. И я не могу просто так выставить тебя за ворота. И лишить единственной радости в этой жизни — тоже. Поэтому вы останетесь здесь. Оба. Если пообещаете впредь думать, прежде чем что-то сделаете.

Иттон встал со стула, подошел к Лэрге и низко поклонился.

— А сейчас забирай ее к себе. Думаю, вам есть о чем поговорить.

Я и раньше была без ума от Лэрги, но после этого она и вовсе стала моим кумиром.

Иттон с Ирессой на руках вышел, и она зевнула, прикрыв рот ладонью.

— Ну вот, одной заботой меньше. Так часто бывает — каких только ужасов не придумаешь, а все оказывается настолько просто, что зубы сводит. Энигерне ничего не грозит, во всяком случае, в ближайшее время, значит, можно ложиться спать. Раз насчет книги все выяснилось, в хранилище ехать незачем. Как именно Элия свернула себе шею, мне не очень интересно. Спокойной ночи!

Позвав Лесту, Лэрга ушла в спальню. Арт сидел, все так же глядя в пол, пока я не поскребла лапой столешницу, чтобы привлечь его внимание.

— Прости, Мари, — он встал и поправил норовящее сползти покрывало. — Сейчас оденусь и приду за тобой.

Ждать мне пришлось довольно долго. Видимо, Арт собирался с мыслями, потому что, принеся меня в библиотеку и устроив в кресле, отошел к окну и сказал:

— Ты, наверно, хочешь знать, что имела в виду Лэрга? Обо мне?

Разумеется, я хотела. Но если б могла говорить, ответила бы, что он не обязан мне об этом рассказывать. Однако говорить я не могла и даже движением глаз ответить, потому что Арт стоял ко мне спиной.

— Мы все выросли вместе. Так всегда бывает, дети придворных знакомы с пеленок. Сначала игры, прогулки, детские праздники, потом балы, всякие развлечения. Потом сами получают придворные должности. Мы держались вместе: Арнис, я и Олин. У нас были свои игры, в которые девчонок не принимали: война, охота, турниры. Только Элия без конца пыталась влезть. Она была тогда некрасивая, толстая, неуклюжая и страшно вредная. Все время ныла и жаловалась на нас. Как-то раз Арнис здорово ее отлупил, но попало за это нам троим. В другой раз они с Рианной что-то украли с кухни и свалили все на нас. Рианна была старше нас всех, но других девочек ее возраста при дворе не было, поэтому она дружила с младшими.

Арт замолчал надолго. Я ждала — что мне еще оставалось? Любопытство сменилось чувством неловкости. Когда мы только познакомились, он сказал, что против Элии никто не мог устоять. Как будто она соблазнила его или даже приворожила. Но, похоже, все было совсем иначе. И, судя по всему, не слишком красиво с его стороны. Действительно

ли мне стоило об этом знать?

— Рианна была моей первой женщиной. Мне исполнилось шестнадцать, ей девятнадцать, и она уже знала, что к чему. Я понимал, что она влюблена в меня, да и сам какие-то чувства к ней испытывал, но... Уж не знаю, почему все девушки при дворе, да и женщины постарше, сходили по мне с ума. Чем я их так привлекал. Внешностью я вряд ли мог равняться с Арнисом и Олином, не говоря уж о происхождении и богатстве. Я был слишком избалован и тщеславен, Мари. Знать, что они не так сильно интересны женщинам, — это доставляло мне удовольствия не меньше, чем сами отношения, короткие и мимолетные. Я легко начинал их и так же легко обрывал, когда видел, что для девушек это становится чем-то серьезным. За восемь лет не было ни одной маломальски привлекательной женщины при дворе, с которой я не переспал хотя бы один раз. Кроме Элии. Она была мне неприятна с детства. Как и Арнису с Олином.

Арт рассказывал, и постепенно у меня в голове начала вырисовываться стройная картина. Как будто собирался пазл из множества кусочков. Похоже, при дворе такой промискуитет был делом нормальным. Все со всеми. Чтобы в конце концов выбрать пару и жениться. Раз уж разводы не практикуются. Вспомнилось, как Лэрга вскользь упомянула, что отец Арта был в нее влюблен.

Дремавший в клетке Митрис приоткрыл один глаз, посмотрел на Арта неодобрительно. Протиснувшись в дверцу, подлетел к окну, постучал клювом в стекло, требуя, чтобы выпустили.

Противно слушать, говорил весь его вид. Интересно, подумала я, а как он стал фамилльяром Лэрги. Кем был раньше. Надо будет спросить.

Закрыв за Митрисом окно, Арт продолжил свою исповедь:

— Все это время наши отношения с Рианной не прекращались. Но как-то вяло и странно. Она знала, что у меня есть другие женщины, я знал о ее мужчинах. При дворе все на виду. Трудно сказать сейчас, что она для меня значила. Привязанность, привычка, но точно не любовь. Во всяком случае, своей будущей женой я ее не видел. А она надеялась. И однажды заговорила об этом сама. Мне тогда было двадцать четыре — даже еще не «золотая пятерка», а ей уже двадцать семь. Вместо того чтобы сказать прямо, что не собираюсь на ней жениться, я начал плести какие-то глупости. Что не намерен связывать себя так рано. Рианна расплакалась и заявила, что если так, она тоже не намерена ждать и будет устраивать свою судьбу иначе — и как бы я об этом не пожалел.

Тут Арт снова задумался, видимо, вспоминая. Прошел взад-вперед по библиотеке, остановился у камина, глядя в огонь. С самого начала своего рассказа он ни разу не посмотрел на меня.

— Я думал, она нацелилась на Арниса, и только посмеялся. Тот не любил ее с детства, как и Элию. К тому же у него была и невеста, и любовница. Но я ошибся. Это оказался король Гиндар. Ему тогда исполнилось пятьдесят три, но он и сейчас еще мужчина хоть куда. Ты его не видела, так что поверь на слово. Королева Янта была единственной любовью Гиндара, и я не представляю, как Рианне удалось его завлечь. Об их связи скоро узнали, и королева тосковала так, что ее сердце не выдержало.

Вот тут я порадовалась, что Мари не может говорить. Иначе могла бы и не удержаться, ляпнуть лишнее, забыв, что никому, кроме Лэрги, Иттона и меня, не известна тайна Ирессы.

— Не знаю, Мари... — Арт наконец повернулся в мою сторону, и лицо его было таким мрачным, что мне стало еще больше не по себе. — Не знаю, что на меня нашло тогда. Другие мужчины Рианны меня нисколько не волновали. Но король... это был ощутимый удар по самолюбию. К тому же мне всегда нравилась королева, и я не мог простить Рианне, как она обошлась с ней. И вышло так, как сказала Лэрга: от злости я перестал соображать трезво. Начал ухаживать за Элией — чтобы об этом знала Рианна. Это послужило поводом для их ссоры, а уж когда Рианна вышла замуж за короля, они с ней и вовсе стали врагами. Хотя Элия осталась одной из ближайших придворных дам — это была уже месть Рианны. Ну а дальше ты знаешь, Мари. Никаких чувств к Элии я не испытывал и вскоре увлекся Ярикой. Больше мне нечего тебе сказать. Кроме того, что я сожалею обо всем, что натворил. И поверь, мне было очень тяжело тебе об этом

рассказывать.

Как хорошо, Арт, что ты не ждешь от меня ответа. До утра я что-нибудь придумаю. А могу и не придумывать, потому что утром ты станешь котом. И я просто промолчу. А еще лучше, что ты ничего не знаешь про Ирессу. Если отмотать события назад, выйдет, что именно ты стал причиной всему.

По твоей милости Рианна нацелилась на короля, а королева с горя сделала глупость. И чего добилась? Только того, что счастливая соперница заняла ее место. Хотя кто бы говорил. Сама-то я где с горя оказалась? Там же, где и она. И статус в результате мы получили один и тот же — фамильяра у ведьмы. Разница только в том, что со мной это произошло по нелепой случайности, а Янта покончила с собой. Хотя соображали на тот момент мы обе одинаково. Точнее, не соображали.

Когда ты, Арт, бросил Элию, это ее так взбесило, что она пошла на преступление. Мало того что отравила тебя, так еще и заставила Кайвина отдать ей твою душу для фамильяра. Зачетная месть, ничего не скажешь. Да, ты прав, сам себя наказал. Но ведь Элии это сошло с рук. И, став Верховной ведьмой, она решила трюк повторить, только уже с другой целью. С помощью особой магии женить на себе Арниса. Тут даже не двух зайцев одним выстрелом убить, а трех. Заполучить желанного мужчину, подпрыгнуть в статусе и утереть нос бывшей подружке. Конечно, принцесса не то же самое, что королева, но и Гиндар уже не первой свежести, кто знает будущее... Во всяком случае дамой Рианны Элия как жена наследника трона точно перестала бы числиться.

Выходит, Арт, ты виноват еще и в том, что я стала жабой. Всему исходной причиной твое неуправляемое потаскунство. Хотя что толку винить тебя, если здесь такие нравы. Так что... ничего я тебе говорить не буду. Ты и сам все понимаешь. Иначе не стал бы мне об этом рассказывать. И да, я предпочла бы ничего не знать. Но если тебе так было надо...

— Знаешь, Мари, чего я больше всего боюсь? — он взял меня в руки и сел в кресло. Посадил на колени и положил ладонь мне на спину. — Честно скажу. Что мы нашли твою точку. Понимаю, что должен буду порадоваться за тебя, но... не смогу. Прости, не смогу. Не из зависти, нет. Даже думать не хочу о том, что больше тебя не увижу.

А что, будет лучше, если ты вернешься в свое тело, а я останусь жабой? Кому лучше? Да никому. Мне — точно не станет. А тебе? Можно больше не притворяться, что я ничего не поняла, что мне все показалось. Твой рассказ — это просьба: прими меня таким, каким я был и какой есть. Прими с открытыми глазами.

Арнису я не стала бы нужна, даже если бы вдруг снова превратилась в человека. Арту было наплевать, что я наполовину жаба, наполовину бесчувственный призрак с грязной головой и потрескавшимися губами. Но я...

Черт, единственное, чего бы я сейчас хотела, — очнуться в больничной палате. Пусть буду облезлой, насквозь больной и в пролежнях — неважно. Очнуться и постараться забыть обо всем этом мире, как о страшном сне.

— Прости, Мари, что вывалил все это тебе. Но мне важно, чтобы ты знала. Даже если я для тебя ничего не значу.

А тебе не кажется, Арт, что это довольно эгоистично? Да нет, конечно, не кажется. Ничего для меня не значишь? Значишь. Но не то, чего бы ты хотел. Мне жаль, я не могу заставить себя полюбить. Это или есть, или нет.

Прекрасный диалог немного с глухим. Я невольно вспомнила Иттона. Хорошо им с Ирессой, понимают друг друга без слов. Раньше и у нас с Артом так было. Впрочем, нет. Слава... темным силам, что он не может сейчас слышать мои мысли. Хотя наверняка догадывается, о чем я думаю.

Этой ночью Арт библиотекой не занимался. И ничего больше не говорил, до самого утра. Сидел и смотрел на огонь. А я дремала, пригревшись под его ладонью. И кот спал, свернувшись клубком у камина. Вполне идиллия. Если бы не напряжение, повисшее между нами.

Солнце едва поднялось над горизонтом, когда мы снова отправились в лес. Однако на

перепутье пришлось остановиться и уступить дорогу скромной траурной процессии. Запряженный в повозку знакомый вороной конь вез обтянутый желтой тканью гроб. Следом ехали верхом мужчина и женщина в желтом, за ними — несколько слуг.

— Элия... — вздохнула Лэрга и сделала левой рукой быстрый жест, словно ставя между собой и гробом преграду. То же самое повторил Иттон. — Печально. Третий человек в королевстве хоронит дочь как преступницу. Верховную ведьму!

Sic transit gloria mundi... Не зря папе римскому во время церемонии посвящения напоминают о преходящей мирской славе. Настроение, и так никакующее, скатилось под самый плинтус.

У оврага Иттон забрался в заросли колючего кустарника и вытащил красную книгу. Лэрга сделала повелительный жест, и он, спрятав книгу в сумку, отправился обратно. А мы втроем принялись обшаривать все вокруг, описывая круги и заглядывая под каждый куст. Но... увы.

— Простите, — сказала Лэрга, когда солнце перевалило за полдень, — но у меня есть и свои дела. Не могу остаться с вами. Следите за временем.

Она уехала, а мы продолжили поиски. Мне не нужен был отдых, еда и вода, Арт поймал птицу и напился из лужи. Глядя, как он рыщет в зарослях, я не могла отделаться от довольно противной мысли.

А искал бы он так усердно, если б точно знал, что найденная вчера точка — его? Ведь если это так и мы не найдем вторую до следующего новолуния, я останусь здесь. Навсегда. То есть пока жива Мари.

Свои ночные размышления я озвучивать точно не собиралась, но удержать при себе это не смогла. Арт обернулся, посмотрел на меня в упор, дернул хвостом и скрылся за деревьями.

Обиделся. Ну и правильно. Я бы на его месте тоже обиделась.

Ничего мы не нашли. Ветер в эти дни был довольно сильный. Скорее всего, одна точка случайно за что-то зацепилась, а вторую унесло куда-то за тридевять земель. Могла, конечно, и она прятаться где-то поблизости, но на меня вдруг напала апатия и ощущение полной бессмысленности всего происходящего.

Девять суток до полнолуния и еще две недели до следующего новолуния. Как сказала Лэрга, после этого беспризорная точка, не получая подпитки от души, сама собой сдвинется в сторону смерти, а тело умрет. Обшаривать огромный лес в поисках блуждающего огонька размером с ноготь? Да мы одну-то точку случайно нашли.

Я села на траву, уткнулась лбом в поднятые колени. Пропади оно все пропадом!

Что-то коснулось ног. Арт терся об них, выписывая вокруг меня восьмерки. И мурчал громко — как мини-трактор. Я невольно улыбнулась, погладила его. И вдруг показалось, что рука почувствовала тепло.

Да нет, не может быть. Почудилось.

Солнце клонилось к закату, и надо было поспешить. Я посадила Арта на край седла, села сама.

— Не знаю, есть ли смысл искать еще, — сказала со вздохом, когда конь выбрался с тропы на дорогу.

Цепляясь когтями за луку, Арт повернул ко мне голову, словно говоря: с ума сошла, нельзя сдаваться. И вдруг ошетинился, глядя куда-то мне за спину. Надо думать, слух у него был гораздо острее, чем у меня, потому что стук копыт другого коня он услышал первым. И увидел того, кто был верхом.

— Какая милая пара, жаба и кот! — с язвительной насмешкой произнес голос, который я была бы рада никогда больше не слышать. — Ну что, Элия сдохла, надеюсь, ее подручным тоже недолго осталось гулять по свету.

Подъехав почти вплотную, Арнис схватил Арта за шкуру. Тот шипел и пытался дотянуться когтями, но Арнис вытянул руку, держа его от себя подальше.

— Какой же ты герой, с котом справился, — презрительно сплюнула я. То есть сделала вид, поскольку слюны у меня тоже не было.

— Знаешь, свернуть ему шею проще простого. А ведь он был таким самодовольным, самоуверенным. Женщинам нравился.

Ах, вот в чем дело! Ты простить не можешь, что предпочитали его, а не тебя. Мелочный, жалкий трус. Когда Арт тебе врезал, слинял со скоростью звука. А сейчас чувствуешь себя таким сильным, почему бы не покуражиться?

— Два года прошло, а до сих пор корежит, что Арт тебя обходил на поворотах? Что нравился женщинам больше, чем ты? Наверно, не зря.

— Один раз ему это все-таки не удалось, правда? — Арниса аж перекосило от злости, и он с силой встряхнул кота так, что тот сдавленно мявкнул. — Ты же до сих пор меня хочешь, Мария, разве нет?

— Жаль тебя разочаровывать, Арнис, но никогда не хотела. Эфирное тело ничего не чувствует и ничего не хочет. И никого. Все это было сплошное притворство. Но тебе ведь это и в голову не могло прийти, правда? Тебя, такого замечательного, — и не хотеть?!

О том, что хотеть можно не только телом, я, разумеется, не призналась бы ни за какие коврижки. Впрочем, сейчас мне казалось, что такого действительно не могло быть. Что мне все померещилось.

На этот раз я была начеку и от пощечины ловко увернулась. Локтем врезала ему под дых и успела на лету подхватить Арта, которого он выронил, задохнувшись.

Пока Арнис пытался отдышаться, у нас была фора, и я не стала ждать — пустила свою кобылу галопом. Но преимущество оказалось слишком невелико. Топот за спиной приближался. А я была не такой уж опытной всадницей, чтобы чувствовать себя уверенно в дамском седле, да еще придерживая Арта, который так и норовил сползти. За себя я не боялась — что мог Арнис сделать эфирному телу? Но вот коту — просто от злости...

На дорогу свесилась длинная гибкая ветка с жесткими листьями. Поймав на скаку, я оттянула ее и отпустила — так, чтобы она с силой хлестнула Арниса по лицу. Оставалось только надеяться, что ему не выбило глаза. Стук копыт отстал, как и яростная ругань, стихшая вдаль.

Я повернула коня на дорогу, ведущую к дому, и только тогда сообразила, что мы опоздали. Солнце быстро нырнуло за горизонт, и я обнаружила себя мирно пасущейся в загоне. Лэрга подошла к ограждению и дотянулась до меня.

— Я так и думала, что вы не успеете вернуться, Мария, — подойдя к крыльцу, она расправила подол, села на ступеньку и пристроила меня рядом. — Подождем Арта. Полагаю, это будет забавное зрелище.

Минут через двадцать он наконец появился. В расстегнутом на спине платье, скособочившись в непривычной посадке, Арт выглядел на редкость нелепо. Из седельной сумки торчала башка кота.

— Надеюсь, остальную одежду и ботинки ты не забыл? — Лэрга встала, ожидая, когда он подойдет.

— В сумке, — буркнул Арт, неуклюже спешившись. Подоспевший Иттон взял кобылу под уздцы. — Под котом. И да, мы ничего не нашли.

Похоже, рассказывать о нашей стычке с Арнисом он не собирался. Ну и правильно.

Держа сумку в одной руке, Арт подошел к крыльцу и второй рукой подхватил меня. Но тут же наступил на подол платья и чуть не упал. Подумав, он решил сразу две проблемы: приподнял подол до колен и посадил в него меня. Так мы добрались до гостиной. Переодевшись в библиотеке, Арт вернулся и опустился на колени рядом с креслом, где сидела я.

— Мари... Даже если ты уже отчаялась, я буду сам каждый день ходить на то место и искать вторую точку. Пока не найду или пока не кончится время. Да, мне будет очень тяжело расстаться с тобой, но я понимаю, что ты хочешь вернуться. И я сделаю для тебя все, что только смогу.

Арт не обманул. Девять дней подряд он ходил в лес на поиски. Ну и я вместе с ним, само собой. Хотя в душе махнула на все рукой. И особо не напрягалась. Найдем — хорошо, нет — ну и черт с ней, с точкой. Черт с ним, со всем. С каждым днем мне все больше и больше было наплевать на все. Жаба в депрессии — смешно? Наверно. Но смеяться не хотелось.

Пару раз с нами съездила Лэрга.

— Знаешь, Мария, — заметила она, посмотрев, как Арт рыщет по кустам, — я сомневаюсь, что он так искал бы свою точку. Он делает это ради тебя.

— Мне все равно, — покачала головой я. — Я уже ничего не хочу.

Это была правда. Последняя встреча с Арнисом вылечила меня от остатков влюбленности. Но... я оказалась в пустоте. В абсолютной, космической пустоте. Чувства Арта... Зачем они мне, если все равно не смогу на них ответить? Ведь либо я вернусь домой, либо останусь жабой.

Это был обратный отсчет — с каждым днем надежда найти вторую точку таяла. Я смирилась. Будь что будет.

Наступил день, когда все должно было решиться. День перед полнолунием. Ночью одному из нас предстояло вернуться в свое тело. А если это выпало мне — то и в свой мир. Второму оставалось еще две недели, чтобы продолжить поиски. Но было ясно: если мы не нашли пропавшую точку до сих пор, она может быть где угодно, даже в соседней провинции.

— Мари, если я вернусь в свое тело, то тебя не оставлю, — сказал Арт перед рассветом, сидя в кресле и глядя меня по спине. — И есть еще целый день. Вдруг нам повезет сегодня?

Но не успело солнце подняться над горизонтом, как небо затянули черные тучи. Через полчаса после рассвета полил дождь, да такой, что за дверь нос было страшно высунуть.

— Жаль, — вздохнула Лэрга. — После такого сильного ливня точку, боюсь, будет уже не найти. Смоет водой в какой-нибудь ручей и унесет.

— Ну и ладно, — я даже голову не подняла, разглядывая подол платья.

Арт вскочил ко мне на колени, лизнул в щеку, потерся башкой о подбородок и снова спрыгнул на пол. Подошел к двери и протяжно мяукнул.

— Вымокнешь, — предупредила Лэрга. — Там настоящий потоп.

Прошло полчаса, час — Арт не возвращался. Я вынесла Мари по нужде, посадила ее на дорожку, а сама с крыльца выглядывала, не мелькнет ли в траве черное пятно.

— Неужели в лес побежал? — забеспокоилась Лэрга, когда я, подобрав Мари, вошла обратно. — Прежний Арт точно так не сделал бы. Вот уж не знаю, что его изменило. Два года в кошачьей шкуре или... одна прекрасная жаба.

— Возможно, он думает, что мы нашли мою точку. И ищет свою.

— Ты прекрасно знаешь, что это не так.

— Он сам говорил, что боится этого. Что точка моя. Потому что не хочет со мной расставаться, — непонятно зачем упиралась я, хотя прекрасно знала: она права.

— Мария, Мария... — Лэрга покачала головой. — Как ты не можешь понять, он же любит тебя. Не как Арнис, который тебя, по правде, ни капли не любил. Арту все равно, жаба ты или призрак.

— Тогда почему?..

— Потому что сейчас вы на равных. За исключением того, что ответных чувств ты к нему не испытываешь. А если Арт вернется в свое тело, а ты останешься жабой, будешь вдвойне несчастна. Он этого не хочет. Для него легче потерять тебя совсем, чем быть поблизости, но... все равно далеко.

— Если бы мы получили ответ насчет эфирных тел... Если бы мы снова стали людьми и я осталась здесь... Может быть, со временем... Поймите, я попала сюда потому, что человек, которого любила, меня не просто бросил — предал. Со мной случилось почти то же самое, что и с Ирессой. Только он не был моим мужем. И я не пыталась покончить с собой, все вышло случайно. Но мои чувства к Арнису, наверно, были попыткой заполнить пустоту. Сейчас у меня внутри такая же дыра, и я не хочу повторить все снова. Тем более в этом точно так же не было бы никакого смысла.

— Девочка моя... — Лэрга погладила меня по плечу. — Если б ты знала, как я тебе сочувствую. И ему. И как беспокоюсь сейчас за этого паршивца. Где его носит?

Перевалило за полдень, время ползло к вечеру. Я ходила по гостинной взад-вперед, не находя себе места от переживаний.

— А если он свалился в какой-нибудь ручей и утонул? А если его волк сожрал?

— Мария, прекрати! — сердилась Лэрга. — Кошки прекрасно плавают. А волку кот на один зуб, будет он пачкаться.

— Тогда почему вы тоже волнуетесь?

— Потому что... просто волнуюсь.

— А может, он совсем ушел? — от неожиданно пришедшей в голову мысли стало жутко. — Чтобы не знать, чья была точка?

— И остаться котом, если она его?

— Вы же сами сказали, что после сегодняшнего ливня вторую искать уже нет смысла. И что сейчас мы на равных. Он может вернуться через две недели, после новолуния. Тогда или меня здесь уже не будет, или... мы по-прежнему будем на равных.

— Ну... — Лэрга задумалась. — Может, ты и права. Хотя я не вижу в этом никакого смысла. И знаешь, я была бы здорово разочарована. Заставлять людей так переживать не слишком порядочно.

Из-за обложных туч весь день, с самого утра, казалось, что уже глубокий вечер. В астрономических часах Лэрги я разбираться так и не научилась, спрашивать ее без конца было неловко, и поэтому тупо сходила с ума. То и дело выбегала на крыльцо — якобы прогулять Мари, которая, наверно, уже молила в своих жабьих мыслях: отстань от меня! А я все высматривала, не покажется ли на дорожке кот — мокрый, отвратительный, мерзкий кот!

Сволочь! Вот только вернись — я с тебя шкуру спущу, зараза!

— Дело к закату, — Лэрга посмотрела на часы. — Так и будет всю ночь сидеть голым под кустом? Ему-то что, не холодно, а коту бедному каково? И так весь день мок.

В этот момент с крыльца донеслось жалобное мяуканье, больше похожее на вой.

— Гадина! — я вскочила с кресла и понеслась к двери. — Башку оторву! И хвост тоже!

Открыв дверь, я схватила Арта на руки, прижала к себе. Дрожащего, грязного. Мокрого и холодного.

Что?!

Ну, дрожащего и грязного понятно, это видно. Но мокрого и холодного?! Я это почувствовала?! Выходит, тогда тепло мне не померещилось?

— Мария, если ты не хочешь через минуту оказаться в объятиях голого мужчины, отпусти Арта, — услышала я за спиной насмешливый голос Лэрги. — Пусть идет

одеваться. А кота потом надо будет вытереть и накормить.

Да черт с ним, с котом, не помрет, они живучие. Подождет немного.

— Лэрга, послушайте, я...

Не успела! Ну что за непруха такая, а?

Я возилась в углу и шебуршала лапами, но она сидела в кресле, глубоко задумавшись, и не обращала на меня никакого внимания. Пока из библиотеки не вышел Арт, держа на отлете мокрого кота с уныло повисшим хвостом.

— Можно мне тряпку какую-нибудь? А то он начал сам о кресло вытираться, пока я одевался.

— Леста! — крикнула Лэрга и приказала, когда служанка заглянула в дверь гостиной: — Забери кота на кухню, оботри его хорошенько и нарежь ему мяса. Ну! — повернулась она к Арту. — Вы ничего не хотите нам сказать, господин Магден?

— Если вы так обращаетесь ко мне, наверняка сердитесь, — Арт поискал меня взглядом, взял в руки и сел в кресло. — Хочу, Лэрга. Хочу попросить прощения. Это было с моей стороны... — он запнулся, подбирая слово. — В общем, я был неправ. Простите меня.

Я дотянулась и цапнула его за палец. Изю всех своих беззубых сил. Потому что злилась, но больше от отчаяния. Поскольку не успела сказать то, что хотела.

Арт усмехнулся и погладил меня.

— Понимаю, ты тоже сердишься, Мари. Я знаю, что не должен был заставлять вас беспокоиться. Но так вышло. Сначала я искал точку. Почему-то показалось, что обязательно найду ее сегодня. А потом... это было отчаяние. Самое настоящее. Так не должно было случиться — чтобы в свое тело вернулся только один из нас. И я решил, что останусь в лесу. И буду искать до самого новолуния. И если та точка, которую мы нашли, моя, а вторую найти не удастся, лучше уж мне остаться котом.

— Мы так и подумали, — вздохнула Лэрга. — Точнее, Мария так подумала. А я сказала ей, что ты сильно изменился, Арт. И что же заставило тебя вернуться?

— Мысли о том, что вы наверняка волнуетесь. Да и кота стало жаль, он вымок и замерз. А еще понял, что должен попрощаться с Марией. Если вернуться выпало ей. Хотя это и тяжело. Вы ведь можете прочитать заклинания только над ней? Если ничего не выйдет, если точка моя, я все равно буду искать. До самого последнего дня. А если не найду... Что ж, пусть все останется по-прежнему. Может, когда-нибудь мы получим ответ от темных сил, как эфирные тела могут стать настоящими.

Я ворочала глазами во все стороны, забыв напрочь, в какую означает «да», а в какую «нет», и даже квакнула натужно от расстройства, но никто не обратил внимания.

Такую-то мать!!! Это действительно моя точка, я поняла. Она во мне, и именно поэтому я стала что-то чувствовать. Сначала тепло, потом холод и сырость. Видимо, она как-то влияет на эфирное тело. Но я правда не знаю, чего хочу.

Вернуться домой? Ну да, там Питер, уютная квартира, машинка и ноутбук с интернетом. Любимый грузинский ресторан и шкаф с платьями. Там родное тело, пусть даже ему сильно повредили несколько месяцев без сознания. В конце концов, я еще не такая старая, все поправимо. Массаж, фитнес, косметолог, витамины. На море можно съездить. Завести какие-нибудь легкие необременительные отношения — без перспектив, чисто для удовольствия. Чтобы почувствовать себя красивой и желанной. Забыть, обо всем забыть, жить дальше. Ничего не было. Просто кома — мало ли что в ней могло привидеться.

Но вот смогу ли я забыть? Не пожалею ли?

— Ничего не выйдет, Арт, — Лэрга подошла к нему и положила руку на плечо. — У этих заклинаний такая сила, что они действуют, даже если ты будешь на другом конце

мира. Они обращены не к животному, не к душе, а именно к точке. Я не могу объяснить вам суть лунной магии, разве что в общих чертах. Пока ваши души были связаны с Элией, она одна могла сдвинуть точки к жизни или смерти. Сейчас это подвластно и мне, но лишь в полнолуние. И только для той точки, которая уже соединилась с душой.

— Вот как... — Арт закрыл лицо руками, и слова прозвучали глухо. — А я на мгновение понадеялся, что ваша магия подействует и на ту точку, которую мы не нашли. Но ведь правда, тогда не надо было бы их искать. Это значит, я не могу отказаться, так? Или вы читаете заклинания, и один из нас возвращается в тело, или все остается по-прежнему? Для нас обоих?

— Да, Арт. Ты понял правильно. Если провести обряд, один из вас снова будет человеком. У второго останется две недели, чтобы найти точку. Но ты понимаешь, что надежды на это слишком мало. Можно сказать, ее уже нет. В новолуние точка исчезнет, а тело умрет. А без заклинаний вы оба так и будете жить дальше, котом и жабой, сколько им отпущено.

— Я не могу так поступить с Марией, Лэрга. Неважно, чего хотел бы я. Если так решат темные силы, пусть она возвращается домой.

Эй, вы, оба, я ведь тоже здесь. И меня это напрямую касается. Хоть спросите, хочу ли я вернуться. Чтобы могла глазами поворочать, да или нет. Правда, я все равно не помню, в какую сторону. Да и потом... не знаю, хочу или нет. Так что... решай ты, Арт. За нас обоих. Но ты ведь уже все решил. Тогда... прощай...

— Хорошо, Арт, — Лэрга кивнула. — До полнолуния остался час с небольшим. Давай все подготовим, а потом у тебя будет немного времени побыть с Марией. На тот случай, если больше вы уже не увидите. Отодвинь кресла и стол и скатай ковер.

Держа меня в руках, Лэрга отошла в угол, а Арт освободил центр гостиной. Светлые доски пола оказались подогнаны так плотно, что я едва смогла разглядеть стыки. В самой середине была начерчена большая пентаграмма с загадочными символами вокруг. Снова отдав меня Арту, Лэрга поставила по углам красные свечи, принесла коробочку с черным порошком и миску с опалово поблескивающей жидкостью.

— Идите в библиотеку, — сказала она. — Я позову.

Мы снова сидели в кресле у камина, а сытый кот рядом вылизывал влажную шерсть.

— Я люблю тебя, Мари, — тихо сказал Арт. — Кем бы ты ни была. Мне все равно. И как бы ни сложилось, я хочу, чтобы ты об этом знала.

Как жаль... Ведь мне-то было известно, как все сложилось. Чью точку мы нашли. Только не успела об этом сказать. Как жаль... Ведь сложись все иначе, я, возможно, смогла бы со временем его полюбить. И это была бы совсем другая любовь.

— Пора! — в библиотеку заглянула Лэрга.

В гостиной у стены стоял Иттон, у его ног лежала Иресса, а у нее на спине устроился Митрис.

— Мария, мы не знаем, как все выйдет, — Лэрга подошла к Арту и положила ладонь мне на спину. — Но если сейчас расстанемся, я хочу попрощаться с тобой. От всех нас. Мы будем тебя помнить. И ты нас не забывай. Пусть все у тебя сложится хорошо.

Иттон погладил меня, Иресса лизнула, Митрис провел по спине крылом. А потом мы остались в гостиной втроем.

— Арт, встань с Марией в центр, — Лэрга указала на пентаграмму.

И снова свечи загорелись сами собой, одна за другой. Часы отсчитывали последние минуты до начала полнолуния. Взмахнув кропилом, Лэрга обрызгала нас маслянистой жидкостью с терпким запахом — да, я чувствовала его! Огонь в камине вспыхнул ярко-сиреневым пламенем, когда она бросила туда горсть черного порошка. Зазвучали ритмичные слова заклинаний, похожие на заунывную песню.

— Прощай, Мария, — шепнул Арт. — Или... до новой встречи.

Прощай, Арт, мысленно ответила я. Прощай...

Комнату заволокло сиреневой дымкой, которую вдруг разорвала алая вспышка...

На мгновение меня ослепило, а когда я открыла глаза, Арта рядом не оказалось. Только кот в углу сосредоточенно нализывал лапу и мыл морду.

— Выходит, точка была его, — Лэрга взмахнула рукой, и свечи погасли так же, как и зажглись, одна за другой. — Представляю, что сейчас творится в доме Магденов. Спящий восстал! Ну хоть побреется.

Этого не может быть! Как же так? Мне не показалось, я же действительно чувствовала все это: тепло, холод, сырость, запах. Значит, я ошиблась, и это не имело никакого отношения к точке. И значит, я остаюсь здесь...

— Мария, мне очень жаль... Милая моя...

Лэрга нагнулась, подняла меня с пола, прижала к груди, поглаживая по спине.

Ну что поделаешь. Значит, так было надо. Кому? Трудно сказать. Может, мне. Может, Арту. Только мы об этом еще не знаем. Но сейчас я больше всего на свете хотела бы забиться в какой-нибудь темный угол и впасть в спячку. На полгода. Пожалуйста, вы, которые выше, нельзя ли выключить лето и включить зиму? Прямо сейчас? В порядке исключения? Раз уж так все сложилось.

— Даже не знаю, что тебе сказать, чем тебя утешить.

Не надо ничего говорить, Лэрга. Ты замечательная, необыкновенная. Но, пожалуйста, оставь меня сейчас в покое.

Она словно услышала. Отнесла в библиотеку, устроила на подушке в кресле.

— Наверно, тебе хочется побыть одной, Мария. Поговорим завтра.

В библиотеке никого не было, даже Митриса. И это показалось мне таким странным. Каждую ночь мы проводили здесь с Артом вдвоем. Он разбирал книги, находил интересные отрывки, показывал рисунки. Учил читать. Или просто сидел в кресле, держа меня на коленях. Смотрел в огонь, о чем-то говорил, не ожидая ответа. Так спокойно, уютно...

Ничего этого больше не будет. Даже если утром он придет, и мы сможем разговаривать. Он снова человек, а я... жаба Мария. Эфирное привидение с грязной головой.

Скрипнула дверь, а я даже не могла обернуться и посмотреть, кто пришел. Лэрга? Иттон? Иресса?

Кот запрыгнул в кресло и улегся рядом. Просто кот, не Арт. Но мне все равно стало капельку легче. Он свернулся клубком и тихо мурчал, и под эти мерные убаюкивающие звуки я задремала.

А когда проснулась, библиотеку заливал солнечный свет. Огонь в камине погас, только еле-еле тлели угли. Я полусидела-полулежала в кресле, скрючившись самым диким образом. Будь я человеком, наверняка свело бы все мышцы. Обычно перед рассветом Арт относил меня в гостиную, где оставалось мое платье. Но теперь сделать это было некому. Даже кот ушел по своим кошачьим делам.

Подкравшись к двери на цыпочках, я прислушалась, выглянула в гостиную. Там никого не было. Лэрга наверняка еще спала, а Леста возилась на кухне. Ковер вернулся на место, стол и кресла тоже. На одном из них лежало мое унылое бурое платье и остальные детали туалета. Но едва я нацелилась забрать их, кто-то поднялся на крыльцо и постучал в дверь. Быстрые шаги донеслись из коридора — наверно, Леста спешила открыть.

Мужской голос, говорящий что-то неразборчивое. Неужели Арт?!

Дверь в прихожую была распахнута настежь. Я юркнула обратно в библиотеку, так и не добравшись до кресла. Ну что за невезение?! Оставалось только надеяться, что Лэрга, выйдя к нему, догадается и принесет мне платье.

Я стояла, прижавшись голой спиной к двери, и ждала, считая почему-то от ста до нуля. Пока не раздался осторожный стук. Совершенно растерявшись, я еще сильнее прижала дверь, но она все же подалась, и в щель просунулась рука, сжимающая мою одежду. Широкий рукав белой шелковой рубашки, присборенный к манжете. Красивые длинные пальцы с аккуратно подстриженными и до блеска отполированными ногтями. И когда только успел? Еще вечером были довольно жуткие, не ногти, а когти. Как и у меня.

Я схватила платье и все остальное и захлопнула дверь. Почему-то было страшно неловко.

Разумеется, я пыталась представить, как все будет, если Арт вернется в свое тело, а я останусь жабой. Но действительность оказалась гораздо более тоскливой. А ведь мы и словом пока не перекинулись. Да что там, я его еще даже не видела. Но еще больше не хотелось, чтобы он видел меня — такой.

Да, мы были рядом все это время. Но Лэрга сказала верно: тогда мы были на равных. Сейчас... Лучше даже не думать.

Я одевалась медленно, очень медленно. Тянула время, хотя и понимала, что выйти все равно придется. Не спрячешься, не отсидишься. Надо было решиться, и я снова считала, только теперь от нуля до ста. Набрала побольше ненужного воздуха и открыла дверь.

Арт поднялся из кресла, сделал шаг навстречу, остановился, глядя на меня.

— Здравствуй, Мари...

Нет, красавцем он, конечно, не стал — после двух-то лет комы! Ну да, гладко выбрит, волосы чистые, расчесанные, живописно падающие на плечи. Но изменилось главное: появилось то, чего точно не было у эфирного тела. Да нет, не появилось — вернулось. Необыкновенная, я бы сказала, дьявольская привлекательность. То, что глубже и убийственнее красоты. Теперь я понимала, почему ни одна женщина не могла остаться к нему равнодушной. Впрочем, не только это. В нем чувствовалась жизнь, сила, энергия. То, чего не было у меня.

Вот теперь-то я поняла Арниса. Жаба жабой, но какой ужасной я должна была показаться ему, когда он увидел меня лишенной магии флера! Хотя сейчас я сознавала свою непривлекательность гораздо сильнее.

Арт подошел ближе, обнял меня, и я уткнулась носом ему в плечо. От него пахло чем-то очень приятным — может, мылом или душистой водой. А еще — чистой кожей, свежим потом. Тот особый мужской запах, который сводит с ума и заставляет сердце биться в ритме рейва. Да, сердца у меня не было, и колотиться бешено ничего не могло. Но запах я чувствовала! Очень слабо, как намек — но определенно чувствовала! А еще влажное тепло его дыхания на шее. И тяжелое тепло его рук на талии.

— Мари, милая... — прошептал он и потянулся к моим губам.

В этот момент откуда-то из-за его спины донеслось осторожное покашливание.

— Прошу прощения, что помешала, — сказала Лэрга, входя в гостиную. — Доброе утро, Мария! Здравствуй, Арт!

Мы отскочили друг от друга, как школьники, которых застукал директор.

— Доброе утро, Лэрга, — пробормотала я и села в кресло.

— Доброе утро, — повернулся к ней Арт. — Я приехал сказать, что одежду Олина приведут в порядок, потом я ее верну.

— Неужели ты думаешь, она ему нужна? — усмехнулась Лэрга. — И мне как-то с трудом верится, что ты приехал только для того, чтобы сказать об этом. Дай хоть взгляну на тебя. Да... узнаю прежнего Магдена, рядом с которым даже старухи начинали волноваться и краснеть. В эфирном теле есть душа, но оно лишь копирует настоящее. Нет в нем той особой силы жизни, ее магии.

Разумеется, Лэрга не хотела задеть меня, но сказала вслух то, о чем думала я сама. И от этого стало еще больнее. Да, я лишь бледная тень реальной Маши. Живая, но... как бы лучше выразиться-то? Не живущая по-настоящему.

Арт рассказывал, как очнулся у себя дома — словно проснулся. Как все вокруг забегали, засуетились, сколько было слез и радости.

— Я думал, что даже встать с постели не смогу — после того как два года пролежал без движения. И сначала действительно было трудно. И слабость, и скованность какая-то. А потом ничего, все стало нормально. Но так странно — есть обычную еду из тарелки, а не сырое мясо, принимать ванну.

Я слушала его вполуха. Больше разглядывала, прикрыв лицо ладонью, чтобы это было не так заметно. И пыталась понять, что почувствовала, когда он обнял меня и хотел поцеловать. Какие вообще чувства испытываю к нему.

Ну, что-то такое теплое и нежное появилось с самого начала. Еще когда мы были только котом и жабой. Тогда мы болтали целыми днями, я грелась у него под боком, и он возил меня на спине от моего стола с миской к камину. Привязанность, привычка, дружеские чувства... Именно то, чего у меня не было к Арнису, который раздражал с самой первой встречи. Ну да, чисто по-человечески мне в нем вообще ничего не нравилось.

Но зато тянуло к нему как к мужчине. Хотя желание это было более чем странным. Наверно, что-то похожее может испытывать старик к юной девушке. Он еще помнит, как все бывало когда-то. И в мыслях проделывает с ней такое... А тело остается равнодушным. Та самая похоть очей...

Ничего подобного к эфирному Арту я не испытывала. Лишь то же самое, что чувствовала по отношению к коту. Может быть, потому, что это был совсем не тот мужской тип, от которого у меня дрожали колени. Или потому, что мысли были заняты Арнисом. Но сейчас...

Я понимала, что имела в виду Лэрга, говоря, что рядом с ним волнуются даже старухи. Но от этого стало так горько... Как-то в детстве я разгрызла случайно таблетку, которую надо было глотать, а потом два дня не могла избавиться от горечи во рту.

До этого мне было больно и досадно сознавать, что человек, в которого влюблена, не стоит ни единого доброго слова. Но еще больнее — вот ведь парадокс! — было бы сейчас влюбиться в того, кто достоин любви. В того, кого при иных обстоятельствах я могла бы полюбить — и душой, и разумом, и... телом. Но тело-то как раз ничего и не испытывало.

Нет, прорезалось что-то, неожиданно, непонятно. Однако это были другие ощущения. Да, чувственные, хотя и бледные, слабые. Но совсем не те, которые испытываешь, когда рядом желанный мужчина.

Я не хотела этого еще раз! И ради себя, но больше — ради Арта. Что я могла дать ему? Быть может, сейчас он был бы счастлив любому интересу с моей стороны, но надолго ли этого хватит? Френдзона — тот еще ад. Невольно я снова вспомнила Мишку.

— И что ты теперь намерен делать? — поинтересовалась Лэрга. — Вряд ли Арнис

допустит, чтобы ты вернулся ко двору.

— Двором, Лэрга, я сыт на всю оставшуюся жизнь. Отец предложил мне уехать в наши поместья на юге, заняться хозяйством. Но я пока останусь. Ведь мы же договорились, что я приведу в порядок вашу библиотеку.

Она хотела ответить, но в этот момент за окном показался Митрис. Оказавшись в гостиной, он сел на плечо Арта и начал перебирать клювом его волосы. И тут же на пороге появились Иттон с Ирессой. Арт подошел к Иттону и крепко его обнял. Иресса встала на задние лапы, уцепившись передними за штаны Арта. Тот наклонился, и лиса облизала его щеки.

— Мы все будем тебе рады, — улыбнулась Лэрга. — Можешь хоть сейчас приступить.

— Сейчас, я думаю, мы с Мари поедem в лес.

Повисла тяжелая пауза. Все смотрели на меня.

— Может, надо спросить Марию? Хочет ли она этого?

— Я не знаю, — выжала из себя я, накручивая на палец пояс платья. — Правда, не знаю. Страшно думать, что здесь проживу всего лет десять или даже меньше. А потом попаду на склад, как ненужная рухлядь. До скончания времен. Но и дома... иногда мне кажется, что там я не нужна никому. И мне никто не нужен.

— Вот поэтому и поедem, — Арт смотрел на меня в упор, чуть прищурившись. — Потому что ты сомневаешься. Чтобы через две недели не смогла себя упрекнуть: была возможность, но не использовала. А так непременно будет, если перестанем искать.

— А что, если найдем?

Я имела в виду не себя. Его. Что будет делать он, если найдем. И Арт понял это.

— Тогда у тебя появится выбор, Мари, — его голос стал жестким, глаза потемнели. — Вернуться домой или остаться здесь... жабой. Осознанный выбор, а не единственная возможность по воле обстоятельств.

— Но ведь ты же не сможешь теперь увидеть точку, — я вяло сопротивлялась, хотя в душе уже сдалась.

— А я буду следить, чтобы ты не отлынивала. Чтобы искала, а не страдала под кустом.

Он улыбнулся, и я поняла, что гибну, тону в его глазах...

Нет, только не это! Ни за что! Я не позволю себе! Никому от этого лучше не будет!

Он прав, я стану рыть носом землю, весь этот чертов лес перекопаю, под каждый куст загляну. Если все вдруг начало разворачиваться таким макаром, надо действительно убратъся отсюда. И чем быстрее, тем лучше. Пока не стало слишком поздно.

Прошла неделя. Каждый день на рассвете Арт заезжал за мной, и мы отправлялись в лес. Благо погода стояла сухая. Была б я настоящей, к вечеру наверняка болела бы спина, ноги и глаза — так усердно вглядывалась в каждый сантиметр, под каждый куст, в каждую канавку и ямку.

Арт держался поодаль. Находил полянку и сидел там, приглядывая за лошадьми. Потом, когда я забиралась далеко, догонял и делал новый привал. Разговаривали мы мало. И не только в лесу, но и по дороге. Но я то и дело ловила на себе его печальный взгляд. Это был... все тот же кот. Милый, заботливый. Но только совсем не веселый и не язвительный.

На закате он провожал меня до крыльца, целомудренно целовал в щеку и отправлялся домой.

— Не хочу, чтобы пошли какие-то слухи, — объяснил он Лэрге. — А для библиотеки еще будет время. Много времени.

Впрочем, слухи все равно поползли: кто-то увидел Арта выходящим из дома Лэрги, да еще и не единожды. Но она живо их пресекла простым объяснением: молодой Магден ухаживает за ее родственницей из Дегары. А вовсе не то, что там подумали. Ведьмы, разумеется, знали правду, но помалкивали, строго соблюдая свое правило: не выносить из зала собрания ничего, о чем там узнали.

На восьмой день, возвращаясь из леса, мы встретили неподалеку от дома... ну разумеется, Арниса, кого ж еще.

— О, Магден со своей подружкой-жабой! — глумливо рассмеялся он, держась на безопасном расстоянии.

— Еще одно подобное слово о моей невесте, Арнис, — отрезал Арт, — и я вызову тебя на поединок. По закону нельзя вызвать короля, а тебя — можно.

От его слов о невесте я вздрогнула — или это мне показалось?

— Ты спятил? — Арнис, похоже, даже растерялся. — Мария — твоя невеста?

— Разве вы знакомы? — удивление Арта выглядело вполне натуральным. — Это родственница Лэрги Мария Моэра из Дегары. Я знаю ее очень давно.

— Что ты несешь, Магден? Это жаба Мария, фамильяр Элии Беригар — да упокоят ее темные силы. Жаба, эфирное тело которой Элия пыталась мне подsunуть, чтобы соблазнить с помощью магии.

— Арнис, Арнис... — лицемерно вздохнул Арт. — А ведь я тебя предупреждал, что фрайта до добра не доведет. Кажется, ты перестал различать, где морок, а где действительность. Послушай моего совета, брось ее. Иначе лишишься остатков разума.

Лицо Арниса залила краска, рот перекосило, как будто его хватил удар. Он пришпорил коня, но тут же обернулся и крикнул:

— Нет, Арт, как хочешь, но она жаба. Желаю счастья. И много-много головастиков.

Ощущение было такое же, как в первое утро, когда Элия принесла мне миску с мучными червями. Эфирное тело не могло испытывать тошноту. А вот мое сознание — очень даже.

— Прости, Мари, что назвал тебя невестой, — Арт покаянно опустил голову.

— Неважно...

Я пожала плечами и вдруг почувствовала что-то хорошо знакомое, хоть и забытое. Защищало глаза. Нет, слезы так и не выступили, но мне точно не почудилось.

— Что с тобой? — насторожился Арт. — Ты все еще... переживаешь... из-за него?

— Нет. Просто очень стыдно, что была влюблена в такого...

— Не надо, Мари, — он провел пальцами по моей щеке, словно стер так и не пролившиеся слезы. — Что тогда говорить мне? Я сделал намного больше ошибок.

— Что такое фрайта? — невольно улыбнулась я.

— Болотная трава. Ее сушат, заваривают и пьют отвар. Он вызывает видения — очень непристойные, очень приятные и очень похожие на действительность. При дворе многие им увлекаются.

— Зачем? — не поняла я. — Ведь вы там и так все спите друг с другом.

— Если выпить отвар вдвоем, он усиливает желание и наслаждение.

Вот оно что! Не зря я удивлялась, почему Арнис на свиданиях со мной был таким... заведенным. Не только во флере дело. Наверняка пил эту пакость перед прогулкой. Наркоман хренов!

Арт помог мне слезть с лошади и слегка обнял.

— До завтра, Мари!

Ответить я не успела — оказалась в загоне. Вообще переход из жабы в эфирное тело я воспринимала спокойно, а вот обратный каждый раз вызывал оторопь. Только что была почти человеком, вдруг мгновенное затмение — и я уже в траве, которая выше меня. А вокруг копошится еда, и ее надо снайперски подбить длинным клейким языком.

Арт подошел к изгороди, держа в руках мою одежду и башмаки.

— А представляешь, если б ты исчезла во время разговора с Арнисом? — усмехнулся он, вытаскивая меня из загона. — Тогда трудно было бы убедить его, что ты Мария Моэра из Дегары.

На крыльцо вышла Лэрга, и Арт отдал ей меня.

— Снова ничего, — без слов поняла она. И предложила: — Оставайся поужинать.

— Благодарю, Лэрга, но нет, поеду домой.

Он уже отошел к своему коню, но вдруг обернулся.

— Мы сейчас встретили Арниса. И я сказал, что Мария — моя невеста. Ваша родственница из Дегары. А все остальное ему почудилось от фрайты. Как глупо!

— Почему? — удивилась Лэрга. — Очень даже умно. Я бы не догадалась насчет фрайты. Или... ты о другом?

Она подошла к нему, погладила по плечу.

— Не знаю, что тебе и сказать, Арт.

— Ничего и не надо.

Эй, что у вас за дурацкая манера говорить при мне обо мне? Как будто я не слышу или не понимаю. Я всего-навсего не могу ответить! Пожалуйста, не надо! Мне и так плохо!

— Я поеду, — он вскочил в седло. — До завтра, Лэрга!

Ночью я дремала в библиотеке, так привычно и уютно прижавшись к теплому боку кота. Арт хотел забрать его, но я упросила оставить. Наверно, в кошачьем сознании сохранилось это: как мы проводили рядом дни и ночи. И теперь, когда эфирного Арта больше не было, кот занял его место. Кстати, я так и не придумала ему имя. Артом звать не хотелось.

Засыпая под тихое мурчание, я представляла, что это прежний Арт. Из того времени, когда мы были фамильярами Элии. Котом и жабой. Просто друзьями.

Надежда таяла с каждым днем. Ее и так практически не было, но я все же цеплялась за нее из последних сил. Меня разрывало в клочья. Раньше казалось: хуже быть уже не может. Как же я ошибалась! Тогда было не плохо, а так... плоховато. Зато сейчас — это был ад. И я понимала, что нахожусь только в самом его преддверье.

Чем сильнее меня тянуло к Арту, тем больше я сопротивлялась этому чувству. Потому что знала: счастья оно не принесет ни мне, ни ему. Да что там счастье — это стало бы настоящей катастрофой. Рассчитывать на то, что темные силы вдруг сжалятся и подскажут насчет эфирного тела, было глупо. Я помнила их слова: «ответ получит тот, кому он нужен». Мне он был нужен — так, как ничто другое в мире. И Арту тоже. Но ответа не было.

То, что тело вдруг стало что-то чувствовать... Я, конечно, могла подумать, что это начало превращений — очень медленных. Но сомневалась, не показалось ли. Уж больно слабыми и бледными были эти ощущения. Я вполне могла принимать желаемое за действительное. Ведь в памяти остались чувства настоящего тела. Так что даже говорить об этом никому не стала. Чтобы не давать Арту ложной надежды. Да и самой себе тоже.

Последний день перед новолунием выдался серым, тусклым. Низкие неподвижные облака, казалось, задевали верхушки деревьев. Ни ветерка, ни звука. Попрятались птицы, умолкли в траве стрекотуны, которыми с удовольствием полакомилась бы Мари. Напряжение висело в воздухе — тяжелое, плотное.

Я была в полном отчаянии. Внутри бесчувственной оболочки кипела настоящая истерика, которая заставляла с удвоенным вниманием заглядывать под каждый куст.

— Мари, — тихо сказал Арт. — Пора возвращаться. Мы слишком далеко от дома.

— До заката еще много времени, — я не могла поверить, что все кончено. — Даже если не успеем — посадишь меня в сумку. Поищу еще немного.

— Нет. Уже нет никакого смысла искать. В этом месяце новолуние наступает сразу после заката. Даже если ты вдруг сейчас найдешь точку, все равно мы не успеем привезти ее к Лэрге. Милая моя, мне очень жаль.

Он молча обнимал меня, а я умоляла свое тело: «Пожалуйста, стань настоящим! Мне это нужно! Необходимо!» Но оно оставалось таким же мертвым куском неизвестно чего. Как резиновая баба из секс-шопа.

— Давай просто посидим немного. И потом поедем. Мне надо... как-то осознать это. Что все. Что я останусь здесь навсегда. Да нет, всего на несколько лет. И что через три часа мое тело где-то там, далеко, умрет...

Арт сел на траву под деревом, я рядом, прислонившись к его плечу. Закрыла глаза.

— Знаешь, — после долгого молчания сказал Арт. — Я сейчас чувствую себя таким мерзавцем.

— Почему? — удивилась я.

— Мне больно за тебя, почти до слез. И все равно под этим радость. Что ты осталась здесь. Знаю, что не должен радоваться, но ничего не могу с собой поделать. Прости.

— Арт... — простонала я. — Как ты не понимаешь? Никакой тут нет радости. Я не человек, и ничего у нас с тобой не выйдет.

Он поцеловал меня. Раз, другой. Жадно, настойчиво. Обнял крепко, явно не отдавая себе отчета в том, что делает. Рука соскользнула с талии на бедра.

— Поторопись, — сказала я с горечью. — Пока еще есть время. До заката.

— О чем ты? — кажется, мой тон его отрезвил.

— Ведь ты же хочешь. Так вперед.

— Мари... — он отпустил меня и отвернулся, тяжело дыша. — Мне важно, чтобы хотела ты.

— Я хочу. Но не так, как хотела бы... хотеть. Ты же знаешь.

Он покачал головой и встал.

— Поехали. Вот уж чем бы я меньше всего хотел воспользоваться, так это твоим разочарованием и досадой.

По дороге домой я думала, что чуть не повторила уже сделанную однажды глупость. Разница, конечно, была, но не такая уж большая. И хорошо, что Арт не пошел на поводу у своего желания и моего отчаяния. Хотя... с другой стороны, может, это заставило бы его понять, насколько все безнадежно. И тогда он уехал бы в свои поместья. И мне было бы легче справиться с собой без него. Или... нет?

Солнце зашло, когда мы даже еще из леса не выехали. Лэрга сидела на крыльце и держала Мари на руках.

— Вот и закат, — вздохнула она. — А через десять минут — новолуние. Ты здесь, Мария?

Я заворочала глазами, не слишком раздумывая, в какую сторону. Да, нет — не все ли равно?

— Мне так жаль...

Она прижала меня к себе, как ребенка, и гладила по спине, а я жалобно пищала — ну хоть так поплакать.

Пожалуйста, только не говори, что еще есть надежда. Не надо! Я этого не вынесу.

Но Лэрга молчала.

Арт появился, когда уже совсем стемнело. Вошел в гостиную, бросил на кресло мою одежду. И сказал, глядя в сторону:

— Я приеду завтра, Лэрга. Займись библиотекой. Спокойной ночи.

Пристроившись у теплого бока кота, я пыталась представить свое мертвое тело. Интересно, было оно подключено к аппаратам или так лежало без сознания? Если было, то теперь все отключили, накрыли простыней с головой. Или перегрузили на каталку, а потом накрыли. Отвезли в морг. Прицепили на палец ноги бирку. Может, даже уже вскрыли.

Эти мысли, по сути, ужасные, чудовищные, нисколько меня не волновали. Как будто думала о ком-то совершенно постороннем. Пряталась за ними от того, что мучило гораздо сильнее. Но помогало слабо.

Арт действительно пришел утром, и вид у него был такой, как будто всю ночь не спал. Поздоровался с Лэргой, точно так же со мной — вежливо, без тени эмоций. Ушел в библиотеку и закрыл за собой дверь.

— Пойдем и мы, Мария, — Лэрга посмотрела на меня с сочувствием. — Займемся нашими зельями.

Так прошло полдня. Потом Лэрга с Артом обедали, а я сидела в саду у загончика Мари и разговаривала с ней. Пришла Иресса, прилегла рядом. Я гладила ее и думала, что ей еще хуже, чем мне. Или нет? У нее есть Иттон, и оба они вполне живые.

— Не хочешь помочь Арту? — спросила Лэрга, выйдя на крыльцо.

Я колебалась и никак не могла решиться. Очень хотелось пойти к нему, но здравый смысл вопил: не смей, дура, держись от него подальше!

Но когда ж дура слушалась здравого смысла?

— Можно? — спросила я, приоткрыв дверь библиотеки. — Я тебе помогу.

Темные силы, какой это был взгляд! Сколько в нем пряталось боли и тоски. А еще любви и — несмотря ни на что! — надежды. Грудь словно ледяной лапой стиснуло. Опять показалось?

С нижними полками мы закончили раньше, теперь я стояла на раздвижной лесенке, снимала тома со средних полок, вытирала тряпкой и подавала Арту. Он разбирал по стопкам, а потом записывал в писцовые книги.

Тем же самым мы занимались и на следующий день. И в другие дни. Перебрасывались ничего не значащими фразами, хотя на самом деле главный разговор между нами шел без слов. Почти как раньше. Но если тогда мы слышали мысли друг друга, теперь просто угадывали. И ничего больше.

Лишь однажды я чуть не упала с лестницы, и Арт успел подхватить меня. В этом вообще не было никакого смысла, ничего не случилось бы, грохнись я хоть из-под потолка. Но вряд ли он об этом думал. И всего лишь на секунду задержал руки. Однако в эту секунду вместились целая вечность.

Так прошел месяц, и нам осталось разобрать последнюю полку. Я с ужасом думала о том, что будет, когда мы закончим. У Арта больше не останется причин приходить к Лэрге. Он уедет, и я его больше не увижу.

Это к лучшему, Маша. Сколько можно тянуть эту пытку? Пусть уезжает.

До верхних полок мне было уже не достать, Арт снимал книги оттуда сам и подавал мне. И вдруг вытащил из заднего ряда маленькую, размером чуть больше ладони, книжечку в зеленом переплете.

— «Трактат об эфирных телах», — прочитал он название. — Мари, ты слышишь? Может, это и есть наш ответ?

Сказать ничего я не успела — очутилась на травке в своем загоне. И принялась нервно хватать языком жуков и кузнечиков. Психический жор, что поделаешь. Арт пришел ко мне не сразу: наверно, рассказывал Лэрге о своей находке. Вытащил меня, разве что не расцеловал. Глаза его так сияли, что стало страшно. А вдруг ответа в книге нет?..

— Я хотел взять ее с собой и прочитать ночью, но подумал, что лучше мы сделаем это вместе. Правда, Мари?

Он отнес меня в дом и ушел, пообещав прийти пораньше.

— Я и не думала, что в библиотеке есть такая книга, — Лэрга погладила зеленый переплет. — Может быть, ответ все время был рядом. Если б ты знала, как мне хочется заглянуть в нее. Но Арт прав, это должны сделать вы вдвоем. Потерпим до завтра.

Ночью я так и не смогла уснуть, несмотря на убаюкивающее мурлыканье кота. Сердце колотилось за двоих — за жабу и за эфирную немочь. Мысли о том, каким разочарование может обернуться эта находка, я старательно пыталась отогнать, но получалось плохо.

На рассвете, едва я выбралась из Мари и оделась, с крыльца донесли быстрые шаги. Арт еще не успел постучать, а я выбежала в прихожую, опередив Лесту.

Вид у него был такой, словно спешил сделать мне предложение руки и сердца. Ну... или у как у молодой гончей перед охотой. И снова в нехорошем предчувствии сжалось в груди.

— Пойдем скорее! — он обнял меня.

Как будто любовник звал в спальню.

Черт, о чем я вообще думаю?!

Я села в кресло, Арт устроился на ковре у моих ног и начал читать. Но уже на второй странице, я поняла, что не выдержу эту пытку. Книга, довольно толстенькая, была написана нудным, заумным языком, такими сложными и длинными предложениями, что я теряла мысль к концу фразы.

— Арт, так дело не пойдет, — взмолилась я, проведя рукой по его волосам. Раньше они свисали до плеч сосульками, похожими на дреды, теперь стали густыми и блестящими, до них так и тянуло дотронуться. — Зачем нам нужно знать, из какой магической материи создаются эфирные тела? Давай ты будешь проглядывать про себя, пока не найдешь что-то важное для нас. Так выйдет быстрее.

Я встала, и Арт сел на мое место. Время шло, страницы шелестели. Я изнывала от нетерпения и безделья, бродила по библиотеке взад-вперед и мешала спать Митрису, вернувшемуся в клетку с ночной прогулки. Кот, на месте которого устроился Арт, тоже не слишком одобрял наше занятие, демонстрируя это всем своим видом. Пару раз в дверь заглядывала Лэрга и смотрела на меня вопросительно. Я качала головой, и она со вздохом уходила. Потом позвала Арта обедать, но тот отказался, и Леста принесла ему кусок мяса с хлебом.

Чем меньше оставалось непросмотренных страниц, тем сильнее было нетерпение и... страх. Будь я живой, уже по потолку бегала бы. Впрочем, будь я живой, эта книга нам бы и не понадобилась.

Наконец Арт перевернул последнюю страницу и прочитал:

«Издавна ходят слухи, что при определенных обстоятельствах эфирные тела, утратившие связь со своими породителями вследствие их кончины, могут стать вполне настоящими телами — со всеми возможностями обычных человеческих. Однако какие именно обстоятельства позволяют эфирной сущности преобразоваться в чувственное человеческое тело, никому не известно. Достоверных случаев подобных перерождений до сих пор описано не было, что ставит циркулирующие слухи под сугубое сомнение».

Помолчав пару секунд, Арт захлопнул книгу и бросил ее на пол.

— И это все? — почти шепотом спросила я.

— Да. Ну, еще автор благодарит читателей за внимание к его скромному труду и выражает надежду, что они потратили время не без пользы для себя.

— Зря выражает, — пробормотала я и... расхохоталась.

Вообще-то это была истерика. Ну раз я не могла плакать. Арт обнимал меня, гладил по волосам, по спине, шептал что-то на ухо, пытаюсь успокоить, но я даже не понимала, о чем он говорит.

— Вот и все, Арт, — наконец мне удалось хоть немного прийти в себя. — Это и был наш ответ. Никто ни о чем не знает, и вообще все это выдумка. Прости, мне сейчас надо побыть одной.

— Да, — кивнул он. — Мне тоже. И подумать о том, что делать дальше.

— Да о чем тут думать? — и снова мне было так горько, что я чувствовала эту горечь на языке. Словно жевала полынь.

Поцеловав меня в лоб, он быстро вышел. Я села в кресло, и кот тут же запрыгнул ко мне на колени. Точно так же, как это делал Арт. И точно так же потерся башкой о мой подбородок. Я и не заметила, как в библиотеке появилась Лэрга. Она молча погладила меня по плечу, и я прижалась щекой к ее руке.

— Я не знаю, что теперь, Лэрга. Лучше бы он больше не приходил.

— Может, ты и права...

Время свернулось, как прокисшее молоко. Боль — я реально ее чувствовала. Теперь это точно была не выдумка. И с последней искрой уже угасшей надежды я подумала: может, это и есть оно — то самое обстоятельство? Может, любовь и тоска могут превратить эфирное тело в настоящее?

Но едва солнце скатилось за горизонт, я снова стала жабой.

На следующий день Арт не пришел. Я и ждала, и не ждала. Бродила по дому и по саду. Хотела прокатиться верхом, но побоялась снова напороться на Арниса — закон подлости никто не отменял, да и мои вселенские рекорды в лузерской программе тоже.

Я убеждала себя: раз уж все так вышло, лучше мне забыть об Арте. И никогда больше его не видеть. А ему — забыть обо мне. Пусть уезжает и не возвращается. Все пройдет. Все проходит. Я была уверена, что люблю Вадима, потом не сомневалась, что влюблена в Арниса. Что от этого осталось? Ничего. И любовь к Арту пройдет точно так же.

Верила в это. Не верила. И снова пыталась проверить.

Кот — как специально! — ходил за мной по пятам, терся об ноги, лез на руки. Словно поставил себе целью напоминать об Арте. Можно подумать, я и так не вспоминала о нем каждую минуту.

Проведя без сна еще одну ночь, на рассвете я собралась вынести Мари в сад. Открыла дверь и вздрогнула: на крыльце сидел Арт, обхватив голову руками.

— Мари... — вскочив на ноги, он забрал жабу, отнес в загон и вернулся. — Пожалуйста, выслушай меня.

Мы сели рядом на ступеньку, и Арт взял мои руки в свои.

— Завтра я уеду в наши поместья, Мари.

Нет!!!

Да... Так будет лучше.

— Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

— Арт... — я покачала головой. — Ты хочешь... А ты спросил, чего хочу я?

— Мари, пожалуйста, поедem вместе, — его взгляд умолял, и я снова тонула в нем, как в омуте.

— В качестве кого ты меня зовешь?

— В качестве моей жены.

— Нет, Арт, — меня захлестывало отчаяние. — Я не могу, пойми.

— Почему? Я люблю тебя! И ты ведь тоже любишь меня? Скажи!

— Да, люблю. Но... я не могу. Что я могу тебе дать? Тебе нужна настоящая жена. Теплая, живая. Которая будет рядом и днем, и ночью. Родит тебе детей. И не оставит через десять лет, когда умрет эта жаба.

— Мари, я сам знаю, что мне нужно, — настаивал он, все крепче сжимая мои руки. — Мне нужна ты. Какой бы ты ни была. Пусть даже всего десять лет.

— Нет, Арт. Сейчас ты так думаешь. Но пройдет год, два, и я стану тебе в тягость. И я этого не вынесу.

— Мари!..

— Арт, пожалуйста, не мучай меня. И себя. Уходи!

Он молчал, низко опустив голову. Потом едва коснулся губами моих губ и встал.

— Прощай, Мари...

Я смотрела, как он идет к калитке, за которой к ограде был привязан его конь, и снова внутри все разрывалось на части.

Потом я не могла вспомнить, что делала в тот день, о чем думала. Только его слова крутились в голове:

«Я хочу, чтобы ты поехала со мной... в качестве моей жены. Мне нужна ты. Какой бы ты ни была...»

Его умоляющий взгляд и последний поцелуй...

Что-то говорила Лэрга, но я ее не слышала. Скорей бы прошел этот день. И следующий. И тот, который будет за ним. Скорей бы наступил тот день, когда боль притупится, и тоска перестанет грызть так сильно.

Я убеждала себя, что все сделала правильно. Так, как и должна была. Думая в первую очередь о нем, а не о себе. И у него тоже все пройдет. И он еще будет благодарен, что я не позволила ему сделать глупость — жениться на жабе. И, погружаясь в неглубокий рваный сон, я хвалила себя за это: в кои-то веки поступила так, как надо. По уму, а не по глупым желаниям.

Но проснулась я в такой тоске, что перехватило дыхание. До рассвета было еще далеко, за окном стоял непроглядный мрак. И точно так же черно было у меня на душе. А потом темнота начала рассеиваться. И к тому моменту, когда я посмотрела на сидящую в кресле Мари со стороны, уже не сомневалась, что сделаю это.

Быстро натянув простое платье, я забарабанила в спальню Лэрги.

— Что случилось? — она вышла на порог, набросив поверх рубашки бархатную накидку.

— Где он живет?

— Платье! — Лэрга поняла меня с полуслова. — Давай быстрее, я помогу тебе переодеться. Может, еще успеешь. А если нет, догоняй. Ехать надо по южной дороге, от

берега озера, никуда не сворачивая.

Застегивая на мне платье, она рассказывала, как найти в городе дом Магденов.

— Если заблудишься, спросишь.

Будить Иттона Лэрга не стала, сама оседлала коня и вывела из конюшни. Набросила на меня дорожный плащ с капюшоном, крепко обняла и помогла забраться в седло. Кот и Мари вместе сидели в притороченной сумке, как когда-то мы с Артом.

— Попрощайтесь за меня с Иттоном, Ирессой и Митрисом, — попросила я.

— Конечно, — кивнула Лэрга. — Хотя что-то мне подсказывает, Мария, мы еще обязательно увидимся. Я же ведьма, и мне многое открывается. Жаль, что не все.

Я торопилась как могла, но когда наконец нашла дом Магденов — роскошный, почти дворец, — слуга, вышедший к воротам, с сожалением поклонился:

— Прошу прощения, госпожа, но господин Магден уехал два часа назад, еще затемно.

Я пришпорила коня, выбралась за городские ворота и понеслась по дороге. Вскоре впереди показалась повозка с поклажей, на которой ехали двое слуг. Они подтвердили: да, господин Магден едет в этом направлении, а они — следом.

Мне даже в голову не приходило, что торопиться нет никакой нужды, я никуда не опоздаю. Вряд ли Арт мчался галопом, а даже если б и так — все равно рано или поздно я добралась бы до поместья и встретилась с ним. Но нет, я летела, как будто секунда промедления могла стоить нам обоим жизни.

Все мои здравые рассуждения были забыты. Я должна... не должна?.. Я не могу без него! Он прав — лишь бы только быть рядом.

Конь начал уставать, и ему нужно было дать отдохнуть. Я засомневалась, что смогу нагнать Арта, если он тоже скакал быстро. Два часа — большая фора. Да и дорога, свернув от озера, стала непростой: затяжные подъемы чередовались с крутыми спусками, где надо было переходить на шаг.

Уже вечерело, когда я поднялась на высокий холм и увидела далеко внизу крохотную фигурку на коне. И погнала еще сильнее, рискуя вылететь из седла на каменистом склоне. Да в конце концов, что со мной могло случиться?

Он услышал топот копыт, обернулся. Замер, словно не поверил глазам, а потом помчался мне навстречу. Осадив коня, я хотела прыгнуть, но очутилась в его объятиях.

— Мари, милая, любимая! — шептал он, целуя меня — все крепче, все жарче.

И... вдруг я поняла, что по щекам катятся слезы! Самые настоящие! Я смеялась и плакала, а в груди бешено билось сердце — и откуда оно только взялось?! Я чувствовала все: горьковато-соленый вкус губ Арта, терпкий, пряный запах пота, от которого кружилась голова, теплую тяжесть его рук, обнимавших меня. Я чувствовала, как сбивается дыхание — самое настоящее дыхание — и как не хватает воздуха. И желание огненной лавой разливалось из темных тайных глубин по всему телу — настоящему телу!

Я даже не успела испугаться, когда солнце на западе быстро нырнуло за горизонт. Кот умудрился растянуть башкой завязки сумки и высунуть морду. Из-под нее выглядывал глаз Мари. Она словно удивлялась: эй, как же так, солнце закатилось, а ты еще не со мной...

Эпилог

Год спустя

К вечеру зной спал, и я выбралась из прохладной северной комнаты на увитую ползучими растениями веранду. Кое-как устроилась в плетеном кресле, обложенном мягкими подушками, подняла ноги на перила. Огромный живот, казалось, весил целую тонну.

Под тонким шелком свободного платья пробежала волна: девочка моя вертелась, как заведенная. Я прижала к животу руку и почувствовала сильный толчок.

— Потихе, моя хорошая. Я понимаю, тебе надоело сидеть в такой тесноте. Но потерпи еще пару недель, ладно?

— Пинается?

Арт тихо подошел сзади, поцеловал в шею, щекотно коснувшись мягкой бородой, положил обе руки на живот. Утром он уехал по делам в дальнюю деревню, и я успела за день соскучиться по нему так, словно не видела неделю.

— Мы так и не придумали, как ее назвать, Мари. А как звали твою мать?

— Ольга. Но я не думаю, что это хорошая идея. Назвать именем одной бабушки — другая обидится. Она и так меня терпеть не может. Какая-то деревенщина из Дегары захапала ее прекрасного сыночка!

— А мы ей не скажем, — усмехнулся Арт. — Что это имя твоей матери.

— Нет, не стоит. Есть у меня одна мысль...

— Лэрга?

Иногда... да нет, очень часто мы понимали друг друга без слов. Как в то время, когда еще были фамильярами и могли слышать мысли.

— Да. Ведь без нее у нас ничего не вышло бы. Она столько для нас сделала.

— Я не против, Мари. И ей будет приятно.

Запрокинув голову, я посмотрела на него снизу вверх, и он, наклонившись, поцеловал меня — таким долгим и нежным поцелуем, что перехватило дыхание.

— Скажи... Может, это глупый вопрос, но... ты счастлива?

Глупый или не глупый — какая разница? Потому что я была счастлива так, как будто купалась в солнечном свете. И хотела только одного — чтобы это счастье никогда не кончалось.

— Да, Арт. Очень. Хотя... кое-чего мне все-таки не хватает. Сильно не хватает.

— И чего же?

Судя по его улыбке, можно было не отвечать, но я все-таки ответила:

— Любимого мужа в спальне.

— Мне тоже очень не хватает любимой жены. Но ведь это не надолго, правда? — он поцеловал меня снова и предложил: — Здесь прохладно, посиди еще немного. Когда подадут ужин, я за тобой приду.

Арт ушел, а вместо него появился кот, которому мы так и не дали имя. Просто Кот. Развалился на каменном полу, вылизывая между растопыренными пальцами задней лапы. На новом месте он освоился быстро, построил в колонну всех окрестных котов, и популяция черных желтоглазых котят в поместье постоянно росла.

Мари тоже не осталась без личной жизни. Точнее, Марк. Да, моя дорогая жаба все-таки оказалась самцом. Но выяснилось это только весной, когда, повязав на лапу красную ленточку, чтобы не потерять, я отнесла ее... то есть его к ближайшему пруду, откуда раздавалось громкое кваканье. И что? Он надул на шее пузырь, исполнил любовный гимн и, распахав конкурентов, взгромоздился на какую-то пупырчатую красотку. И когда я несла его обратно в загон, отгороженный в саду, вид у него был такой довольный и умиротворенный, что я не могла удержаться от смеха.

Дожидаюсь возвращения Арта, я снова вспоминала все, что произошло за этот год. С того самого момента, когда стала настоящей.

Нет, тогда мы не занялись любовью прямо там же, на поляне у дороги, как можно подумать. Разумеется, желание было, но ощущение чуда захватило нас намного сильнее. Мы сидели на траве, на подстеленном плаще Арта, обнявшись, и пытались вместить, вобрать в себя то, что произошло. Поверить, что это случилось на самом деле. В тот момент, когда уже отчаялись и ничего не ждали.

Я достала из ножен на поясе Арта охотничий нож, провела по пальцу остро отточенным лезвием. Ойкнула от боли, слизнула выступившую кровь.

— Но как это вышло, Мари?

Он провел рукой по моей щеке, так, как делал уже не раз. Раньше это было всего лишь прикосновение. Сейчас каждая клеточка отзывалась на него, пела от радости, как струна под рукой музыканта.

— Я и раньше что-то чувствовала, Арт. И всегда это было связано с тобой. Тепло, когда ты до меня дотрагивался. Холод, когда котом прибежал из леса в дождь. Запах. Но это было так слабо, что я сомневалась, не показалось ли.

— Да, и со мной так бывало, Мари. И я тоже думал, что кажется. Поэтому и не говорил.

— Мы и правда получили ответ, когда это стало нам действительно нужно. Условие, при котором эфирное тело может стать настоящим, — любовь. Полюбить, понять это и принять.

— Но я понял, что люблю тебя, намного раньше, — не согласился Арт. — И что хочу быть с тобой. Даже если мы так и останемся котом и жабой.

— Значит, нужна была именно взаимная любовь. И желание быть вместе.

— Наверно, ты права. И что мы теперь будем делать?

— Как?! — я сделала вид, что страшно возмущена, и дернула его за ухо. — Ты уже передумал? Ты же мне предложение руки и сердца сделал! Или это предназначалось только жабе?

Арт рассмеялся, и мы снова провалились в безвременье, где были вдвоем. До тех пор, пока его слова не вернули меня в реальность:

— Прости, Мари, но... могу я попросить тебя об одном одолжении?

Да что угодно... хотя лучше бы, конечно, потом, если это не имеет отношения к тому, чего я жду от тебя сейчас!

— Разумеется.

— Может, это очень глупо, но... я хотел бы того, чего в наше время не бывает ни у кого. Или почти ни у кого. Первый раз заняться с тобой любовью в первую брачную ночь.

Мне казалось, я давно уже разучилась краснеть. Но, как выяснилось, ошибалась. Меня словно в ванну с кипятком окунули.

— Арт... ты же знаешь, я не девственница.

— Неважно. К тому же это тело еще никому не принадлежало, — он медленно провел руками по моим бедрам. — Мари, мне сложно объяснить, но...

— Не надо. Я понимаю. Но учти, это будет страшно трудно. Я могу сдохнуть от нетерпения, и вместо невесты-жабы у тебя окажется мертвая невеста.

— Мы постараемся устроить все побыстрее. И все-таки давай решим, что делать сейчас. Дорога непростая, поэтому лучше заночевать здесь. А утром или поедем дальше, или вернемся в Осбранту.

— А зачем нам возвращаться? — не поняла я.

— Чтобы у нас была настоящая свадьба, — похоже, Арт удивился моему удивлению.

— А в твоём поместье — это будет не настоящая?

— Прости, Мари, — он закрыл лицо ладонью. Видимо, фейспалм вездесущ для выражения подобных эмоций. — Я забыл, что ты не в курсе наших обычаев. В городах есть магистраты, куда люди приходят сделать запись о рождении, смерти или браке. О браке обычно торжественно, в присутствии гостей. А в деревнях такие записи делает владелец поместья и раз в год отвозит в магистрат ближайшего города. Даже если это касается его самого или его семьи. Поэтому я хочу вернуться. Да и родители мои были бы недовольны, если бы я женился тайком. Одно дело раньше, но сейчас...

— Хорошо, — согласилась я. — Мне, конечно, немного страшно, но... Если для тебя это важно, вернемся и сделаем так, как ты хочешь.

— Не бойся, милая, все будет хорошо. Теперь — точно все будет хорошо.

Мы развели костер, приготовили скромный походный ужин. Еда... не жуки и черви! Наконец я в полной мере поняла слова Арта о том, как это странно: снова есть человеческую еду. Впрочем, у радостей тела была и обратная сторона, от которой я успела отвыкнуть. Во всяком случае, в прежнем обличье — ведь жабы физиология заметно отличалась от человеческой.

Вечером следующего дня мы стучались в дверь дома Лэрги.

— Помнишь, как Иттон привез нас сюда на спине? — спросил Арт, обнимая меня за плечи.

Леста открыла дверь и снова взвизгнула — на этот раз от радости, а не от страха. Что тут началось! Лэрга плакала и обнимала нас, Иресса терлась об ноги и просилась на руки, чтобы умыть языком, Митрис хрипло каркал. Даже Иттон прослезился.

— Значит, будет свадьба? — спросила Лэрга, когда мы обо всем рассказали. — Арт, я думаю, тебе сейчас лучше поехать к родителям. Ведь ты же не хочешь, чтобы они увидели твою невесту в таком неприглядном виде? Оставь ее мне на пару дней, я сделаю из нее красавицу.

— Флером? — нахмурился Арт, не слишком довольный перспективой расстаться со мной, пусть даже на пару дней.

— Ни в коем случае. Какой в этом смысл, если красота всего на несколько часов? У нас, ведьм, есть и другие способы.

— Хорошо, — он тяжело вздохнул. — Когда мне приехать?

— Дай нам два дня. Завтра и послезавтра.

«Я буду очень скучать», — сказал Арт, когда я провожала его до ворот. А вот мне скучать было некогда. Хотя я вс, равно, конечно, скучала... между делом. Лэрга взялась за меня всерьез. С утра до вечера ванны с отварами трав, всевозможные снадобья и зелья, которыми она меня поила, мазала и растирала. Какие-то тетki приводили в порядок мои волосы, ногти, брови и ресницы. А еще тотальная эпиляция — в этом мире так было принято. Хорошо хоть не выдирали шерсть, а свели вонючей мазью в одно касание. Целая армия портних, поселившихся в свободных комнатах, спешно шила мне платья: повседневные, вечерние и свадебное.

— Лэрга, мне прямо неловко, — пробормотала я, глядя в зеркало, откуда на меня смотрела потрясающая красотка, непонятно как вылупившаяся всего за два дня. Может, и не такая, как Мария под флером, но Маша Соколова рядом с ней и близко не лежала, в самые лучшие времена. — Вы столько для меня сделали.

— Пустое, — отмахнулась она. — Мне приятно. Ты мне сразу понравилась. Признаю, Арта я раньше не слишком любила, но, похоже, его наглость и самоуверенность были напускными. Или он так сильно изменился? Но это уже неважно. Мария, свадьбой всегда занимаются родители или другие родственники, так принято. А я — для всех — твоя родственница. И, кстати, давай мы придумаем, что ты будешь всем рассказывать. О себе.

Мы сочинили целую легенду о моем происхождении. По ней выходило, что я круглая сирота, родители мои умерли недавно, и Лэрга пригласила меня к себе.

— О них никто ничего не знает, Мария, — рассказывала она. — Только то, что были такие и умерли. Дегара вообще самая дикая и отсталая провинция, и над тобой наверняка будут посмеиваться. Но там женщин не записывают в магистратах, а значит, никто не сможет поставить под сомнение твою принадлежность к высшему сословию, если ее подтвердит родственник мужского пола. А это необходимо для заключения брака. Ведьмы будут молчать, Олин тоже.

— Вот только Арнис... — засомневалась я. — Будет ли молчать он?

— Мы с Олином пустили слух, что он немного... не в своем уме. От злоупотребления фрайтой. В небольших дозах она полезна для супругов, которые начали уставать друг от друга, но для одинокого молодого мужчины это опасно. И слух охотно подхватили, особенно если учесть его недавнее странное увлечение Элией. А есть и те, кто считают, что он-то ее и убил.

Арт, приехавший за мной, чтобы отвезти к родителям, был потрясен.

— Мари, ты для меня всегда прекрасна, — сказал он, — но все же вынужден признать: Лэрга настоящая волшебница.

— По крайней мере, теперь ее не стыдно показать людям, — довольно усмехнулась та.

По дороге в город я пересказала ему придуманную нами легенду, чтобы врать одинаково.

— Постараюсь запомнить, — кивнул Арт. — С отцом, думаю, проблем не будет. А вот мать... Для нее любая невестка будет нехороша, тут уж ничего не поделаешь.

— Ладно, потерплю, — храбро ответила я, хотя на самом деле меня било мелкой дрожью.

Все вышло, как и предупредил Арт. Отец, похожий на лысый веселый шарик, расцеловал и пафосно заявил, что будет счастлив считать меня своей дочерью. Мать, довольно змеиного вида дама, смотрела косо, задала миллион вопросов и в конце концов изрекла:

— Ну что ж, Артариус, ты уже взрослый, тебе и решать.

Мол, мне она, конечно, не нравится, но что я могу поделать?

Арт крепкой стиснул мою руку под столом — разговор происходил за обедом — и сказал подчеркнуто спокойно:

— Спасибо, мама. После свадьбы мы уедем на юг, в поместье, которое отец передал мне. Тебе не о чем беспокоиться.

Подготовка к торжеству заняла всего неделю, и о предстоящем событии шумела вся Осбранта. Бывший секретарь принца, два года пролежавший в зачарованном сне и неожиданно восставший, так же внезапно женится неизвестно на ком, да еще из Дегары! Не будь я для всех родственницей Лэрги, вообще был бы скандал.

Все это время я жила у нее, и на меня наводили последние штрихи красоты. Да, я уже мало чем напоминала эфирную Марию. И Арт, приезжавший ко мне каждый день, тоже сказочно похорошел — то ли от счастья, то ли потому, что я видела его теперь совсем другими глазами.

Утром в день свадьбы, когда все та же армия мастериц одевала, причесывала и всячески меня украшала, Лэрга протянула мне сверток из шелковистой бумаги, перевязанный лентой.

— Это еще один подарок вам с Артом, Мария.

Я развернула его и увидела нечто похожее на очень тонкую ткань, почти прозрачную и мерцающую искорками.

— Флер?

— Да. Но ты должна выбрать, когда будешь самой прекрасной — на свадьбе или первой ночью в спальне.

До этого она посмеивалась над нашим решением «блюсти невинность», впрочем, совершенно беззлобно.

— Спасибо! — я обняла ее, но подумала, что предоставлю выбор Арту. И спросила его об этом, когда мы ехали в карете в магистрат.

— Знаешь, Мари... — он задумался на мгновение. — Никакой флер не сделает тебя более желанной. Для меня. Но вот на свадьбе...

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались. Я прекрасно поняла, что он имел в виду. Достала сверток из кармана, и Арт набросил на меня флер, который тут же растаял в воздухе.

В магистрате Олин подтвердил, что я его родственница Мария Моэра, дочь Сэлиуса и Ирис Моэра, принадлежащих к высшему сословию. После этого седой служитель в черной одежде сделал запись в толстый фолиант: «Такого-то года, месяца и дня Артариус Магден, сын Нэлора и Римеры Магден из высшего сословия, взял в жены Марию Моэра, дочь Сэлиуса и Ирис Моэра из высшего сословия». Странно, но только в этот момент я окончательно и бесспорно поняла, что прежняя жизнь Маши Соколовой осталась далеко позади.

Для свадебного пира король Гиндар предоставил парадный зал во дворце: так было принято, когда женились и выходили замуж придворные из ближнего окружения или их дети. Арнис вел себя так, что мы с Артом с трудом сдерживали смех и то и дело толкали друг друга ногами под столом: смотри, смотри! Он вертелся, пялился на меня с жадной злостью, на Арта вообще с ненавистью, ничего не ел, зато пил сверх меры, грыз ногти и под конец залил белый бархатный костюм красным соусом. Рианна поглядывала на него с тонкой, едва заметной улыбкой, и мне показалось: она что-то задумала.

— Согласись, — шепнул мне на ухо Арт, — хоть и маленькая месть, но приятно. А по-крупному пусть с ним разбираются темные силы.

Наша первая брачная ночь... До сих пор, когда я вспоминала о ней, из самой глубины по всему телу разливалось сладкое тепло, перехватывало дыхание, а на губах сама собой появлялась счастливая улыбка. Арт был прав: этого стоило ждать. Не просто желание, страсть, но необыкновенное чувство, что мы вместе навсегда, единое целое, существо с общей плотью и кровью. Ну а любовником он был таким, что никто из мужчин, которых я знала, даже близко сравниться с ним не мог. Так тонко чувствовать мои желания, понимать малейшие оттенки ощущений, стараться доставить как можно больше удовольствия мог только тот, кто по-настоящему любит. И я, разумеется, отвечала ему тем же.

Впрочем, насколько прекрасно все было между нами, настолько неприятно складывалась наша жизнь в доме Магденов. Свекровь потребовала — именно так! — чтобы мы остались с ними хотя бы на несколько месяцев. И если первое время мы с Артом слишком были поглощены друг другом, чтобы обращать внимание на досадные мелочи, то уже к концу первого месяца все стало сложно. Разумеется, мы не сталкивались с ней попами на кухне или в очереди в туалет, но все равно недовольство мною было, и она не стеснялась его высказывать: не туда пошла, не там села, не то платье надела.

Усугубляло положение и то, о чем говорила Лэрга: мое мнимое происхождение из Дегары. Хотя Арт и не занимал уже официальную должность, статус обязывал его бывать при дворе. Вместе с супругой. А поскольку я совершенно не представляла себе эту среду, ляпы были неизбежны, как я ни старалась. За мной наблюдали словно через увеличительное стекло, и даже самый мелкий огрех становился предметом всеобщего обсуждения на несколько дней.

Арт и Лэрга утешали меня как могли. Кстати, мои визиты к ней тоже раздражали свекровь. Хотя они и считались подругами — видимо, как Рианна и Элия, — Римера явно не могла забыть, что Нэлор когда-то был влюблен в Лэргу. И последней каплей стала устроенная мне выволочка по поводу того, что я поехала навестить Лэргу и опоздала к

обеду. Арт за меня заступился — прилетело и ему.

— Вот что, Мари, — сказал он, когда мы ушли в наши комнаты. — Пока не выпал снег, нам надо уехать. Так больше продолжаться не может. Конечно, я могу купить дом в городе, денег хватит, но это ничего не изменит. Мать все равно будет совать во все нос, а тебе придется бывать при дворе.

Мы стойко перенесли еще один скандал и начали собираться. На этот раз свекор нас поддержал. Накануне отъезда, чтобы не делать утром большой крюк, мы заехали попрощаться с Лэргой, а заодно забрать кота и Мари, которые остались у нее. Посмотрев странно, Лэрга под каким-то предлогом увела меня в свою спальню и заявила без обиняков:

— Не знаю, обрадую тебя или нет, Мария, но ты беременна. У вас будет дочь.

— Откуда вы знаете? — растерялась я. — Лунные дни должны начаться только послезавтра.

— Вижу, — улыбнулась она загадочно. — Послезавтра убедишься. А в августе убедишься еще раз. Ну и, думаю, этот ребенок будет не последним.

— Вы и это знаете? — я не могла поверить, хотя уже не раз убеждалась в ее магической силе.

— Я не сомневаюсь, что Арту захочется еще и сына, — рассмеялась она. — Держи, это амулеты для тебя и для девочки. Они будут вас оберегать. Твоя дочь вырастет красивой и умной. И, возможно, станет ведьмой. Я буду писать тебе и обязательно навещу. Не прощаюсь.

Узнав новость, Арт чуть с ума не сошел от радости. Но ехать в поместье мне пришлось в крытой повозке, черепашим шагом, умирая от скуки. Он вообще трясся надо мной так, что иногда я начинала сердиться. Но все равно это были месяцы безграничного счастья, которые не могли омрачить ни утренняя тошнота, ни то, что я превратилась в неповоротливого кита, ни даже вето на секс, наложенное суровым лекарем ближе к концу беременности. Разумеется, кое-какие шалости мы с Артом все равно себе позволяли, но этого было так мало!

Поместье, которое отец отдал ему, оказалось огромным: десять деревень, поля и леса. И дом, больше похожий на замок. Утонченный щеголь Арт с утра натягивал высокие сапоги, самую простую одежду и вместе с управляющим разъезжал по округе, вникая в тонкости хозяйства. Дом достался мне — с домоправителем Лестером, ключницей Неллой и целой армией слуг. Сначала было страшно, но с моей въедливостью и дотошностью я очень быстро все поняла, и уже через несколько месяцев все у нас с Артом работало, как смазанный часовой механизм. И сейчас, когда я уже с трудом передвигалась и даже не могла сама надеть башмаки, достаточно было выслушать доклады и отдать распоряжения. Не вставая с кресла.

Вечером Арт проводил меня в спальню, посидел со мной, рассказывая о том, что мы не успели обсудить за ужином, и отправился в свою комнату через коридор, где спал последние два месяца. Я ворочалась в постели, пытаюсь устроиться поудобнее, но никак не получалось.

Как только рожу, целые сутки просплю на животе! Раньше я вообще никогда не спала так, но сейчас казалось, что это самая удобная поза.

В доме было душно, несмотря на открытые окна. В южных провинциях два последних летних месяца — самые жаркие, и даже ночью не становится прохладнее. Меня раздражало все: духота, липнущие к ногам простыни, отчаянные вопли стрекотунов в саду — неисчерпаемом ресторане Марка. И вдруг, когда я в очередной раз повернулась с боку на бок, пристраивая живот, в нем словно что-то лопнуло, и подо мной растеклась теплая лужа.

Я быстро зажгла свечи в подсвечнике и позвонила в колокольчик. Через несколько минут в спальню вбежал Арт — взлохмаченный, в наспех надетых штанах и рубашке, за ним — моя личная служанка Майя. Тут же образовалась суeta, везде загорелись огни, из

коридора доносился топот ног и возбужденные голоса.

Пока все бегали и сустились, начались схватки. Сперва слабые, потом все сильнее и сильнее. Арт сидел рядом и держал мою руку, на нем лица не было от волнения. «Как ты?» — спрашивал он каждую минуту, что меня только злило. А еще больше раздражала толпа народу в спальне: лекарь, повитуха, служанка на подхвате и Эммина, совсем юная ведьма из ближайшего города, которую Арт привез еще неделю назад. Ну как же, разве знатная дама может рожать без ведьмы?!

К утру стало совсем немого. Я орала, никого не стесняясь, и до синяков сжимала руку Арта. А едва схватка отступала, шипела, что больше никогда-никогда, и секс мне тоже больше не нужен, если за него приходится так расплачиваться. Арт стойчески терпел, платком вытирал мне пот со лба и туда же целомудренно целовал. Как покойника.

Лекарь время от времени бесцеремонно запускать руку под простыню — проверить, как идут дела. И тогда мне хотелось убить уже его. Повитуха скучала без занятия, перебирала пеленки и проверяла, не остыла ли горячая вода в ведрах, которую Майя то и дело подновляла. Эммина читала какие-то заклинания и давала мне пить горькое ядовито-желтое зелье.

К обеду я почувствовала, что меня разрывает на части. В самом буквальном смысле. Лекарь запустил Арта с ноги в коридор, откинул простыню — и вскоре моя девочка наконец-то появилась на свет, заявив об этом победным воплем.

Арт влетел в спальню, не дожидаясь приглашения. Краем глаза зацепил лекаря, который возился у меня между ног с иглой и нитками, бросил: «Спасибо, Мари, я тебя люблю!» — и деликатно отвернулся к повитухе, которая купала маленькую Лэргу в корыте. К тому моменту, когда он получил запеленутую дочь на руки, я уже была в относительном порядке, и меня стремительно затягивало в сон.

— Я тоже тебя люблю, Арт, — только и успела пробормотать, проваливаясь в блаженную темноту.

Пока я отсыпалась, он отправил гонца с письмами родителям и Лэрге. На четвертый день тот вернулся с поздравительным ответом и мешочком денег от новоявленных бабушки и дедушки. А вместе с ним — к нашему огромному удивлению — приехал Олин. С целой сумкой подарков от Лэрги.

Я уже встала с постели, хотя сидеть мне нельзя было еще долго, только стоять или лежать. Но самый ужас — я настояла, что буду кормить ребенка грудью. Даже Арт был шокирован: знатная женщина — и кормить, как простая крестьянка?! Но возражать не стал. Страшно было представить, как отреагируют на известие об этом Магдены. Но я ведь неотесанная деревенщина из Дегары, так? А значит, плевать.

Последнее письмо от Лэрги-старшей я получила с месяц назад, поэтому привезенные Олином новости оказались очень кстати. Она уступила свой пост Верховной ведьмы Лотте Ойер, которой исполнилось двадцать пять, но, похоже, вовсе не скучала.

— Маму стал частенько навещать один симпатичный вдовец, — с улыбкой рассказывал Олин. — Из придворных. Да вы его знаете, Бэрт Эстин, начальник гербовой палаты. Один из ее бывших поклонников. Когда-то она с большим трудом сделала выбор в пользу моего отца, хотя потом частенько сомневалась, не ошиблась ли. Если это и правда была ошибка, у нее есть все шансы ее исправить. А как только спадет жара, ждите ее в гости. Сразу после моей свадьбы.

— Как, ты женишься?! — воскликнули мы в один голос. — На ком?

— Вы ее не знаете, — лукаво усмехнулся Олин. — Она не из придворных. Мне не нужна жена, которая успела переспать со всеми моими знакомыми.

Проводив его на следующий день обратно в столицу, мы с Артом медленно прогуливались по цветнику. Солнце только встало, и еще не навалилась тяжелая влажная духота. На траве блестела роса, в саду пели птицы, медвяный запах навевал сладкую истому.

— Как хорошо! — я обняла Арта за талию. — Надеюсь, ты не принял всерьез то, что я

сказала? Когда рожала?

— Конечно, нет, — он наклонился и поцеловал меня, крепко-крепко. — У нас все всегда будет хорошо. Я это точно знаю, Мари. Потому что люблю тебя.

— Похоже, у них все хорошо, — рассказывал Олин Рианне, Арнису и еще нескольким придворным после ужина. — Мария родила девочку, назвали Лэргой. Арт счастлив до смешного. Даже завидно.

Арнис презрительно кривил губы и слушал вполуха, поглядывая на стройную рыжеволосую девушку в голубом платье.

— Кто это? — спросил он. — В голубом, разговаривает с Ярикой Мартенс?

— Джилла Ивер, — ответила Рианна. — Моя новая дама, сестра Ярики.

— Ивер? Значит, не замужем?

— Когда это тебя останавливало, сынок?

— Сколько раз говорил, прекрати называть меня сынком... мамаша! — прошипел Арнис.

— Джилла тебе не по зубам. Она девушка серьезная.

— Это мы еще посмотрим! — отрезал он, встал и направился к Джилле и Ярике.

— Слышала о своем бывшем дружке, Яр? — подойдя поближе, Арнис приобнял Ярику за плечи. — Стал папашей и по уши погряз в семейном болоте. Аж противно. Эта ведьмина приживалка так легко прибрала его к рукам. Хотя я-то знаю, как все получилось. И кто она такая на самом деле. Но лучше промолчу. Все равно никто не поверит.

Ярика поморщилась.

— Извини, Арнис, меня ждет муж. Ты идешь, Джилли?

Та чуть помедлила, и Арнис, воспользовавшись моментом, поймал ее за руку.

— Подождите минутку. Вы ведь Джилла Ивер?

— Да, — улыбнулась девушка. И повернулась к сестре: — Иди, Яр, я поговорю с принцем.

— Как так получилось, что я до сих пор вас не видел? — Арнис взял ее под локоть и отвел в сторону.

— Я не бывала при дворе, — Джилла смотрела ему прямо в глаза, чуть прищурившись.

— Я бы хотел познакомиться с вами поближе. Вы очень красивая девушка.

— Я не против, принц.

— Тогда где мы встретимся?

— Моя комната на первом этаже, последняя по белому коридору, — она улыбнулась обещающе.

— Я приду, — Арнис чуть сжал ее пальцы и отошел.

Поздно вечером, когда во дворце все стихло, он прокрался по безлюдному белому коридору и постучал в последнюю дверь, которая легко подалась под рукой. Джилла, с распущенными волосами, в тонкой накидке, наброшенной поверх ночной рубашки, подошла к нему и положила руки на плечи.

— Как-то у тебя здесь неуютно, — поцеловав ее, сказал Арнис. — Как будто нежилая комната.

— Я только позавчера въехала, не успела обжить, — усмехнулась Джилла. — Может, выпьем вина?

Она налила из бутылки в два бокала, протянула один ему. Арнис сделал глоток, и в глазах потемнело. Из последних сил цепляясь за остатки сознания, он услышал знакомый голос:

— Умница, Джилли. Я в долгу не останусь. Пойдем. Это нежилое крыло, здесь его не скоро найдут. Не забудь бутылку и бокалы...

Рианна вошла, как королева. Да она и была ею. А еще — главной в триаде Верховных ведьм. Это давало ей право заходить в хранилище и разговаривать с попавшими туда душами.

— Приветствую вас, госпожа Рианна, — низко поклонился хранитель Мариус.

— Здравствуй, — надменно кивнула она. — Принеси мне души Элии Беригар и принца Арниса.

— Слушаюсь, госпожа.

Он удалился и через некоторое время вернулся, держа в руках по светящемуся шару — сиреневый и бледно-голубой. В сердцевине голубого мерцала алая точка равновесия.

— Оставь нас! — приказала Рианна, когда Мариус опустил души на стол. И продолжила, едва тот вышел: — Ну что, Элия? Ты хотела получить Арниса? Теперь вы вместе. Жаль, даже поговорить не можете, не то что лечь в постель. А ты, Арнис, прости, что пришлось так с тобой поступить. Но согласись, ты это заслужил. К тому же... я беременна, и у меня родится сын. Король Гиндар серьезно болен, вряд ли протянет больше двух-трех лет. Конечно, я могла бы ему помочь, но к чему? Мой сын станет королем, а до его совершеннолетия править Энигерной буду я. А пока... — она протянула руку, и алая искра засияла между ее пальцами. — Я заберу это. Нет, мне не нужна твоя душа для фамильяра. Я не такая дура, как Элия. Да и ты мне ни к чему. Но точка побудет у меня.

Рианна поднесла ладонь к своей груди, и красный огонек исчез, словно просочившись сквозь ее кожу внутрь тела.

— Может быть, когда-нибудь я тебя отпущу. Очнешься глухонемым волкодлаком в далекой провинции и не будешь знать, кто ты и откуда. Как Иттон, принц Алисанды, который раньше был конюхом Элии, а теперь служит у Лэрги. Кстати, Арнис, он любовник твоей матери, королевы Янты. Она не умерла, а покончила с собой, когда узнала о моей связи с твоим отцом. Лэрга забрала ее душу из хранилища. Лиса Иресса — твоя мать, Арнис. Ну, счастливо вам оставаться, мои дорогие!

Она позвала Мариуса, велела ему отнести души на место и удалилась. Выполнив приказ, хранитель вернулся в зал, где проводил за книгами долгие часы, убедился, что королева действительно ушла, и крикнул:

— Отец!

Тьма в углу блеснула синевой, и Митрис сел на его плечо.

— Передай Лэрге, отец, что Мариус Веллиан помнит добро. Расскажи ей обо всем, что услышал. Думаю, только к лучшему, что Арнис не станет королем. Пусть им будет его брат. Но и Рианна не должна остаться безнаказанной. Лэрга обязательно придумает, как это сделать. Лети, отец. Доброго пути!